

Российская Академия Наук
Институт философии

**СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ
СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Москва
2014

УДК 300.331
ББК 15.51
С 69

Ответственный редактор

д-р филос. наук *В.Н. Шевченко*

Рецензенты

д-р филос. наук *О.А. Митрошенков*

д-р филос. наук *И.Н. Сиземская*

С 69

Социально-исторические и идейные основы современного российского государства [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФ РАН, 2014. – 221 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0263-8.

В коллективной монографии рассматривается философский смысл происходящих перемен в идейно-духовной ситуации в российском обществе. Предпринята попытка дать современное понимание идеологии как сложного, многопланового идейного феномена, организующего социальную жизнь. Анализируются полемика относительно природы российского государства, роль философии в достижении общенационального согласия, консолидации и единства российского общества.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся идейно-духовным состоянием современного российского общества, возможностями создания национально-государственной идеологии.

ISBN 978-5-9540-0263-8

© ИФ РАН, 2014

© Коллектив авторов, 2014

Предисловие

Коллективная монография посвящена главным образом рассмотрению современной ситуации, сложившейся в стране в идейно-духовной сфере жизни российского общества. Ситуацию можно оценить как критическую. Заявленная программа модернизации страны фактически не реализуется. Страна не движется вперед, она стоит, словно витязь на распутье, перед выбором, который должен определить ее судьбу на ближайшие десятилетия. Отсутствие мощного модернизационного рывка может иметь катастрофические последствия для страны. Фактор времени работает против России, о грозящем отставании России «навсегда» сегодня говорят открыто и бьют тревогу в самых различных по идейной ориентации средствах массовой информации.

На первый взгляд кажется, что выход из этой ситуации предельно прост и понятен – это форсированное создание нового шестого технологического уклада, инновационной экономики. Но модернизация не есть сугубо технологическая проблема. Заманчиво простым выглядит требование отечественных западных либералов немедленного проведения радикальной и масштабной политической реформы. Конечно, политические реформы, если кому-то по душе по-прежнему это слово, в принципе, могут оказаться полезными. Но они не могут быть самоцелью. Архитекторы перестройки 1980–1990-х гг., не добившись в одночасье решения экономических вопросов, решительно повернули курс на проведение радикальной политической реформы, итоги которой оказались плачевными.

Эффективное решение проблемы нужно искать, прежде всего, через определение стратегических целей модернизации, которые должны быть сформулированы в новой национальной идеологии, которую ещё предстоит создать. Идеологии, способной указать социально-интегральный вектор модернизации и, самое главное, способной стал важнейшим фактором консолидации российского общества. И нужно иметь в виду, что условием создания современной инновационной экономики, какой бы смысл в это понятие не вкладывали, выступает решение целого комплекса острейших социальных проблем. Именно их решение является условием большого модернизационного рывка, а не наоборот.

Актуальность проделанной работы, на наш взгляд, состоит в том, что в ней рассматриваются социально-исторические и идейно-духовные факторы, способствующие консолидации и единству общества. В этом контексте решающее значение в работе придается обоснованию неизбежности радикальных перемен именно в духовной ситуации. Была рассмотрена обусловленность сегодняшнего её состояния конкретными политическими, социально-экономическими процессами, которые протекают в стране и в мире и намечены подходы к выработке наиболее общих основ национально-государственной идеологии.

Интерес к идеологическим вопросам в современной общественной мысли в последнее время неизменно растет. Прошли те времена, когда выступления в защиту идеологии считались бесконечно устаревшими, в лучшем случае, недоразумением. Президент РФ В.В.Путин в своем недавнем выступлении на Валдайском форуме, в других выступлениях последнего времени неоднократно говорил о том, что вопросы обретения и укрепления национальной идентичности, новой национальной идеологии, идеологии развития действительно носят для России фундаментальный характер.

Значительное внимание в книге уделено анализу современных измерений идеологии глобализма и её воздействию на ситуацию в России. Основная установка глобализма в последние десятилетия остается неизменной. Единственной шкалой оценки современности является дихотомия цивилизация – варварство, согласно которой по-прежнему признается априори существование евро-американской цивилизации как единственно рациональной и универсальной. А большое число государств в современном мире, так и не ставших странами рыночной экономики и либеральной демократии, подлежат принудительному реформированию. Но у идеологии глобализма появляются и новые конкретные измерения. Сформировались и стали активно проявлять себя в мире неклассические идеологии. Идет интенсивная перезагрузка «тяжелого» образа Америки как империи на облегченный империализм, который освобождается от балласта прямого администрирования и рисков прямого политического управления подконтрольными странами. На место явного насилия приходит косвенное, структурное насилие над людьми в обществе. Частным случаем такого насилия может выступать, к примеру, длительное отсутствие по-

стоянной работы или полная потеря работы, недостаток образования, а в духовном плане дегуманизация жизни, потеря жизненных смыслов. Деградация отдельного государства и людей, живущих в нем, достигается с помощью перестройки требуемых для решения этих задач структур общества (например, создание регрессивных структур образования или культуры), но о прямом, силовом насилии над страной и людьми говорить не приходится.

В работе много внимания уделено новым формам идеологии глобализма, которые можно назвать «мягкими идеологиями». Это идеологии демобилизации нации, расчетливого содействия росту апатии, безверия, индивидуализма и потребительским настроениям. Мягкие идеологии нацелены и на население развитых капиталистических стран, и на остальной мир, включая Россию.

Идея «конца пространства», выдвинутая в продолжение идеи конца истории Ф.Фукуямы, ставит под сомнение существование территории как базовой категории политической реальности. Государство в значительной степени, если не полностью, лишается независимости и суверенитета.

Еще один аспект заявленной темы, которая внимательно исследуется в книге, это новые роли Интернета, давно потерявшего свою информационную нейтральность. Новый, пятый вид пространства – киберпространство становится реальным пространством, на просторах которого разыгрывается в открытых и тайных формах третья мировая информационная война. Эволюция идеологии классического либерализма привела к созданию новой, теперь уже виртуальной её формы – денационализованного либерализма или «киберлиберализма». С ним связано и появление «кибердиссидентского» движения. Сохранение государственной и национальной безопасности страны требует действенных мер по защите собственного культурно-исторического пространства, которое подвергается интенсивному размыванию. Чтобы избежать провала страны в архаику, в архаизирующую модернизацию, ей жизненно необходимо обрести, наконец, свою идентичность на основе собственных культурно-исторических ценностей.

Западная мысль также всерьез обеспокоена социальной дезинтеграцией общества и его духовным кризисом и стремится к переосмыслению прежних идеологий, давно уже потерявших свою действенность и роль. Главная идея состоит в том, что индивид с

его правами, сам принцип свободы, лежащий в основании общества автономных индивидуумов, могут быть поняты и осмыслены только, если они находятся внутри общества как целостности, взятом в определенном социальном и историческом контексте. Европейские интеллектуалы видят выход из ситуации на западе на путях выработки нового типа «единства». Суть этого подхода состоит в том, чтобы 1) вписать индивида в социальное целое и 2) переосмыслить структуры общества с точки зрения соответствия их высшей ценности – социальной интеграции. В основе органической целостности лежит два принципа – равенство перед высшей идеей, высшим авторитетом и принцип сакральности. Вообще говоря, проблема общества как органической целостности вызывает всё более растущий интерес. В монографии обращается внимание на то, что в русской философии было много сказано верного и оригинального о природе органической целостности, в том числе о соборности и её сакральности. В нынешнее время светское понимание сакрального становится одной из важнейших характеристик такого вида целостностей. Присутствие сакральных ценностей в современном обществе ведет к появлению того, что можно назвать социальной сакральностью, которая есть основа нерушимого единства общества, его консолидации и солидарности. Такой вывод делается в статье «Новые измерения глобализма и проблема консолидации российского общества». Практическая значимость изучения последних идеологических форм глобализма Запада заключается в том, чтобы понять особенности современного этапа информационной агрессии и выработать ответные меры по сохранению суверенитета, независимости и территориальной целостности страны. Но с ответом здесь большие сложности.

Главная задача, поставленная и решаемая в статье «Зачем России нужна идеология?», заключается в поиске оснований для создания современной идеологии для нашей страны. Именно её отсутствие в течение последних двух десятилетий обуславливает высокий уровень разорванности, расстыковки между повседневной практикой власти, её постоянных уверений в улучшении общего положения дел в стране и повсеместного ощущения неблагополучия, тупика и регресса. Рассмотрена эволюция понятия «идеология», этапы развития идеологических процессов, основные признаки классического понимания идеологии, идеологии

западного либерализма, которая для российского общества является оружием разрушения российской цивилизации, разрушением традиционных критериев добра и зла, социальных ориентиров и нравственных ценностей. Рассмотрена современная интерпретация органической теории общества, помогающей в значительной мере ответить на вопрос, зачем и как людям жить сообща. В работе утверждается взгляд на идеологию как на средство, которое обеспечивает интегративный характер российского государства, как на сложный, многоплановый идейный феномен, организующий социальную жизнь. Стремление к единству, солидарности, справедливости исторически возникает у русских, всего российского многонационального народа из стремления к выживанию в сложнейших природно-климатических и социально-исторических условиях. В основе идеологии должно лежать целостное мировоззрение, должны лежать ценности, которые скрепляли жизни людей на протяжении столетий, отмечены глубоким сакральным смыслом. Главное – это идея державной государственности как гаранта национального развития страны и её защиты перед лицом опасностей как внутренних, так и внешних. Национально-государственная идеология должна соединять в себе высшие смыслы национальной идеи и способы решения общественно-значимых задач, стоящих в сегодняшней повестке дня. Активная разработка её становится актуальной и императивной задачей интеллектуального сообщества.

Небольшой раздел книги посвящен ценностным характеристикам общественного и цивилизационного развития современной России, их существенного отличия от характеристик других обществ и цивилизаций. Исходя из анализа этих характеристик как евразийских по сути, сделан вывод о том, что Россия может рассчитывать на мощный подъем в XXI в. Величественное будущее России, наметившийся поворот к лучшему в решающей степени зависит сегодня от действий левых сил нации, способных стать мощным двигателем прогресса страны.

В разделе «Роль этнического фактора в развитии государственности современной России» отмечается, что на протяжении времени существования новой, постсоветской России в общественном сознании не сложился единый, общеприняемый образ национальной идентичности. Автор статьи предлагает не отбра-

сывать мультикультурный проект, несмотря критику его «слева» и «справа» в российской политической риторике, а попытаться использовать по новому интерпретированные мультикультурные механизмы для преодоления существующей на сегодняшний день тенденции к дезинтеграции российского социума. В статье предлагается понятие «нового интернационализма» как российский вариант мультикультурализма с условием освобождения его от ассоциаций только лишь с «пролетарским интернационализмом» и наполнения его идеями более широкой социальной солидарности.

Известно, что в российском обществе отсутствует общенациональное согласие по поводу того, в каком направлении должно идти дальнейшее развитие российского государства, какой представляется судьба российской цивилизации, каковы важнейшие ценности, определяющие смысл жизни российского человека. Речь идет об определении неких философско-идеологических границ, в пределах которых деятельность различных политических сил носила бы легитимный и одновременно конструктивный характер. Напрямую выполнить эту задачу не под силу академической философии. С публичной деятельностью большого числа политически активных движений и групп академическую философию должен соединить некий «переходник», переходное устройство – философия публичная.

В центре дискуссий последних лет в российском обществе – необходимость изменения конституции, конституционно-правовых основ государства, требование масштабных политических реформ. Достаточно указать на конкретные и непримиримые идейные позиции сегодняшних политических сил в стране, каждая из которых опирается на сконструированное ею мировоззренческое отношение к государству и власти, чтобы убедиться в императивной необходимости достижения общенационального согласия. В книге подробно изложены эти основные позиции: 1) либерально-западническая точка зрения или радикальный либерализм, согласно которому Россия может сохраниться в будущем, только если станет частью западной цивилизации и сменит цивилизационный код; 2) русский этнический национализм, основу которого составляет противопоставление Руси и России, выход из неё республики Русь; 3) различные региональные сепаратистские движения, направленные на превращение России, в лучшем случае, в слабую конфедерацию; 4) точка зрения коммунистов, которые видят спасе-

ние Отечества в возрождении советского строя и в возвращении на путь социализма; 5) общественные и партийные движения, выступающие за возвращение страны к имперскому, православно-монархическому строю и образу жизни. А также примыкающая к ним имперская позиция А.Проханова и созданного при его активном участии Изборского клуба, который призывает к созданию, так называемой, пятой российской империи и к необходимости исторического примирения белых и красных; 6) идеология российского (либерального) консерватизма правящей партии «Единая Россия».

Выход из этой ситуации основные политические силы предлагают разные, они «тащат» страну в разные стороны по принципу «лебедь, щука и рак». Мы имеем здесь дело с самым настоящим идеологическим, политическим и психологическим тупиком, из которого нет прямого выхода. Встает проблема налаживания диалога и той роли, которую может здесь сыграть философия, поскольку проблему достижения согласия нельзя ставить и решать применительно только к конкретной политической ситуации. Она тесно связана с определением стратегических целей развития страны. По сути это единая проблема.

Конкретные пути создания новой идеологии – предмет особого исследовательского интереса в монографии. В проведенном исследовании предлагается ввести понятие публичной философии. Именно в разрыве между профессиональной философией и многочисленными политическими практиками формируется поле применения особого рода философии – публичной философии, «заточенной» как говорят сегодня, на постоянное участие в дискурсе особенно между активно действующими политическими субъектами.

Публичная философия может выступить сегодня в конкретной ситуации как сложное, главным образом, идеологическое построение, которое содержит в себе характеристику основных черт российской (русской) цивилизации. Скорее всего, цивилизационное начало явится в разработке объединительной идеологии первичным по отношению ко всем другим возможным ее основаниям, хотя цивилизационная характеристика выступает лишь необходимым, но недостаточным условием для содержательного оформления национально-государственной идеологии развития. Тем не менее, такой подход открывает реальные возможности для достижения общенационального согласия в стране.

Раздел «Социально-экономические и идейные основы современного государства: китайский опыт» интересен тем, что его материалы убедительно свидетельствуют в правильности замысла авторского коллектива, они служат дополнительным аргументом в поддержку сделанных ранее в монографии выводов о значимости для России современной национально-государственной идеологии. Успехи Китая в значительной степени объясняются наличием в стране объединяющей китайский народ прагматичной идеологии, которая находится в постоянном развитии, что подробно и конкретно раскрывается в разделе. Представляют интерес рассуждения относительно эффективности существующей в Китае идеологии, основанием которой является «китаизированный» марксизм. По существу в этом концепте отчетливо просматривается идея соединения культурно-исторических традиций страны с общими теоретическими положениями марксистского учения, хотя подробное исследование пределов возможностей такого необычного синтеза еще предстоит осуществить. В этом разделе монографии дается квалифицированный разбор ряда книг по идеологии, изданных в Китае в последнее время, особенно разбор различных интерпретаций «китайской мечты», которая раскрывается как построение в Китае «богатого, могучего, демократического, цивилизованного, гармоничного, социалистического современного государства». «Китайская мечта» становится общенациональной идеей, способной объединить всех китайцев на нынешнем этапе развития страны независимо от их возраста, профессии и пола. Общий, объединяющий вывод, который можно сделать по содержанию монографии, – это стремление авторского коллектива показать необходимость создания современной национально-государственной идеологии для России, отвечающей духу времени и эпохе, и раскрыть те условия, при которых эта необходимость может быть практически реализована.

Ответственный редактор *В.Н. Шевченко*

Новые измерения глобализма и проблема консолидации российского общества

Мы живем на переломе эпох. Знаковая книга Ф.Фукуямы «Конец идеологии» не столько поставила точку в конце одной эры мировой истории, сколько наметила будущее мирового сообщества. Мало кто из читающей публики обратил внимание на *примирительный* тон работы американского исследователя. Казалось бы, нюанс незначительный – победитель благороден. Он даже не торжествует, а просто умиротворен. Супергерой «империи добра» сделал свое дело и тихо удаляется, не требуя награды. Однако это вовсе не так. Напротив, победитель получает все. Причем в буквальном смысле: весь мир. Но при этом круто меняет параметры взаимодействия субъектов мировой истории. Субъект отныне один, и он творит от своего имени новую идеологию – идеологию глобализма. Произошел своеобразный «мировой государственный переворот», когда сформировался странный мир, в котором одно государство пытается диктовать свою волю бесчисленному множеству других государств.

Возник некий симулякр, подобие новой Римской империи в лице США, которому необходима новая идеологическая платформа. И она появляется на наших глазах. Рождается идеология «конца идеологий», или, по точному выражению политических философов в области коммуникаций Франсуа-Бернара Юига и Пьера Барбе, «мягкая идеология» (*La soft-idéologie*), для которой показательно широкое распространение «политической дискуссии, лишенной идей и проектов»¹. «Мягкая идеология» – это идеология

демобилизации. Она вызывает к жизни общество безразличия, потери смысла и нарциссистского индивидуализма. Она созидает «консенсус апатии в отношении самых важных и существенных смыслов человеческого существования»². Как со всей резкостью замечает Ф.-Б.Юиг, она провозглашает поклонение вещам и экзальтацию идеологии «маленьких счастья». La soft-idéologie – это власть Денег, бизнес, моральное вырождение, либерализм и рок-культура³. La soft-idéologie, – как замечает другой исследователь С.Халими в рецензии на книгу Ф.-Б.Юига и П.Барбе, – это вытеснение глубокого размышления над главными вопросами социального устройства, глубоких дискуссий об обществе и его перспективах, это замещение интеллектуалов «людьми спектакля», заслонение лидеров дилерами. Это – «мягкий плюрализм ценностей» перед лицом «жесткой монолитности систем»⁴.

Двадцатый век человечество прожило в мире непримиримой схватки двух систем – капиталистической и социалистической, прямого и жесткого противоборства двух антагонистических соперников. Такому качеству существования соответствовала идеология открытой конфронтации. Символами раздела были «берлинская стена» – каменная и «советский занавес» – железный. Фундаментом идеологической борьбы была экономика. Противостояние недвусмысленно обозначалось как политико-экономическое и идеологическое.

Мировоззрение двадцать первого столетия зачиналось в конце двадцатого *«бархатными»* революциями, поле битвы мягко сместилось в область расплывчатого *культурного* регистра. Упрощенный манихейский клич борьбы «империи Добра» против «империи Зла» нашел свое продолжение в иллюзии большинства современных американцев, которые убеждены, что территориальное разделение мира проходит между погруженным во мрак Востоком и светоносным Западом. Эксплуатация культурологического фокуса видения мира привела к тому, что завершающая ныне свое формирование идеология глобализма проводит новый водораздел по границе между «цивилизацией» и «варварством», который, однако, не перестает быть линией фронта.

Идеологема «времени белого человека» вновь обретает жизнь и получает новую интерпретацию. Возрождаются традиции мелиоративного интервенционизма. Некогда англичане про-

возгласили себя носителями цивилизаторской миссии для отсталых народов⁵. Сегодня США выступают с программой административного переустройства «отсталых» государств. Поскольку последние сами не могут рационально управлять своими ресурсами, они нуждаются в опеке, чтобы приобрести американский образ жизни в обмен на богатства своих недр⁶. Демииургические стремления по перестройке других обществ с целью их улучшения облекаются в форму «благожелательного» насилия через посредство колонизации нового типа. В этом Америка видит свое предназначение в истории мира.

По сравнению с эпохой британского владычества современный американский проект предстает как «облегченный империализм», как гегемония без колоний, указывает канадский исследователь, преподаватель университетов в Кембридже, Оксфорде, Гарварде и Торонто М.Игнатъефф. Америка стремится создать глобальную сферу влияния, освобожденную от балласта прямого администрирования и от рисков, которые сопутствуют прямому повседневному политическому управлению⁷. Эта модель лишней раз подтверждает, что новая идеология глобализма намерена использовать окольные средства воздействия, «косвенное правление». Идет «перезагрузка» прежнего «тяжелого» образа империи, приведение его в соответствие с новой – «легкой» современностью. Именно такое определение состояния человеческого сообщества дал английский социолог З.Бауман в своей книге «Текучая современность»⁸.

Американские политики меняют тактику действий: они переходят к краткосрочным интервенциям с быстрым отходом. Тяжелая современность была эрой прямых территориальных завоеваний, пишет З.Бауман, – Она требовала неприступных стен, охраны границ и сохранения тайн местоположения. Новая техника власти использует в качестве своих главных инструментов свободу и искусство ускользания. Для новых властителей-кочевников, от которых зависит судьба менее подвижных партнеров в отношениях, важно в любой момент оказаться за пределами досягаемости⁹. Прототипом новой тактики стал принцип «нападай и убегай». Этот новый способ реализации власти был ярко проиллюстрирован во время войн в Персидском заливе и в Югославии. «Удары, нанесенные самолетами-невидимками и “умными” самоуправляющимися

и самонаводящимися на цель ракетами – неожиданно прилетевшими ниоткуда и немедленно исчезнувшими из вида, – заменяли территориальное продвижение отрядов пехоты и попытки вытеснить врага с его территории»¹⁰. Появляется даже специальный термин для такого рода действий – «McOccupation», что означает в переводе нечто вроде «уцененной оккупации»¹¹.

Культурологический аргумент, идеологически более пластичный по сравнению с жестким экономическим диктатом, определявшим мир двадцатого столетия, на самом деле призван скрыть то, что политическая экономия XX в. сделала явным – противоречия между господствующим сословием и остальными. Этому помогает, в частности упомянутая выше дихотомия «цивилизация» – «варварство», растиражированная как единственная шкала оценки современности. В такой перспективе формируется оппозиция между «единой Цивилизацией и множеством варварств». Война идет против «государств-бандитов», «государств-разбойников» («États-voyous» ou «brigands», rogue states), или же государств с «отклоняющимся поведением». Множество так называемых «премодерных» (а значит, нецивилизованных) государств предстает как угроза новому мировому порядку, они всего лишь гумус для построения «нового мира». Задача спасителя человечества – реформировать или разрушить их от имени либерального капитализма и демократии ради пользы большинства.

Ж.Ассейяг, директор Французского центра исследований в области гуманитарных и социальных наук, считает, что на наших глазах рождается новая американская идеология. Ее основаниями являются два главных постулата. Первый гласит, что в мире международного терроризма отныне не будет существовать строгого разделения политики государства на внутреннюю и внешнюю. Второй предполагает повсеместное распространение двух фундаментальных общечеловеческих ценностей – рынка и демократии. При всем желании затемнить суть происходящего это означает, что все очевиднее становится тот факт, что таким образом выстраивается новое «колониальное настоящее»¹².

Шкала «цивилизация»-«варварство» подразумевает существование единственной правильной цивилизации – евро-американской, которая априори считается универсальной. В результате формируется новое неравенство в отношении человеческого рода,

которое касается категории Универсального. Все помнят, что атака против Америки 11.09 была интерпретирована как атака против самого человечества. «Не умаляя ужаса того нападения, пишет Ж.Ассейяг, – все же очевидно, что такого рода сравнения не употребляются, когда речь идет о масштабных жертвах в странах Юга... Счет убитых там всегда приблизителен, тогда как на Западе он точен. Как будто на Юге убивают анонимные массы, а резня касается только недочеловеков»¹³.

Американская стратегия представляет США как «всемирную универсалистскую нацию», «исключительную и провиденциальную имперскую республику», которая изрекает глобальные общечеловеческие ценности и от их имени уничтожает «врагов цивилизации»¹⁴. Тем самым действия американского правительства отождествляются самими американцами с действиями этакого гегелевского «мирового духа» в истории. Но такое уже случалось и не единожды. Когда-то именно так расценивались деяния Наполеона. А спустя полтора столетия некоторые авторы ассоциировали с действием «мирового духа в истории» «чудо-оружие» нацистской Германии, оружие возмездия, гитлеровские ракеты Фау-2. В начале третьего тысячелетия нас призывают увидеть воплощение «мирового духа» в американской армии, несущей всему человечеству избавление от «мирового зла»¹⁵.

В реальности такая модернизация через колонизацию не может принести ничего, кроме онтологического разделения на «своих» и «чужих», на два вечно враждующих лагеря, на возвращение в мир архаичного варварского противостояния – непримиримого конфликта между «мы» и «они».

Геноцид косвенный вместо прямого

Главная матрица существования сегодня отходит от прямого, явного, открытого воздействия на массы и избирает новые косвенные тактики преобразования мира. Современное общество, как бы мы его ни обозначали – «общество постмодерна», «постиндустриальное», «информационное» и т. д. – полагается на глубинное изменение основ властвования. Эта большая трансформация лучше всего может быть определена в терминах «прямого насилия»

и «косвенного (или *структурного*) насилия», которые открывают смену эпохи явного прямого открытого давления эпохой, когда превалирует влияние скрытое манипулятивное опосредованное. Недавно сегодня устойчивыми стали концепты «явной» и «неявной», «видимой» и «тайной» власти. Именно преобладание первого или второго вида господства может служить водоразделом между «старым» и «новым», между ушедшим временем и наступившим.

В конце 80-х годов XX столетия известный норвежский социолог, профессор нескольких ведущих университетов мира Йохан Галтунг, исследуя проблемы насилия, разработал точную политическую классификацию этой категории. В ее основании лежат два класса человеческих потребностей: материальные (соматические, телесные) и нематериальные (духовные), которые реализуются через два типа воздействия – «прямое насилие» (производимое конкретным субъектом, актором) и «структурное насилие» (производимое структурой). Получилась вот такая таблица. (Мы даем эту таблицу в сокращенном варианте для демонстрации квинтэссенции логики властного насилия. В таблице приведены крайние, наиболее выпуклые результаты и оставлены за кадром такие «промежуточные» эффекты, как, например, бедность или безработица.)

	Прямое насилие, производимое актором	Структурное насилие, производимое структурой
Материальные потребности	Холокост	Silent Holocaust
Духовные потребности	Репрессии	Духовная смерть

Экстремальным результатом прямого насилия на материальном уровне является холокост – прямое физическое уничтожение. Аналогичным результатом прямого насилия на нематериальном уровне становятся репрессии. Эти вещи настолько очевидны, что их нельзя не заметить. И человечество не раз ужасалось людским потерям в военных конфликтах и останавливало свои истребительные нашествия. Та же наглядность имела место и в отношении репрессий. Иначе обстоит дело со «структурным насилием» – веянием нового века, хотя последствия его куда более значительны и смертоносны.

«Структурное насилие» в материальном плане дает то, что Й.Галтунг обозначает как Silent Holocaust (что можно перевести как «тихий» холокост, «молчаливый холокост»). «Структурное насилие» на нематериальном уровне приводит к «духовной смерти». Важно, что полученная им классификация, как он сам признает, универсальна, т. е. она может быть использована в самых разных разделах политической науки.

Поясняя понятие «структурного насилия» – до сих пор мало осмысленного обществом и потому самого важного его открытия – норвежский ученый пишет, что оно выработалось у него вместе с попытками освободиться от специфической перспективы всей западной социологии ориентироваться исключительно на актора (неважно – индивидуального или национального уровня) – на его мотивации и усилия. (Следует заметить, что сегодня, когда процессы глобализации обезличивают субъекта, эта методология попадает прямо в цель.) Исключительная концентрация на действиях субъекта, разъясняет Й.Галтунг, оставляет без внимания «характеристики структуры, то есть те рамки, внутри которых действующее лицо может принести огромный вред другим человеческим существам, даже без личного намерения сделать это, а просто выполняя некие функции, диктуемые структурой»¹⁶. При этом «структурное насилие» представляет собой процесс, работающий медленно через структурное (=искусственное) создание ситуации нищеты в самом широком диапазоне, которая «эродировывает и в конечном счете убивает человеческое существо»¹⁷.

В материальном физическом плане частным случаем действия «структуры» является голод (ведь голодают в современном мире не в результате неурожая на своем поле, а в случае потери работы, плохого образования и т. д. – через опосредование институтами, структурой). Но, когда структурное насилие принимает большие масштабы, то оно приводит к медленному вымиранию огромных масс населения, которое Й.Галтунг и обозначает термином «тихий холокост». Тихий, потому что он практически незаметен и последствия его носят «отложенный» характер. Никогда нельзя проследить и доказать однозначную безусловную причинно-следственную связь между структурным напряжением и уничтожением групп населения. В духовном плане аналогом «тихого холокоста» норвежский ученый называет «духовную смерть» народа, его цивилизационное вымирание.

В отличие от «структурного насилия» «прямое насилие» работает быстро, оно слишком прямолинейно, чтобы его не заметить. Но если это так, то против него также быстро формируется ответная реакция – возмущения или прямого отпора. «Структурное насилие», напротив, трудно обнаружить, и потому его удобно использовать современным элитам, которые фактически правят миром, но предпочитают при этом вуалировать свои властные рычаги. Два типа зла, которые порождает «структурное насилие», радикально отличны по своей природе и часто намного страшнее по своим последствиям, чем итоги «прямого насилия». На самом деле, «быть убитым или репрессированным – и то, и другое плохо не только с точки зрения жертв, но и с точки зрения правителей, поскольку последние могут опасаться, что жертвы или симпатизирующие им могут однажды восстать и отплатить им, дать сдачи. И история часто подтверждает это. Духовная смерть, крайняя форма массовой апатии, работает по-другому. Народ становится безразличным, люди прячутся, как мыши, в свои щели и не дают отпора. Они пассивно теряют интерес. Это очень похоже на Silent Holocaust (молчаливый Холокост): он медленно делает свое дело в эксплуататорской и больной производственной структуре, и народ умирает по одному, обычно безгласно. Такая форма насилия предпочтительна с точки зрения элиты, так как ее легче завуалировать статистикой. Апатию не проиллюстрируешь цифрами, индикаторы слишком расплывчаты»¹⁸.

Самым ужасающим видом насилия, подчеркивает Й.Галтунг, является именно духовная смерть народа, для которого жизнь не имеет значения. Нет ничего хуже этого, пишет он, «время проходит через человека, а человек не эволюционирует во времени»¹⁹.

Россия, которая во все западные социальные трансформации вступает как в очередную историческую реку, служит замечательной лакмусовой бумагой подобных перемен. Первая революция, в 1917 г., использовала исключительно методы прямого насилия в масштабах поистине циклопических. Торжествовали «открытая» идеология классовой ненависти, недвусмысленное и бескомпромиссное разделение на «своих» и «чужих», «врагов» и «народ», «пролетариат» и «буржуазию». Уничтожались миллионы, открыто, через расстрелы и высылки. И совсем иное дело – «бархатная» революция 90-х гг. XX в.. Внешне благопристойная, не

было рек и морей, окрасившихся багрянцем, не писались романы о России, кровью умытой, но сколько реальных жертв скрытого структурного насилия!

Современная история разворачивается под знаком власти «тайной», предполагающей новые, все более изощренные методы манипулирования общественным сознанием. Под эту власть соответствующим образом трансформируется структура. Сегодня одним из таких новшеств является плод последней научно-технологической революции – «информационное» общество. На первый взгляд это многообещающее название кажется вполне безобидным, даже позитивным и гуманистически обнадеживающим. Однако суровая реальность опрокидывает эти надежды.

Виртуальное пространство – политика другими средствами

Идеологический манифест «конца идеологии» к исходу прошлого столетия получил новое мировоззренческое подкрепление – была сформулирована теория «конца территории», которая позволяет поставить современные претензии на глобальное управление миром единственной сверхдержавы на крепкое идейное основание. Знаменательно то, что концепция «конца территории» также переводит дискуссию из экономического поля в культурологическое, что укрепляет дихотомию «цивилизация»-«варварство» и уменьшает шансы традиционного дискурса в терминах эксплуатации, неокOLONиализма и неоимпериализма.

Теорию «конца территории» в середине 90-х годов обосновывал, в частности, известный политический философ Бертран Бади, профессор целого ряда ведущих французских университетов, специалист по международным отношениям²⁰. По его мнению, территория как базовая категория политической реальности сегодня «исчезает» вследствие наступления трех фундаментальных событий современности. Это, прежде всего, конечно, глобализация, которая меняет инфраструктуру современного мира и становится точкой отсчета всех мировых процессов. Вторым маркирующим историческим фактом он считает окончание «холодной войны», которое уничтожило биполярность мира, глубо-

ко ушедшую корнями в территориальные привязанности. Наконец, третьим моментом он считает кризис государства, которое на протяжении всего вестфальского периода своего существования определялось как феномен, теснейшим образом связанный с территориальным суверенитетом. Отныне государства лишлись, если не полностью, то в значительной степени, своей независимости. Причиной тому стали такие явления, как самостоятельность финансовой деятельности, перешедшей границы отдельных государственных образований и, по сути, подчинившей себе государства; «конец государства всеобщего благоденствия», а также умножение пространств и акторов, недоступных вмешательству государства и даже диктующих ему свою политику. Среди последних называются, к примеру, появление «демилитаризованных зон», распространение неподдающихся урегулированию очагов гражданской войны, и, разумеется, деятельность ТНК и неправительственных организаций, выходящая далеко за пределы государственной компетенции.

Теория «конца территории» не столько оспаривает проблему значимости территориальных захватов или территориальных агрессий в реальном мировом пространстве (которые, как мы наблюдаем в последнее время, вовсе не ослабевают), сколько говорит об «изъятии значительной части территориальной идентичности»²¹. Речь идет об «освобождении» пространства от связи с традиционным понятием нации как культурно-идеологическим феноменом. Главным действующим лицом современности провозглашается индивид, свободный от национально-ментального «бэкграунда», а картина мира, его география видятся как плод «креативного» индивидуального действия. На худой конец, признается возможность социального действия локального, либо регионального наднационального уровня, замещающего вышедшего в тираж прежнего главного мирового игрока – государство.

Все эти процессы можно было бы считать естественным ходом истории, если бы при этом не происходило «перестройки» мира под нового мирового лидера, никем неоспариваемого и ничем несдерживаемого, – США. Новый мир легко конструировать, когда кирпичиками мироздания являются «свободные» человеческие атомы, которые мощные «силовые поля» без особых усилий заставят принять удобную для себя конфигурацию. И потому про-

блема «конца территории» из историографической перерастает в идеологическую, равно как и в практическую проблему реальной геополитики.

Главное состоит в том, что теория «конца территории» предоставляет серьезные идеологические аргументы для понимания современного мира как единого пространства, в котором такие понятия как «суверенитет», «территориальность», «лояльность своему правительству» неизбежно утрачивают свое значение. Но это именно те факторы, которые позволяют развернуть политическую пропаганду «уличных революций» и раскручивать новую сеть активистов по борьбе с неугодными режимами, способствуя тем самым упразднению идеи государства и введению «глобального управления».

Современные теории «конца территории» как разновидность теорий пространства, во многом, обязаны своим возникновением именно освоению нового, пятого, пространства – киберпространства. В отличие от земли, моря, воздуха и стратосферы сегодня здесь нет дистанции и нет границ. Даже попытки диктаторских режимов, стремящихся установить полный контроль над киберпространством, терпят крах. Одно из последних тому свидетельств – Египет, власти которого хотели изолировать страну от распространения на ее территории арабских революций. Для этого четыре ведущих египетских оператора прервали свою работу в Интернете. Однако все дело было провалено маленькой компанией, поддерживаемой США, которой удалось развернуть свою сеть и выложить в ней компрометирующее видео о подавлении властями демонстрантов. Очевидно, что в эпоху информационного общества можно обойтись без устаревших видов оружия массового уничтожения, достаточно в нужное время и в нужном месте запустить несколько бит информации.

Киберпространство сегодня рассматривается как новое реальное пространство войны, где могут разворачиваться современные стратегические силы. Человечество уже освоило четыре главные стихии – землю, воздух, море и стратосферу, используя их как эффективное поле битвы. Настала очередь для пятого – виртуального пространства. Одним из ярких примеров недавней истории подобных кибер-боев может быть информационная схватка времен правления Буша младшего и Обамы, когда с помощью вируса

Stuxnet Израилем была произведена атака на иранские программы по обогащению урана на заводе в Натанзе, которая привела к замедлению работ на центрифугах этого предприятия на срок не менее, чем два года.

Таким образом, какими бы ни были реальные возможности ведения кибер-войн, очевидно, одно: пространство Интернета вовсе не является таким уж нейтральным как его пытаются представить некоторые наивные или, напротив, слишком заинтересованные лица.

Развитые страны современного мира готовятся к новым ударам в информационном поле уже сегодня. Для этого немалые деньги выделяются правительствами на создание оборонительного кибероружия. Стремление сохранить национальную независимость заставляет перспективных мировых игроков таких, например, как Китай, разрабатывать и использовать собственные поисковые системы, аналогичные Google, а также Facebook, Twitter, известные в совокупности под названием «Великий китайский файерволл». В последнее время заговорили также о реальности закрытой сети мусульманского интернета, разрабатываемого первоначально в Иране под именем «Халяльный интернет», а также северо-корейской локальной интернет-сети «кванмён». Иранские эксперты поясняют, что создание «халяльного» Интернета – ответ страны на попытки Соединенных Штатов «пробить электронный занавес», которым отгородился Иран (такую терминологию использовал недавно президент США Барак Обама). Действительно, Госдеп с 2010 года стремится восстановить полный доступ к Интернету в ряде стран, где он ограничен, в том числе в Иране²². Таким образом, полагают правительства этих стран, сохранить суверенитет в сфере информации можно только через фильтрацию контента или же через создание национального Интернета. «В условиях то и дело вспыхивающих кибер-войн, регулярных кибер-набегов и массовой вербовки хакеров в кибер-солдаты желание некоторых государств выстроить своего рода кибер-крепости понятно»²³, – признает даже один из противников такого рода защиты.

В этом отношении вывод в Интернет кириллицы предстает как определенный этап сохранения государственной и национальной безопасности нашей страны. Это создает в будущем перспективу консолидации собственного культурного пространства, способного противостоять давлению, а возможно, при благоприятном

сценарии эволюции событий и вступить в конкуренцию с единственной сверхдержавой современного мира. Только тогда можно будет говорить о самостоятельном развитии не только России, но и других регионов мира, о позитивном переосмыслении понятий «граница», «территория», «суверенитет» – об уважении чужого национального достоинства.

Эволюция идеологии

Сегодня мы являемся свидетелями трансформации нейтралитета новейшего информационного ресурса – Интернета – в орудие реализации Большого глобального насилия в интересах одного Государства. Косвенные, непрямые, скрытые, а то и вовсе тайные тактики ведения современной «информационной войны» наглядно проявляются в оформлении в последние годы так называемой *digital diplomacy* – цифровой дипломатии, называемой иначе кибердипломатией, дипломатией социальных сетей или дипломатией США Web 2.0.

Политико-философской основой ее является новая виртуальная форма идеологии либерализма. Одним из теоретических основоположников киберлиберализма считается Милтон Мюллер, профессор Школы Информационных Исследований в США²⁴. Внешне очевидная посылка об удивительном мире индивидуальной и гражданской свободы, дарованной человечеству Интернетом, была умело трансформирована в идею «денационализованного либерализма». Классическая ценность либеральной свободы и индивидуального выбора в новом прочтении транскрибировалась как свобода общения и обмена информацией в мире без барьеров, как всеобщее право на получение и распространение информации независимо от государственных границ. Подготовленная идеологией глобализации тема индивидуации планетарного пространства получает, таким образом, в свое распоряжение нового субъекта действия – активного блоггера, который объявлялся отныне «гражданином сети» – «*netcitizen*». Новый гражданин нового мира, освобождаясь от бремени государства, становится актором, который должен всей своей деятельностью способствовать упразднению власти «национальных государств» и реализовать приходящее на

смену им «глобальное управление» под эгидой самого развитого государства современности. «Мы должны найти способы перевода классических либеральных прав и свобод в структуру управления, подходящего для глобальной сети Интернет. Там не может быть киберсвободы без политического движения, направленного на определение, защиту и институционализацию права и свободы личности в транснациональном масштабе»²⁵, – написал в 2010 г. М.Мюллер в своей книге «Сеть и Государства: Глобальная политика управления Интернетом».

Вот так позитивно-гуманная идея беспрепятственного человеческого общения превращается в прагматический проект правительства США, обнародованный в 2009 г. На руководство программой Госдепартамента была мобилизована воинственная Х.Клинтон, а основные идеи были разработаны А.Россом, советником Х.Клинтон по инновациям. Были названы основные политические цели Интернет-дипломатии – борьба с авторитарными режимами посредством поддержки оппозиции и протестных настроений пользователей сетевых ресурсов в странах, где, по квалификации американских наблюдателей, отсутствует свободный доступ к Интернету. Еще недавно в этот список входили, например, Иран и Китай, где действительно предпринимались попытки самообороны от американской информационной атаки с помощью вскрытия контактов пользователей сети с американскими структурами и через создание собственных национальных независимых Интернет-сетей. Сегодня в перечень «неблагонадежных стран» превентивно попала и Россия, в которой на самом деле до сих пор нет никаких ограничений по контактам с иностранными пользователями и нет так называемого «файерволла» – комплекса мер для пресечения нежелательных идеологических влияний.

Новая тактика «мягкой идеологии» работает под прикрытием неоднократно апробированной идеи демократизации, под вуалью «старой доброй» идеи прав человека. Так, новоиспеченные «нетмены» – термин, уже пущенный в оборот в российских СМИ, (очевидно, от английского «netman» – «человек сети») – из романтических «граждан мира» превращаются в граждан, ориентированных на американские ценности. А самая развитая страна мира получает в свое распоряжение, как справедливо заметила автор статьи в газете «Коммерсант», «недорогой и легкий в применении инстру-

мент воздействия на граждан других стран. Это полностью меняет характер противоборства: теперь им не надо бомбить аэродромы – можно бомбить мозги. По сути, это суперновая методика неокOLONиализма»²⁶, – добавляет она, цитируя источник «Ъ» в МИД РФ.

«Искусство управления государством в XXI в.» – именно так назвал Алек Росс один из двух ключевых документов по реализации политики цифровой дипломатии, опубликованных в конце 2010 года. В нем он, действительно, весьма искусно увязывает имперские притязания США на мировое господство с формированием у «Интернет-граждан» взглядов на политическую ситуацию в их странах, выгодную для США. А.Росс пишет: «...Дипломатический пейзаж XXI в. имеет ...разнообразный набор акторов таких как транснациональные сети, финансовые корпорации, фонды, неправительственные общественные организации, религиозные группы и сами граждане, использующие сеть Интернет. Американская дипломатия должна адаптироваться к этому ландшафту, а также изменить его»²⁷. И на основании этого он делает вполне прагматический вывод, выгодный для своей страны. Он заявляет, что «Интернет привел к диффузии власти, и влияние в мире переходит постепенно от государств и правительств к гражданам сети Интернет. США, в свою очередь, должны приспособиться к новому ландшафту и играть ведущую роль среди пользователей сетями»²⁸.

Помощник американского госсекретаря не скрывает, что истинная мишень такого рода политики – изменение социального строя других государств в нужном направлении. Главное средство – отработка методов протестного поведения. Очевидно, что в соответствии с логикой поставленной цели необходимо расширить доступ граждан к виртуальному пространству, что и стремятся обеспечить США в первую очередь. Следующей задачей называется выявление активных блоггеров (*netcitizens*) через детальное изучение зарубежных социальных сетей. Для достижения этой цели Госдепартамент США финансирует проект в Гарвардском университете, направленный на исследование политической ориентации пользователей социальных сетей и блогов в таких странах как Иран, Россия, Китай и других. Анализируется содержание дискуссий в социальных сетях, в частности, на базе российской платформы *Twitter*, выявляются наиболее популярные блоги. Так, по свидетельству Г.О.Ярыгина и Н.А.Цветковой, американские экс-

перты обнаружили в социальных сетях России противостояние двух идеологий – национализма и либерализма, причем, как они замечают, побеждает первая. Таким образом, заключают авторы исследования, «США, в отличие от периода “холодной войны”, обладают всеобъемлющей информацией о политической расстановке сил в блогосфере, что позволяет оказывать влияние на оппозиционные настроения и развивать диссидентское движение через Интернет»²⁹.

Сегодня оформился даже специальный термин – «кибердиссиденты» (*cyberdissidents*). Для успешной мобилизации оппозиции в США финансируются проекты «TechCamp» (Технологические лагеря) и «Serious games» (Серьезные игры), создана международная организация «Союз молодежных движений» (Alliance for Youth Movements). Проект «TechCamp» реализуется в форме однодневных интерактивных конференций, на которых проводятся мозговые штурмы для представителей зарубежных неправительственных организаций с американскими IT-специалистами и представителями компаний Google, Facebook и Twitter³⁰.

В рамках этой инициативы участников обучают передовым Интернет-технологиям – раскрутке своих страничек, созданию программ для оперативного сбора и анализа данных о фальсификации выборов, а также использованию так называемой «кнопки паники». Для этого на деньги Госдепа разработана специальная программа для мобильных телефонов. В случае облавы «кибердиссидент» нажимает определенную кнопку, и все его контакты и сообщения перебрасываются на специальный сервер, а его друзья получают сигнал о том, что он в опасности³¹.

В рамках проекта «Серьезные игры» на основе игровых интернет-платформ и мобильных телефонов создаются социальные и политические игры для продвижения идей прав человека, демократизации, отработки протестного поведения.

Что касается «Союза молодежных движений», то цель этой организации – мобилизация некоторой части активных пользователей под эгидой Вашингтона через прямые контакты. Для этого, например, правительство США недавно пригласило самых энергичных представителей молодежи в Вашингтон на первый саммит «Союза», основным итогом которого стало выявление лидеров локальных протестных движений. Другим событием такого рода

стал отбор через социальные сети специалистами Госдепартамента инициативных блоггеров и приглашение их в США на конференцию в штат Техас, где были представлены Сирия, Венесуэла, Куба, Иран, Россия, Китай и Колумбия³².

Особую статью в новых Интернет-проектах Вашингтона составляют инициативы по созданию систем так называемого «теневого интернета», которые могут позволить кибердиссидентам обходить запреты властей. В 2011 г. на эти цели Госдеп выделит около \$25 млн. По данным же *The New York Times*, эта цифра выше – \$70 млн³³. Есть сообщения, что разрабатывается особое компьютерное программное обеспечение (программа *Tor*), которое позволяет оппозиционерам различных стран скрывать местоположение и содержание Интернет-трафика, а также создавать закодированные сообщения в социальных сетях³⁴.

Таким образом, тактика «мягкой идеологии», используя достижения информационной революции, фактически делает их орудием идеологической и психологической войны в новом пространстве. Окончание «холодной войны» вовсе не привело к долгожданному «вечному миру». Напротив, оно стало началом новой – Четвертой мировой войны, с чем согласны многие исследователи на Западе. Целью этой войны является гегемония США в мире, оформление нового империализма и колониализма.

Последствия нового космополитизма

Помимо указанных политических изменений, связанных с новейшей технологией коммуникаций, происходят деформации культурной политики. Современная глобализация, главной культурно-политической установкой которой является формирование космополитического индивида, привела в действительности к реальному расколу человечества на две неравные части. Меньшая часть людского сообщества, именующая себя элитой, «золотым миллиардом», новой аристократией полагает себя «космополитически укорененной». Она отвергает свою родовую связь с территорией, государством, этническим национальным сообществом. Сограждане такой избранной общности могут быть удалены в пространстве и во времени, у них нет ни кровных, ни семейных,

ни «почвеннических» уз. Однако членов нового «клана» объединяет общность постмодернистских ценностей. Общее пространство их существования виртуальные сферы литературы или искусства, новые претендующие на революционность движения – феминистские, ЛГБТ – меньшинств.

Другая, большая часть жителей планеты в такой перспективе спрессовывается в некую однородную массу, на которой лежит клеймо отсталости. По меткому выражению американского политолога, профессора Митчелла Коэна, в новой глобалистской космополитической реальности люди этого рода именуются «провинциалами без корней»³⁵. Являясь потребителями универсальных, а значит, по сути, ничьих ценностей и технических достижений, они утрачивают свою уникальность, неповторимость и взамен не приобретают новой идентичности.

Отдельные элементы космополитического множества, пытаясь приобщиться к новому миру, превращаются в вечных странников на орбите глобализации, путешествуя из аэропорта в аэропорт и утрачивая последние связи с родом и территорией, теряя минимальные атрибуты государственного гражданства. Желая стать гражданами мира, они становятся «беженцами и гражданами мира нигде». Они лишаются какого-то бы ни было места на земле, которое могло бы стать «их собственным» местом, «их собственным» миром³⁶. И этот факт обесмысливает самую суть культурного феномена «космополитизма» – «космического полиса», который подразумевает привязку к месту, пусть и масштабному. Проблема усугубляется тем, что места этого – «космического полиса» – пока нет в реальности, оно есть утопия, а граждане, которые привязывают себя к этому утопическому пространству вроде бы есть. Вернее, когда-то они были. Теперь же, становясь «космополитами», они уходят в виртуальность, добровольно лишая себя связи с бытием.

Существует ли сегодня в реальности пространство для космополитизма, задается вопросом французский философ Пьер Хаснер, директор Центра международных исследований и национального Фонда политических наук. «Замечательное слово “космополит”, – пишет он, – предполагает существование упорядоченного мира (космоса), который может конституировать сообщество по типу политического (полиса) и в котором индивид мог бы реализовать отношения гражданства, т. е. лояльности и участия»³⁷. Сегодня же

возникает ситуация, когда все становятся одновременно «безгосударственными» и «безмирными». Фактически речь идет о новом отчуждении, которое намного более радикально, чем экономическое. Это отчуждение от самого себя и от мира.

В итоге индивид рискует превратиться в то самое биологическое существо, о котором Аристотель некогда сказал, что человек, который не нуждается в сообществе – либо бог, либо животное. И если новая элита, присвоившая себе название «креативного класса», мнит себя «богочеловеком», то остальную часть человечества она снисходительно рассматривает как сбившееся с пути стадо, которое нуждается в поводыре. Прогрессистское мышление с неизбежностью подразумевает за «новой элитой» роль локомотива истории, лидера «нового мира». И здесь, как это часто случается, «якобы новое вино» вливается в старые меха.

Философы постмодернизма в последние десятилетия были очень обеспокоены отсутствием в мире революционного субъекта, способного преобразовать мир. Пролетариат «растворился» в «обществе потребления», и потому шел интенсивный поиск новых «актеров», способных его заменить. Сегодня эту нишу, похоже, занял так называемый «креативный класс», который на деле фактически наследует цивилизаторскую миссию «белого человека», несущего бремя преобразования мира варваров, диких племен, отсталых народов, «развивающихся стран». Так на развалинах старого мирового порядка упрочивается ветхая, но вечно живая «обновленная» приметами шестого технологического уклада имперская идея.

Идеология «органического сообщества» versus идеологии глобализма

Современное российское общество, твердо уверившись в своей всесторонней отсталости (при немалом содействии восторженных апологетов западных ценностей), не подозревает, что европейское интеллектуальное сообщество сегодня активно занято серьезным критическим анализом философских и нравственных оснований модерна – переоценкой основных ценностей современности, и прежде всего базовой из них – рациональности. Для

прогрессивных интеллектуалов очевидна самодискредитация разума, кризис аутентичности человека, который как бы потерялся в мире, созданном им самим. Мир, на поверку, оказывается очень неприютным, не приспособленным для простых человеческих чувств, несмотря на внешние удобства, создаваемые с помощью науки и техники³⁸.

Западные социологи недвусмысленно пишут о необходимости полномасштабного переосмысления *идеологии современности*, об энергичных поисках новых духовных оснований общества постмодерна. Немалую роль в таких изысканиях, как это ни покажется для нас удивительным, играет осмысление того прогрессивного следа, который оставила русская мысль и, прежде всего, в той ее части, которая касается глубинного анализа идеи «сообщества».

Как известно, со времен Ф.Тенниса в общественной науке идея «сообщества» традиционно противопоставляется идее «общества». Российское общество в современной западной науке интерпретируется прежде всего как «холистское» в противовес европейскому «индивидуалистическому». Оно видится как такое, в котором имеет место значительная идеализация коммунитарных связей, исконное вековечное русское стремление ко Всемирности, ко всеобщности, очевидный перевес в иерархии духовных ценностей «социо-коммунитарных ценностей»³⁹. Обе проблемы, поставленные русской философией, – проблема органической интеграции людей внутри нации и проблема выхода за пределы нации – составляют ядро интеллектуальной дискуссии социальной антропологии Запада.

Европейская критика стремится проанализировать разрушительные антиномии «духа капитализма», те отрицательные следствия, которые сформировались и возникли на почве классических капиталистических ценностей – индивидуализма, конкуренции, формального равенства. Будучи проектом Просвещения, общество модерна родилось как искусственная конструкция, целиком и полностью основанная на идеях рациональности. Оно является продуктом рациональной воли, в которой преобладают расчет, и результатом такого искусственного установления стало общество, которое ныне предстает как агрегатное состояние атомизированных элементов. Центральными практиками в таком социуме становятся амбиции, личное соперничество, эгоистические устремления и жесточайшая конкуренция. Истоком и мотивом социальной

динамики делается конфликт, методологическим средством разрешения которого генетически выступает соотношение в определенной пропорции договора – искусственного контракта, и принуждения. Все стороны жизни общества, таким образом, предстают как весьма далекие от органического гуманного состояния человеческого общежития и целиком оказываются во власти искусственно-конструирования на основе утилитарных мотивов и ценностей.

Другой аспект проблемы «искусственности современного общества» состоит в том, что вместе с индивидуацией растет имперсональность, которая угрожает природному чувству безопасности индивида. Человек естественно испытывает страх перед неведомым, неопознанным, неизвестным. К этому добавляется тот факт, что гражданство как институт современного общества все более приобретает черты «абстрактного индивида». Это методологически следует из главного принципа демократии – формальности связей и логики формального равенства. «Гражданина определяют в современном обществе как имеющего совокупность прав и обязанностей, гарантированных и санкционированных правом и законом. Это – абстрактный гражданин, который не имеет какой-либо особой идентификации или определения. Такой гражданин лишен каких-либо конкретных характеристик. Таким образом, считается, что всякий гражданин располагает одними и теми же правами, выполняет одни и те же обязанности и подчиняется одним и тем же законам независимо от его конкретных экономических и социальных условий существования, пола и исторических особенностей общества, в котором он живет»⁴⁰.

Дискурс в терминах «прав» при одновременном отречении от концепции «общего блага», которая становится помехой в обществе, где точкой отсчета стало личное благо, где процветают абсентизм, уход, бегство, фактически уничтожает главное право личности – право на органическое единство с себе подобными и со своей собственной исторической и социально-культурной сущностью. И все это происходит под прикрытием лозунга о ритуализированных и сакрализованных правах человека. «Молодой человек в современном обществе сталкивается с обществом, в котором все “ценности” и “нормы” мало помалу замещаются категориями “уровня жизни”, “благополучия”, комфорта и потребления. Ни религии, ни “политических” идей, ни солидарности с местным или

трудовым сообществом, с “товарищами по классу”... Мы живем в обществе *лобби* и *хобби*»⁴¹, – пишет известный критик современного западного общества К.Касториадис. Концепция «индивидуалистического» государства, не желая видеть конкретные привязанности индивидов, и рассматривая таковые как препятствия для появления «всемирного» гражданина, на деле призвана задушить гражданина в индивиде, замечает тот же автор. Растет всеобщий нигилизм, противостояние, агрессия, вражда. В таком мире всякий инакомыслящий, «другой» неизбежно воспринимается и оценивается как «варвар и враг, не уважающий Права Человека»⁴².

Принцип свободы, лежащий в основании «общества индивидов», или «гражданского общества», заканчивается конкурентной атомизацией, «войной всех против всех» и последующей за ними социальной усталостью, апатией и аномией. С другой стороны, принцип равенства, «уравнивания шансов», который оставлен в этой схеме за государством, надзирающим за исполнением законов, нередко приводит к чрезмерному вмешательству последнего в жизнь общества и чреват риском вырождения в легальное рациональное подавление. Оба принципа, взятые отдельно, доведенные до своего предела ведут к разрушению, деструкции. «Сообщество» в такой ситуации мыслится как единственное эффективное неэкономическое, но *моральное место*, позволяющее перекинуть мост от «общества индивидов», или «гражданского общества», в котором господствуют волевые и договорные отношения, и государством, которое гарантирует равенство граждан перед законом и соблюдение демократических норм.

В такой перспективе упускается из виду главное человеческое измерение, а именно то, что эмпирический индивид может быть осмыслен только внутри общей целостности, в определенном социальном и историческом контексте. Причем, этот в гегелевском понимании «объективный дух» вовсе не ведет к ограничению свободы. Напротив, он и только он обеспечивает полноценные условия для всестороннего развития конкретной историко-социальной личности. Сообщество – это не только тесное единение между самими членами сообщества, но также объединение со своей собственной сутью. Опираясь на подлинные национальные традиции, сообщество сопрягает бытие-в-себе каждого индивида с истинно универсальным бытием.

Такая конкретно-историческая, укорененная целостная тотальность может быть размыта только в результате вековой работы аккультурации, общения и переплетения с другими нациями и культурами. Это превращение ни при каких условиях не может быть произведено в результате одномоментного прямого рационально-интеллектуального выбора и волевого решения какой-либо социальной группы, которая пожелала перенести чужие ценности в свою страну, пусть даже из благих целей приобщения к «универсальному» в современном глобалистском его понимании.

Более того, отказ от своих традиций и ценностей в пользу «прогрессивных» достижений других цивилизаций, искусственное замещение, обмен «своего» на «чужое» создает так называемый эффект «пустой ракушки»⁴³. Именно тогда пышно развивается «клиентелизм» и «коррупция» как реакция на «скачок» в заимствованную, не собой пережитую, сформированную иными историческими обстоятельствами и традициями культуру. Если присмотреться к этим явлениям через призму социально-культурной адаптации, то такие отклонения вовсе не являются следствием «дефицита демократии». Они – специфическая форма приспособления и интерпретации демократических процедур, исходя из автохтонного способа социальных отношений, основанных преимущественно на распространении семейных и этнических связей.

Современная идея мультикультурализма не может стать реальной заменой идеи органического единства народа с собственными истоками и корнями. В интерпретации современной демократии, в мире планетарной торговой экономики прошлое, история конкретного народа превращаются в экзотический политический гаджет. Вместо подлинной идентификации идет процесс возникновения «фольклорных» идентичностей, развлекательного исторического «Диснейленда». На самом же деле человек нуждается в органическом единстве со своей собственной сущностью, так как главное состоит в том, что «каждый находит свою нацию внутри себя как один из параметров своей собственной идентичности»⁴⁴.

Выход из сложившейся ситуации европейские интеллектуалы видят на пути выработки «нового типа единства», которое составит суть *новой идеологии*. Для сотворения «новой современности» формулируются две первостепенные задачи: 1) вписать индивидуализм в социальное целое; 2) переосмыслить заново коммуни-

тарные структуры уже не с точки зрения подчинения единичного целому, а с точки зрения *новой высшей ценности* – социальной интеграции. По мнению французского исследователя Стефана Вибера, формула такой исторически перспективной реальности была задана русской социологией «соборности».

Последняя акцентирует два важнейших аспекта, ушедших из поля зрения современной социологии ассоциаций, решающей, по сути, проблему временного, механического, узко-группового объединения людей по разрозненным принципам (этническому, сексуальному, профессиональному, религиозному). В реальности они суть гетерогенный ансамбль групп, в котором отсутствует связь между членами этих отдельных коллективностей.

Дело в том, что в основе органической целостности лежат два принципа – равенство и сакрализация. Но при этом речь не может идти о равенстве с разными основаниями, как это происходит в обществе, состоящем из различных ассоциаций. Органическое единство предусматривает равенство перед высшей идеей, всеобщее приятие и подчинение авторитету духовного принципа. Из этого первого условия безусловно вытекает второе – сакрализация такого авторитета, власти идеи, высшей цели. Таким образом, реализуется действительное равенство на уровне коллектива между множеством индивидов, подлежащими одной и той же сакральной власти.

Из нашей конкретной российской истории мы знаем, что усвоение, пусть недостаточно осознанное теоретически, но тем не менее успешно реализованное практически, именно этих двух условий приводило к удивительным социально-историческим достижениям и победам. Таковы были российские проекты Московского царства, отчасти Петровского, Советского. В их основе лежали два принципа – приоритет мобилизационной духовной сакральной идеи и формула ее реализации в виде моно-власти.

Идея «соборности» деуалирует, обнажает глубинную структуру «русской идеологии», формулируя «идеальные типы», неизменные базовые конструкции ее социальной структуры. Действительно, интеграция в ней основана на связи взаимной любви, освященной духом объединения индивидов в единой вере (религиозного Спасения Московского царства или советского энтузиазма построения Нового братства). Фундамент ее составляют два аспекта власти: власть как авторитет воплощается в особой струк-

туре духовного плана – идеократии; материальная ее формула открывается как идея моно-власти. При этом в соборности личность не исчезает, а, напротив, реализует свою экзистенциальную полноту в духовной общности с такой коллективностью как Церковь или Коммунистический проект. Главное в русской идее в таком контексте – это настоящее единение людей, живущих служением избранному сакральному авторитету. При этом следует заметить, что идея «соборности» исторически вовсе не предусматривала пренебрежения европейским опытом. Она всего лишь стремилась исправить искусственность послепетровского государства, сохранив право на личное самовыражение.

Хотя славянофилы, выдвинувшие идею соборности в русской философии, ставили своей целью возрождение ушедших русских ценностей, они невольно способствовали движению к тому, что на Западе сегодня назвали «интенсификацией индивидуализма». Имеется в виду постановка вопроса о полном расцвете личности, впервые сформулированном именно в лоне русской философии. Этот русский индивидуализм совершенно иного рода, нежели европейский. Он лежит полностью в этической области, тогда как индивидуализм эпохи модерна – торгово-экономический в своей первооснове, дополненный позднее политическими аспектами. Однако современные западные антропологи полагают, что «индивидуализм неспособен полностью заменить холизм и влиять на общество в целом... более того, он никогда не был способен делать то, что делал за него холизм, пусть даже неявно и даже в определенном смысле подпольно»⁴⁵.

Сообщество, основанное на идее соборности, – это сообщество нового типа, так как оно основано на власти морального авторитета, подчиненности высшему принципу нравственного начала. Именно поэтому идея сообщества утверждается как абсолютно современная, а вовсе не как пережиток прошлого или наследие ушедшей архаичной традиции, которую якобы заменило современное прогрессивное универсалистское и абстрактное общество. Она подготавливает появление современной идеологии, в которой нация выступает как «коллективный индивид».

«В противовес абстрактному универсализму Просвещения», – пишет по этому поводу Ст.Вибер, – «русская соборность и немецкий *Gemeinschaft* имеют между собой то общее, что иллюстрируют

подлинное значение как историческое, так и социологическое, идеи “сообщества” в ее отношении к современной идеологии. Оба варианта (мы не отрицаем при этом национальную специфику каждого из них) вовсе не представляют – или во всяком случае это не является их главной и принципиальной исторической заслугой – “анти-модернистскую реакцию”, “ностальгию о потерянном рае” в ответ на растущий индивидуализм XIX столетия и его социально-экономические проявления (индустриализацию и все эти последствия капитализма такие, как атомизация, урбанизация, пролетаризация), политические (буржуазную “демократию”) или философско-религиозные (рационализм и атеизм). Напротив, “сообщество” представляется нам *вектором* современной идеологии»⁴⁶.

Современные поиски идеального сообщества в противовес разрушительному индивидуализму, по мнению западных интеллектуалов, должны привести к настоящему «коллективному индивидуализму». Такое общество возможно при установлении определенных отношений равенства только благодаря субординации, подчинению высшей иерархической ценности, высшему нравственному моральному принципу (некогда трансцендентному Богу, сегодня – социальной целостности). Как следствие ожидается возникновение идеи «синкретичного общества», общества с очень тесными связями между людьми под влиянием чувства общей принадлежности, более сильного, нежели просто общие интересы.

Роль сакрального в консолидации общества

Несмотря на глубочайшие прозрения русской мысли, по достоинству оцененные зарубежными политическими философами, российская наука и особенно практика далеки от адекватного восприятия собственного культурно-исторического наследия. Более того, хотя главной проблемой современного российского общества является именно проблема его консолидации, обществоведение не уделяет должного внимания этой проблеме. Это связано, во многом, с недостаточным осознанием важности роли сакральности в устройении социального порядка. Эта тема, однако, внимательно исследуется западной социологией уже в работах выдающихся представителей Нового времени. Светски понятое «сакральное» –

один из надежных и функционально важных оснований цивилизованной социальности. Сегодня, в условиях постмодернистской реальности с ее фрагментацией и чрезмерной индивидуацией рождается острая необходимость по-новому взглянуть на эту стержневую категорию социальной структуры.

Для нашего общества такая задача актуальна вдвойне, потому что она формулируется как задача создания заново социальной сплоченности в период глубочайшего нравственного кризиса в стране. Как же образуется единение, каковы суть и глубинные механизмы солидарности?

Устойчивое и долговременное единство любого социального образования может быть достигнуто только тогда, когда существует какая-либо трансцендентная отсылка, перед лицом которой группа (и тем более множество разнородных групп) может самоопределиваться. Такую точку отсчета следует обозначить как религиозность в самом широком смысле слова. Она же осознается как «сакральность» или социальное «священное»⁴⁷.

Философия индивидуалистического рационализма, под знаком которого был прожит XX в., казалось, прочно утвердила в сознании общества отрицание необходимости религиозного мировоззрения. Более того, научно-техническое продвижение человечества видело главную помеху успешности развития именно в религии. На этом твердо стояли властители дум сторонников исторического материализма, буржуазного прогрессизма и «идеологически нейтральные» адепты научно-технической революции. Данной линии философского анализа, однако, противостоят воззрения ряда социологов, которые предвосхитили современную тягу к переосмыслению религиозности и сакральности и их роли в обществе.

Глубокое размышление над природой и сущностью религии открывает для исследователей серьезную методологическую и функциональную роль этого феномена для общества. Э. Дюркгейм в своей работе «Элементарные формы религиозной жизни» писал: «Есть нечто вечное в религии, чему предназначено пережить все частные символы, в которые религиозная мысль последовательно себя облекала. Не существует такого общества, которое не испытывало бы потребности вновь и вновь поддерживать и подтверждать коллективные чувства и коллективные идеи, благодаря кото-

рым оно сохраняет свою сплоченность и свое лицо»⁴⁸. Такой вывод органичен для метода французского социолога, который многократно и в разных вариациях повторяет мысль о том, что без общего понимания некоторых основополагающих общих идей, и следовательно, согласия между умами невозможна совместная жизнь в обществе. Чтобы иметь возможность существовать, общество «испытывает потребность не только в достаточном нравственном конформизме, но и в минимуме логического конформизма, без которого не может обойтись»⁴⁹. Французский социолог отмечает, тем самым, важную интеграционную задачу, которую выполняют идеи, превосходящие мелкие частные и бытовые интересы и интенции отдельных членов человеческого сообщества.

Главное в понятии религии и религиозного для Э.Дюркгейма состоит в признании разделения мира на две области, из которых одна включает в себя все, что священно, другая – все, что является светским⁵⁰. Французский ученый сделал важное открытие, которое в наше время получило новое дополнительное предметное наполнение. Именно сакрализация определенных идей – мифов, легенд основания, исторических событий, героев и т. д. – составляет и доселе суть того вечного, благодаря чему религия не может уйти из человеческого общества. Такие концепты обозначаются как «социальное священное», что позволяет перейти в область строго политического размышления. Выясняется, что «социально сакральное» есть тот стержень, который составляет основу **нерушимого** единства. На нем строится любая нация, каждое человеческое сообщество, без него невозможна консолидация людей. Политические идеалы могут меняться, один политический строй уходит в прошлое, является новый. Однако без сакрализации некоторых объектов, событий, постулатов, на которую согласны члены нового образования, невозможно сколько-нибудь продолжительное существование нового мира. Именно это образует длительную историческую связь между отдельными индивидами (и шире – между поколениями), которая делает их членами одного и того же нравственного организма.

Консолидирующую значимость религии подчеркивал Гегель. В своем стремлении осмыслить природу и факторы построения социального порядка, он признавал самостоятельную роль религии и ее вклад в созидание такого порядка. «Начинающая обра-

зованность, – писал он в “Философии права”, – всегда начинается с осуждения, завершенная же образованность видит во всем позитивное. В области религии также нетрудно утверждать – то или иное не более чем суеверие, но бесконечно труднее постигнуть в ней истину»⁵¹. Тем самым он предвосхищает современный интерес к религии как к аналитическому поиску в ней основ связанного, солидарного существования человеческой общности.

Для Гегеля «цель государства есть всеобщий интерес как таковой»⁵². Соответственно, интерес к религии, помимо изучения ее как самостоятельной «ассоциации» такой же, как семья, корпорация или социальный класс (каждый из которых вносит свой отдельный вклад в созидание порядка) связан для него с ее несомненной объединяющей функцией, внедряющей чувство сплоченности в сознание людей. Более того, именно эта ее особенность выступает настолько ценной, что определяет поддержку государством церкви. «...Поскольку религия есть интегрирующий момент глубочайших пластов умонастроения, государство должно требовать от всех своих подданных, чтобы они входили в церковную общину...», – заключает он⁵³.

Признание необходимости некоей трансцендентной обществу объединяющей истины или цели находим и в работах О.Конта. Он неоднократно подчеркивает насущную необходимость возрождения для современной Европы «духовного авторитета, отличного и независимого от временной мирской власти». Только такому духовному авторитету под силу приостановить моральное опустошение, которое несет с собой секуляризм, вызванный к жизни «метафизическими догмами» Просвещения⁵⁴. Общеизвестен окончательный тезис контовского учения. Он объявляет позитивизм, выражающий чаяния новой научной эры бытия человечества, новой религией, Высшее Существо которой есть общество.

А. де Токвиль, первый исследуя новое для современников демократическое образование – Соединенные штаты Америки, отметил, что эта страна, несмотря на широкое распространение идей равенства, свободы и права, остается одной из самых религиозных в мире. Он приводит серьезные аргументы, свидетельствующие о важных интегрирующих свойствах религиозности. Это чувство особенно существенно, замечает он, для индивидуалистических организмов, потому что направляет умы граждан на цели, высшие

по отношению к частным интересам, заставляет задуматься и действовать ради человеческого рода в целом. «Нет ни одной религии, которая не налагала бы на человека каких-либо обязательств по отношению ко всему человеческому роду, приобщая его ко всему сообществу и таким образом отвлекая индивидуума от мыслей о самом себе. Это содержится даже в самых ложных и опасных религиозных учениях. Религиозные народы, следовательно, естественным образом сильны именно в том отношении, в котором слабы демократические народы; важность сохранения религии народом, идущим к равенству, становится очевидной»⁵⁵.

Токвиль справедливо замечает, что в демократические эпохи усиливается тяга людей к материальному благосостоянию, к богатству. Невозможно полностью устранить это стремление. Поэтому задача духовных наставников отсечь второстепенные догмы и обряды от основополагающих. Этот аргумент особенно востребован в многоконфессиональных образованиях, потому что главные постулаты остаются общими для разных верований.

Одним из важных политических аспектов религиозности является то, что людям прививаются общие навыки поведения, причем, нацеленные на заботу об общем для всех будущем. В данном отношении они не менее полезны для счастливой жизни на этом свете, чем для вечного блаженства. «Это дает объяснение тому обстоятельству, что религиозным народам часто удается исполнение великих замыслов и деяний, надолго переживающих свое время. Они обнаружили, что, будучи занятыми мыслями о том свете, они открыли великий секрет успеха на земле. ...Как только они привыкают не думать о том, что будет после их смерти, они с легкостью вновь впадают в то полное, скотское безразличие к будущему, которое вполне соответствует определенным инстинктам человеческой природы. Утратив способность связывать свои ожидания с далеким будущим, они тотчас же обнаруживают естественное стремление к тому, чтобы их малейшие желания исполнялись незамедлительно...»⁵⁶, – пишет Токвиль два века тому назад, замечательно предугадывая современность, в том числе и в огромной степени российскую.

В века безверия люди нередко полностью отказываются от целей, которые требуют длительных усилий. Они начинают жить ради сиюминутных удовольствий. Народ как целое перестает существовать, общенациональные цели и долгосрочная перспек-

тива развития исчезают. «В тех странах, где, к несчастью, безверие и демократия сосуществуют, философы и члены правительства должны постоянно пытаться убедить людей в необходимости добиваться в своей деятельности достижения далекой цели; это важнейшая их задача»⁵⁷, заключает он.

Другой важный момент, необходимый для выживания любого общества, также, по мнению Токвиля, подсказан религией. Таково – особое значение догмы. Люди никогда не смогут быть вполне свободны от догматических убеждений, то есть от мнений, принятых ими на веру, без предварительного выяснения. Если бы каждый самостоятельно вырабатывал исключительно на основе собственной практики правила существования, никогда значительное число людей не могло объединиться на основе каких бы то ни было общих воззрений. Однако очевидно, что «никакое общество не способно процветать без подобных общих воззрений или хотя бы просто выжить, ибо без идейной общности невозможно деятельное сотрудничество. Но если сами люди, не зная коллективных усилий, еще могут существовать, то общественный организм не может. Следовательно, для создания общества и тем более для его процветания необходимо, чтобы умы всех граждан были постоянно и прочно объединены несколькими основными идеями; но это невозможно, если каждый из них не станет время от времени черпать свои суждения из одного и того же источника и не согласится признать своими определенное число уже готовых взглядов»⁵⁸.

Религия, согласно Токвилю, заложена в самой человеческой сущности. Она неискоренима, как надежда. Неверие – это исключение из правила, естественным состоянием человечества является вера. С изменением исторических и политических условий существования человека меняется только форма, но не суть – вера никуда не исчезает. Так, влияние института общественного мнения – это квазиструктура, характерная для демократического общества. Она – всего лишь замещение индивидуального авторитета, который исторически последовательно сменялся, переходя от Бога к князю, монарху, царю, одной Партии. Личный и индивидуальный авторитет трансформировался в коллективный, исходящий от массы, который распространялся в рамках эгалитаризма как главного качества демократии.

Потребность в священном настолько глубоко укоренена в человеческом сознании, что на определенном этапе развития демократии сверхъестественной силой наделяется народ и массовое общественное мнение. Это особенно наглядно видно на примере США. В Америке, говорит Токвиль, «сама религия господствует ...не столько как учение о божественном откровении, сколько как проявление общественного мнения»⁵⁹. Общественное мнение становится новой формой религии.

Обобщая характеристики аналитического аспекта священного, Р.Нисбет – американский социолог неоконсервативной ориентации, профессор Колумбийского университета – выделяет основные перспективы, соответствующие особому социологическому видению религии⁶⁰.

Во-первых, пишет он, религия нужна обществу не только в абстрактном моральном смысле, но как обязательный механизм интеграции людей и как символическая структура, объединяющая людей на основе их веры и преданности. Ошибка Просвещения состояла в предположении, что священное – не более, чем переходящее заблуждение и что люди могут жить мирскими ценностями, основанными на разуме и интересе. Подобно тому, как общинные связи необходимы для поддержания социального порядка, священные ценности необходимы для поддержания морального согласия. Во-вторых, религия – ключевой элемент и важнейшая сфера, необходимые для понимания истории и социального изменения. В-третьих, важно изучение ритуальной и организационной сторон религии. Благодаря ритуалам и таинствам отдельный человек осознает свою принадлежность к обществу.

Эту консервативную традицию исследования функции религии в обществе продолжает современный французский политический теоретик Р.Дебре. Результат процесса соотнесения мотивов и целей отдельных индивидов с некой общей для всех внешней субстанцией он обозначает как феномен «коллективного священного»⁶¹. Последнее обязательно присутствует в каждом политическом обществе, указывает он, и именно оно формирует нацию. Такое «священное» необходимое условие того, чтобы сделать из населения народ.

Сакральная точка отсчета может иметь разные материальные формы для воплощения. Это может быть какая-то территориальная точка пространства – возвышенность, огороженное место,

склеп или башня – стена («плача») или гора (Фудзияма). Она может принимать вид доктрины, учения, легенды, возведенных в исторический миф. Эту функцию может исполнить герой – пророк, национальный лидер, «отец-основатель» государства, партия или группа, которые воспринимаются людьми как основоположники и приобретают ореол святости. Исходным моментом может стать грандиозное событие, катастрофа, перевернувшая жизнь всех – поражение или победа.

Главное – это возникновение мифической отсылки, мифа основания, который кристаллизует идентичность и который получает материальное воплощение в подобного рода явлениях. В Советском Союзе был Ленин, Революция 1917, а также множество сакральных мест и символов – мавзолей, красный Кремль и Красная площадь, и т. д. В США силу мифа воплотили в себе Джордж Вашингтон и отцы-основатели, а также текст Конституции. Во Франции были мифологические фигуры Республики такие, как Дантон и Леклерк. «Разве существовал бы Израиль без Торы или арабский мир без Корана? Индия без Махабхараты? Культ Афины породил к жизни государство Афины. И этот же культ убил Сократа», – восклицает в одном из своих интервью Р.Дебре, автор книги «Момент братства. Религия, общество, политика: какова цена “мы”?» («Le moment fraternité. Religion, société, politique : quel est le prix du “nous”?»). «Несмотря на всю туманность понятия священного, существуют священные места и священные книги. Попробуйте сварить яйцо на вечном огне, посвященном неизвестному солдату или открыть блинную под сводами Освенцима, и Вам мало не покажется», добавляет он⁶².

Проблема для России заключается в том, что у нас сегодня нет точки отсчета, «начала», первичного мифа, который позволил бы выйти из магического круговорота «вечного возвращения» в негативное существование – в развал и разруху «бархатных», «оранжевых» и проч. революций. Такой «миф сотворения» мира был в 1917 г. Время и пространство организовывались вокруг этого основополагающего события по всем канонам функционирования «священного». Ежегодно событие воспроизводилось и переживалось заново в течение главных осенних Октябрьских праздников. Они были Великим Октябрем. Это было начало начал. Повторение События позволяло не только и не столько со-

хранять историческую память, сколько переосмысливать и переживать заново центральное исходное состояние, а значит, пытаться исправить «грехи» существующего строя. И именно в тот момент, когда эта функция обновления перестала работать и Событие перешло в разряд банальной псевдоисторической памяти, началось разрушение коммунистического строя и порядка. Наступил первозданный хаос, «смута», разруха. С крушением «мифа» мир потерял структуру, организацию, а значит предсказуемость. Ушел порядок, исчезло будущее.

Теперь перед нами стоит очень сложная и трудная задача обрести новую точку отсчета. Такие попытки присутствовали в новой истории России. Первоначально таким первородным Событием пытались сделать 12 июня – так называемый День независимости России. Но поскольку событие не было по-настоящему автохтонным, истинным, а представляло собой кальку с американского образца, оно не прижилось на русской земле. Ныне либеральная оппозиция предпринимает новую попытку, назначив такой точкой отсчета 6 мая – «День рождения оппозиции». Однако, понятно, что это не принесет желаемых результатов, ибо событие ложно по самой своей сути. Любая оппозиция – это часть и сколь бы элитарной она ни была, она не может заместить целое. А смысл «начала» именно в том, чтобы оно стало **началом для всех**. (Именно этим можно, кстати, объяснить, но не оправдать **методологическую** важность для новорожденной Советской власти в 20-х гг. прошлого столетия инициативы физического «изгнания» мировоззренческих чужаков из страны). Начало для всех. Такую демократическую логику «священного» еще не удавалось превозмочь никому. В этом смысле Правда (воспользуемся русским синкретическим понятием, непереводаемым на другие языки мира), несомненно, окажется на стороне сильного лидера, который начнет реализовывать архетипическую связку «вождь-народ». Непреходящая сила архетипа в том, что он, по определению, есть «структура поведения» нации. А это именно такая вещь, которая обеспечивает «вечное возвращение» к самому себе и рождает новую сакральность.

Российская ситуация

В последние годы в России немало было сделано для того, чтобы привить ценности индивидуализма в массовом сознании. Одновременно шла интенсивная пропаганда по дискредитации властей самого разного уровня. Нельзя сказать, что власть предрезающие подвергались критике незаслуженно. Однако тот процесс, который происходил, далеко не всегда носил конструктивный характер. По крайней мере, не предпринималось достаточно мер для того, чтобы исправить положение. В результате в стране сложилась классическая ситуация всеобщего разочарования населения во власти вкупе с явлениями катастрофической атомии и аномии в социальном пространстве.

Этот феномен замечательно описан Ханной Арендт как состояние «новой, ужасающей, отрицательной солидарности»⁶³, когда сонные большинства превращены «в одну громадную неорганизованную, бесструктурную массу озлобленных индивидов, не имевших ничего общего, кроме смутного опасения, что надежды партийных деятелей обречены, что, следовательно, наиболее уважаемые, видные и представительные члены общества – болваны, и все власти, какие ни есть, не столько злонамеренные, сколько одинаково глупые и мошеннические»⁶⁴. Именно такое состояние общества может быть использовано любой внешней силой для целенаправленного идеологического влияния на общественное сознание народа в целях, весьма далеких от подлинных интересов членов сообщества.

Сегодня для России особой проблемой становится осознание своей целостности не только в территориальном, экономическом, но прежде всего в культурном плане. Речь идет о непрерывности традиций, осмыслении и сохранении базовой идентичности, тех «священных камней», на краеугольном основании которых строится нация как социально-политическая единица. Коммуникация между поколениями, коллективная память – это фундамент исторического бытия народа. Именно культура обеспечивает сплоченность между прошлым и настоящим. Россия в этом плане страна особая. Смуты уже трижды рушили ее до основания. При этом каждый раз покушались именно на культурные основы ее государственности. Возникали глубокие цивилизационные разрывы,

после которых самоорганизация общества начиналась заново. Вопрос в том, какая при этом возникала модернизация – действительно создающая скачок вперед, как это было, например, в случае советского опыта или же отступление в разновидность социально-культурного варварства. Последний разряд трансформаций общества известен в современной социологии под именем «архаизирующей модернизации» (Р.Дебре).

Именно такой случай имеет место ныне в России и связан он с отказом от преемственности в развитии, полным отречением от прошлого и попыткой заменить собственный цивилизационный код готовым европейским паттерном. Успешное заимствование предполагает обязательное сохранение традиции, как о том свидетельствует опыт Китая. Когда в этой стране начался переход к новой модели существования общества, то было заявлено, что прежний курс Мао не был полностью ошибочным. Действия коммунистического руководителя были названы верными на 75 % и только на 25 % подвергались сомнению. Так же поступил в свое время сам Мао, сохранив в китайской Конституции отдельные положения прежнего буржуазного правления. Российский идеологический экстремизм, уничтожая свое прошлое, закрывает дорогу в будущее.

Конечно, современная ситуация резко меняется благодаря вездесущести Интернета. Но он не только связывает людей и народы, налаживает коммуникации и сближает. Информация и власть вещи взаимосвязанные. Современный Интернет изменяет форму властвования, но не отменяет самого факта власти и доминирования. Напротив, он их делает более сконцентрированными, монопольными и тираническими. Правда, все это происходит в скрытой, неочевидной, но тем более действенной форме. Первоначальные обольщения относительно свободы общения и даже таких политических бонусов как реализация идеи «прямой демократии», сегодня оказываются несостоятельными. Интернет – это не просто сеть, это сеть, которая определенным образом организована. Для осуществления коммуникации в ней необходимы IP – адреса, протоколы и т. д. Вся эта логистика, в конечном счете, преобразуется в определенную систему поиска информации в сети Интернет. Крупнейшей из них сегодня является Google. Это – целый конгломерат поисковых систем, принадлежащий корпорации **Google Inc.**, с портом приписки – США.

Эта система – первая по популярности (79,65 %), она обрабатывает 41 млрд. 345 млн. запросов в месяц, ей принадлежит 62,4 % рынка, она индексирует более 25 млрд. веб-страниц, может находить информацию на 195 языках народов мира⁶⁵.

Известность поисковой системы такова, что в английском языке появился неологизм *to google* или *to Google* (аналог в русском компьютерном сленге – *гуглить*), использующийся для обозначения поиска информации в Интернете с помощью системы Google. Именно с таким определением глагол занесён в наиболее авторитетные словари английского языка – Оксфордский словарь английского языка и Merriam-Webster. Однако он все больше используется для обозначения поиска вообще чего-либо в Интернете. Американское сообщество назвало глагол «to google» словом десятилетия.

Такая популярность вовсе небезобидна и не нейтральна. Она фактически передает микровласть над умами пользователей компании Google и ее акционерам, которые формируют поле для поиска. Как верно отмечает Ф.-Б.Юиг, современный исследователь культуры коммуникаций, хорошо известно, что в эпоху распространения классической печатной продукции покупатель «Фигаро» или «Юманите» определенным образом усиливал власть правых или, соответственно, Коммунистической партии Франции. Но он хотя бы делал это сознательно⁶⁶. Таким образом, Интернет это не только место все возрастающей свободы самовыражения индивидов это – также место управления вниманием и эксплуатации человеческого внимания. Но это есть новая форма власти и управления – власть над мозгами, намного более эффективная, чем явное принуждение и прямое насилие.

Существуют две крайности в восприятии новой информационной революции, связанной с Интернетом. Первая преувеличивает возможности «Большого брата» и абсолютного контроля над умами. В этой перспективе информационная война видится как новый Армагеддон из-за чего даже была наречена «Кибергеддоном». Вторая слишком доверчиво и романтично верит в утопию планетарного форума.

Очевидно, не следует преуменьшать опасности манипуляции и управления общественным мнением, особенно в ситуации нарастающего могущества единственной сверхдержавы и ее стрем-

ления «сделать мир безопасным для Америки». В этом смысле следует помнить об изменении терминологии, которое произошло на наших глазах: всемирная Паутина превратилась в Сеть. Но последняя есть уже нечто упорядоченное, искусственно организованное и, следовательно, вполне управляемое. В то же время не следует пренебрежительно относиться и к обнадеживающим аргументам сторонников свободного обмена. Они, в частности, особо выделяют тот факт, что сама скорость передачи данных и посланий в Сети настолько космически быстра, что позволяет «обогнать» цензуру.

Все это так. Однако надо знать, что новая идеологическая стратегия «мягкой власти» в последние годы приобрела синоним и часто обозначается как «smart power», что можно перевести как «ловкая, хитроумная, смышленная, оборотистая власть». Речь идет о таких формах влияния, которые используют перефраз прежней стратегии – «если не можешь что-либо пресечь, возглавь». Эта формулировка звучит сегодня так: «поскольку события нас опережают, попробуем их организовать»⁶⁷. Именно в этом русле действуют США, создавая в «опасных» для них странах собственные сети и снабжая их выгодной для себя имиджевой информацией. Такова их тактика в государствах мусульманского фундаментализма, уже принесшая первые плоды «арабской весны». В тот же «джентельменский набор» входят и затеи с «Твиттеровой дипломатией», которая не только создает возможность распространения выгодных для эмитента слухов – «интернет-репутации» страны и ее действий на мировой арене», но, что в конечном счете, самое главное в деле насаждения своего влияния – позволяет внедрить в головы людей свое видение реальности, свой «рассказ», прибегая к терминам постмодернизма.

Что касается России, то можно утверждать, что в нашей стране, как во многих странах Запада, начался процесс разочарования в «идеях свободы, мира и демократии» по-американски. И ответ на этот вопрос лежит в логике развития глобального мира. Дело в том, что главное достижение глобализации – это элиминация наций – государств как главного препятствия к мировому движению капиталов, товаров, идей. Но именно здесь и возникает незадача с Россией. Еще с 1970-х гг. в американской советологии не раз подчёркивалось, что внутренняя система СССР просто неопишима западным политологическим языком⁶⁸. Речь идет о том,

что существует непроходимая пропасть между распространенной в американо-европейском мире понятием «nation-state» и российским «государством».

Собственно говоря, как верно замечает российский исследователь О.Неменский, в историческом опыте Западной Европы «государственности» нет вообще. То, что мы сейчас называем государством, в античной латинской традиции выражалось через слова *civitas, respublica, regnum, imperium* и др. Понятие, господствующее в современных западноевропейских языках (*stato, state, Staat, état, estado* и т. д.) и довольно **неадекватно** переводимое на русский язык как «государство» постепенно стало входить в языки лишь с конца XVI–XVII вв. Оно было введено Н.Макиавелли и означало особое видение государственности как «состояния» (*status*)⁶⁹.

Следует заметить, что на этот факт указывал еще Вл.Соловьев в своей работе «Значение государства», но до сих пор в российской литературе его рассуждение практически остается без внимания. Для Вл.Соловьева «собираемый организм государства» отражает определенное видение и решает определенную «задачу собирательной жизни» известного народа⁷⁰. Смысл конкретной национальной государственности проясняется, в частности, в тех существенных признаках, которые выделяются конкретным историческим народом в понятии государства. «Коренное значение того слова, которое известный народ употребляет для обозначения государства, содержит, конечно, если не прямое указание, то ясный намек на то, какую сторону или какую задачу собирательной жизни считал или считает он для себя самой важной»⁷¹.

Античный город-государство подчеркивал значимость *культурной* задачи государства. Город представлял собой средоточие образованности, умственной и материальной культуры и прогресса. Культура как цель предполагает организованное сотрудничество многих людей, которые должны собраться, соединиться в одном месте – в городе. Именно поэтому значительные государства древности всегда выходили из города. Таковы были, к примеру, Вавилон, Фивы, Рим, Иерусалим, Афины. С городами связаны крупные духовные повороты истории. В соответствии с его идеями, выход на историческую арену Петербурга символизировал «выступление на всемирно-историческое поприще новой, посредствующей между Западом и Востоком силы России»⁷².

Культурную задачу античности сменила *практическая* задача государства объединить людей для общего дела, солидарности в общем деле. Эту задачу в истории взяло на себя Римское государство – *res publica*, т. е. **общее или всенародное дело** (кстати, дословно – «общая вещь» – характерно материально и прагматично). Для римлян государство имело значение безусловное, призванное охранить общественное целое от распада – единственное и главное условие, которое, по их мнению, могло обеспечить исполнение общего дела.

В средние века на место римской идеи государства выступили две новые политические идеи, которые укрепились в Новое время – западноевропейская и византийская.

Западноевропейская политическая идея подчеркивает *относительный* характер государства. Сам латинский корень *status*, от которого произошли современные названия государства в европейских языках (*etat, estado, Staat, state* и т. д.), **означает в переводе «состояние»**. «Называя так государство, – пишет Вл. Соловьев, – европейские народы видят в нем только относительное состояние, результат взаимодействия различных социальных сил и элементов»⁷³. И если в средние века государство в Европе было равнодействующей различных претендентов на власть: короля, духовенства, феодалов и городских общин, то в Новое время оно стало равнодействующей борьбы классов и партийных интересов. Смысл европейского государства, который определяется необходимостью мирного уравнивания противоборствующих сил, и недопущением насилия, выражается в идее общественного договора. **Собирательная задача** в европейской модели, таким образом, **релятивизируется** и становится задачей предупреждения конфликта или примирения сторон. Логическим продолжением этой идеи является модель правового государства, ибо право призвано найти равновесие частной свободы и общего блага. Государство в таком случае есть только выражение данного правового состояния.

В отличие от европейской византийская политическая идея, по мысли Вл. Соловьева, признает в государстве «сверхправовое, *сверхсоциальное* начало»⁷⁴, которое стремится соответствовать высшей правде. Главной задачей России, которая наследует эту идею, становится объединительная, **собирательная** идея, которая

в контексте соловьевского универсализма из внутренней цели российского государства перерастает в цель собирательной всемирной духовности.

Понятие *stato* тесно увязано с сугубо западной договорной традицией, деперсонализацией власти и утверждением представительских систем, в которых сама власть определяется через «общество», снизу. Такой формы власти русская история практически не знает. Даже хрестоматийный пример Новгородской феодальной республики опровергает идею *stato*. Свое бытие она осмысливала опять же через «государственность», символически возводя в персону государя сам город («Господин Великий Новгород»).

Государство – специфически местное понятие, отмечает О.Неменский, отражающее именно русский исторический опыт и никакой другой. В основе этого понятия лежит титул «государя» («господаря» в более старой форме). Именно титул «господаря» имел в древнерусский период центральное значение для описания как власти, так и её системы⁷⁵. В этом отношении знаменательно то, что для прочих русских титулов были найдены западные параллели (правда, условность и даже неадекватность этих аналогий не раз подчёркивалась в научной литературе), но для «государя» соответствия не нашлось. Николай II, с 1898 г. официально именовал себя «Хозяином земли Русской», что, при всей оригинальности понятия, должно было свидетельствовать о невозможности в России западных форм «стата». Что касается систем власти, которые создавали большевики, то это были опять же не «состояния», а структуры, образуемые вполне конкретной субъектной силой: условными «революционным классом», «советской властью», «партией» или «вождём»⁷⁶.

Этот факт осознается современными российскими исследователями как феномен «моно-власти» – единственно возможной формы устройства и существования нашей страны⁷⁷. Но это одновременно означает инакость российской государственности, и одновременно, перспективу рождения здорового противовеса в мировой конфигурации – наряду с уже утвердившейся западной мета-цивилизацией. Это возможно только через дооформление российской цивилизации как особого структурного мироустройства.

С другой стороны, с точки зрения внутренней политики и прогресса развития, тот факт, что государство и государственность в российском коллективном сознании всегда была понятиями са-

кральными и народ вставал на их защиту в минуты крайней исторической опасности, говорит о возможности выхода из кризиса и осуществления реальной консолидации. Нельзя не согласиться с О.Неменским, что именно государственность России может стать прогрессивной национальной идеей, которая возродит Россию и даст миру перспективу устойчивого равновесия сил.

В начале «перестройки» в нашей стране расхожей была сентенция Карамзина: «государство пухло – народ хирел». Растиражированность цитаты обязана излюбленной постмодернистской подмене смыслов и неотрефлексированности понятия «государство». Дело в том, что тождество верно, если понимать государство как аппарат, бюрократический инструмент управления (европейский смысл государства). Никто не станет отрицать, что народ хиреет, когда бояре, (сегодня они же – элита=олигархи и высшая бюрократия), стягивает на себя львиную долю богатства страны, и народ, естественно, страдает в формах порой кощунственных – вплоть до физического самоуничтожения населения, «тихого холокоста». Но ответом на эту цитату является контраргумент, гласящий, что в критические эпохи именно народ спасает русскую государственность (Отечественные войны России). Здесь нет никакого смыслового противоречия. Ибо в последнем случае речь идет о государстве в собственном смысле слова – о государстве в русском понимании термина – как об оформленном бытии народа. И тогда нет ничего естественнее, чем самосохранение народа=государства.

Современный этап «архаизирующей модернизации» осложняется идеологией глобализма. Последняя подменяет культурно-исторические модели подлинного бытия народов новой формой «вот-бытия», «здесь-бытия» (Dasein) – «общечеловеческой» универсальной технологией мирового потребительства. «Похоже, у сетевиков нет родины», – сокрушается Р.Дебре. «Они культивируют полуобщинные и полупланетарные чувства. Житель сетевой деревни устраивает короткое замыкание в среднем эшелоне наций»⁷⁸, – пишет он.

«Мягкая идеология» делает ставку на культурологический аргумент. Идеология глобализма покушается на «культурное воображаемое» других народов. Замещая глубинные структуры «родного» коллективного бессознательного, «вселенские» ценности активно формирует «общечеловеческую» универсальную технологию мирового потребительства. Россия, ослабленная исторически

нарушенными коммуникационными связями между поколениями, весьма смутно ошущающая свой базовый идентификационный код, фактически утратившая свою собственную культуру, снова, как в XVII и в начале XX в., оказывается под прессом интернационального паттерна. Западная, «единственно верная» модель развития ложится на хорошо расчищенную от самобытности почву. Нет культурного иммунитета, и общество вновь самоорганизуется по наиболее примитивным, архаичным лекалам. Ситуация осложняется тем, что слой интеллектуалов, который в любой социальной структуре должен выступать хранителем и двигателем культурной памяти народа, подхватывает «зады» чужого образа жизни и выступает едва ли не тормозом прогресса собственного народа и своей страны. Стоит ли тогда удивляться, что спасительным в такой ситуации, который уж раз в истории, становится спрямление связи народ-государь. При этом неважно, кто есть последний – царь, император, вождь или президент. Важна «сильная» моно-власть, которая народом рассматривается как сакральная именно потому, что, появляясь в истории, только она способна создать «великую Россию». Сегодня совершенно очевидно, что перспективы возрождения России связаны с поиском прочных собственных основ существования, осознания своей самостоятельности, а значит, обретения, наконец, автохтонной устойчивой формулы существования.

Примечания

- ¹ Анжено М. Взрыв апокалипсических настроений (http://old.russ.ru/journal/ist_sovt/98-09-24/angeno.htm).
- ² О книге: La soft-idéologie. François-Bernard Huyghe et Pierre Barbès. P., 1987 (http://www.huyghe.fr/livre_12.htm).
- ³ Huyghe Fr.-B., Barbès P. La soft-idéologie. P., 1987 (http://www.huyghe.fr/livre_12.htm).
- ⁴ Halimi S. О книге «François-Bernard Huygue et Pierre Barbes Robert. La soft idéologie» // Politique étrangère. 1988. Vol. № 53. P. 773.
- ⁵ Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. С. 164–165; 168; 169; 189.
- ⁶ Zuckerman P.A. Common Good State: The Next Phase of Human Societies (<http://www.wfs.org/zuckerman.htm>); Материалы Круглого стола «Les ressources naturelles, un bien commun?» (<http://www.repid.com/Les-ressources-naturelles-un-bien-en.html>); Descola Ph. A qui appartient la nature? // La Vie des idées. 21 janvier 2008.

- 7 *Ignatieff M.* Empire Lite: Nation-Building in Afghanistan, Kosovo, and Bosnia, Toronto, 2003.
- 8 *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
- 9 Там же. С. 128.
- 10 Там же. С. 18.
- 11 *Assayag J.* Quand guerre et paix s'emmêlent. Géopolitique des espaces imaginaires contemporains // *Cités*. 2005. № 24. P. 98.
- 12 Ibid. P. 86.
- 13 Ibid. P. 91.
- 14 Ibid. P. 31.
- 15 Ibid. P. 100.
- 16 *Galtung I.* Twenty-Five years of Peace Research: Ten Challenges and Some Responses // *Journal of Peace Research*. Oslo. 1985. Vol. 22. № 2. P. 145–146.
- 17 Ibid. P. 146.
- 18 Ibid. P. 147.
- 19 Ibid. P. 146.
- 20 *Badie B.* La Fin des territoire. P., 1995.
- 21 *Badie B.* De l'international au mondial // *Durand M.-Ph., Copinnschi Ph., Martin B., Mitrano P., Placidi-Frot D.* Atlas de la mondialisation. Comprendre l'espace mondial contemporain. P., 2010. P. 6.
- 22 Халяльный интернет? (<http://homeservice.ucoz.ru/news/2012-05-03-716>).
- 23 «Халяльный интернет» – как это работает (<http://texnomaniya.ru/internet-news/-quot-khaljalnijj-internet-quot-mdash-kak-jeto-rabotaet.html>).
- 24 *Milton L. Mueller.* Networks and States: The Global Politics of Internet Governance. MIT Press, 2010.
- 25 *Milton L. Mueller.* Networks and States: The Global Politics of Internet Governance. MIT Press, 2010. Цит. по: *Савин Л.* Кибердиссиденты (<http://old.geopolitica.ru/Articles/1402>).
- 26 *Черненко Е.* Интернет-протокольная служба Госдепа // *Коммерсантъ*. № 172(4713). 15.09.2011 (<http://www.kommersant.ru/doc/1773567/print>).
- 27 Quadrennial Diplomacy and Development Review (U.S. Department of State <http://www.state.gov/documents/organization/153139.pdf>). Цит. по: *Черненко Е.* Интернет-протокольная служба Госдепа.
- 28 *Ярыгин Г.О., Цветкова Н.А.* Netcitizens как новая целевая аудитория Интернет-дипломатии США // *Вектор науки ТГУ*. 2012. № 3(21) (http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media72609/49Yarygin.pdf).
- 29 Там же.
- 30 *Ярыгин Г.О., Цветкова Н.А.* Netcitizens как новая целевая аудитория Интернет-дипломатии США.
- 31 *Черненко Е.* Интернет-протокольная служба Госдепа
- 32 *Ярыгин Г.О., Цветкова Н.А.* Netcitizens как новая целевая аудитория Интернет-дипломатии США.
- 33 *Черненко Е.* Интернет-протокольная служба Госдепа.
- 34 *Ярыгин Г.О., Цветкова Н.А.* Netcitizens как новая целевая аудитория Интернет-дипломатии США.

- 35 См.: *Hassner P.* Le cosmopolitisme entre chaos et republique // *Revue de synthese*. P., 2002. Serie 5. P. 195.
- 36 *Ibid.* P. 194.
- 37 *Ibid.* P. 193.
- 38 *Vibert St.* La 'communauté' des modernes. Etude comparative d'une idée-valeur polysémique en Russie et en Occident // *Social Anthropology*. P., 2000. T. 8. № 3. P. 263–294.
- 39 *Ibid.*
- 40 *Schnapper D.* La relation a l'autre. Au Coeur de la pensee sociologique. P., 1998. P. 448.
- 41 *Castoriadis C.* La montée de l'insignifiance (Les carrefours du labyrinthe IV). P., 1996. P. 19.
- 42 *Vibert St.* La 'communauté' des modernes. Etude comparative d'une idée-valeur polysémique en Russie et en Occident. P. 293.
- 43 *Ibid.* P. 292.
- 44 *Schnapper D.* La relation à l'autre. Au coeur de la pensée sociologique. P. 450.
- 45 *Dumont L.* Homo Aequalis. II: L'idéologie allemande (France-Allemagne et retour). P., 1991. P. 21.
- 46 *Vibert St.* La 'communauté' des modernes. Etude comparative d'une idée-valeur polysémique en Russie et en Occident. P. 292.
- 47 *Нусбет P.* Возращение «священного» // *Социол. журн.* 1999. № 1–2. С. 43–76.
- 48 *Durkheim E.* The elementary forms of religious life. P. 427. Цит. по: *Нусбет P.* Возращение «священного». С. 49.
- 49 *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. М., 1998. С. 29.
- 50 Там же. С. 52.
- 51 *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 292–293.
- 52 Там же. С. 294.
- 53 Там же. С. 298.
- 54 *Нусбет P.* Возращение «священного». С. 53.
- 55 *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 330.
- 56 Там же. С. 401.
- 57 Там же. С. 402.
- 58 Там же. С. 322.
- 59 Там же С. 324.
- 60 Там же.
- 61 Régis Debray (http://fr.wikipedia.org/wiki/R%E9gis_Debray).
- 62 Tous les hommes ne sont pas frères. Entretien avec Régis Debray // *Culture*. 12 mars 2009 (<http://www.causeur.fr/tous-les-hommes-ne-sont-pas-freres>, 2077).
- 63 *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма ([gumer.info](http://gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/38.php))>bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/38.php).
- 64 Там же.
- 65 Google (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Google>).
- 66 F.-B. Huyghe Qu'est-ce que le pouvoir sur Internet? (http://www.huyghe.fr/actu_378.htm).
- 67 F.-B. Huyghe Soft power, smart power & co... (http://www.huyghe.fr/actu_901.htm).

- 68 *Неменский О.* Российское государство vs. Russian state // Сократ. № 4 (<http://www.socrat-online.ru/page/rossijskoe-gosudarstvo-vs-russian-state>).
- 69 Там же.
- 70 *Соловьев В.С.* Значение государства // *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 551.
- 71 Там же.
- 72 Там же. С. 552.
- 73 Там же С. 556.
- 74 Там же. С. 557.
- 75 *Неменский О.* Российское государство vs. Russian state.
- 76 Там же.
- 77 *Фурсов А.* Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1212912480>).
- 78 *Дебре Р.* Введение в медиологию. М., 2010. С. 333.

Р.И. Соколова

Зачем России нужна идеология?

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит видно,
Да кружит по сторонам.

А.С.Пушкин

В политической философии вопрос о том, «как жить сообща?», является одним из приоритетных¹. Соответственно он является ключевым и в философском исследовании проблемы государства. Сама логика развертывания темы государства требует изучения этого очень непростого вопроса, поскольку в современном российском обществе нет единой для всех политической, философской или религиозной точки зрения.

Если в поисках ответа на этот вопрос философия опирается на свой специфический аппарат, свои методологические и гносеологические установки и в целом не выходит за академические рамки, то ее суждения могут показаться абстрактными, даже схоластическими и часто бывают не востребованы обществом. Если же философия выходит в публичное пространство, т. е. в сферу общественно значимых идей, отражающих интересы различных политических сил, групп и слоев общества, она неизбежно мутирует, превращаясь, в некотором роде, в то, что называется идеологией, хотя при этом отличается от классической идеологии, продуцируемой непосредственно деятелями политических партий и общественных движений. То есть идеология существует как в поле теоретических изысканий, так и в поле политической деятельности, взаимно перетекая друг в друга. Но в любом случае вследствие несамостоятельного, зависимого характера идеологии (от ценностей, интересов) ее смысл в реальной действительности замутнен и поэтому на поверхности она представляется противоречивой и амбивалентной.

Те исследователи, которые видят в ней деформирующий опыт сознания, выдвигают на первый план негативные коннотации идеологии, связанные с представлением об идеологии как атрибуте несвободных социалистических обществ, а также с понятием «идеологическая борьба». Отказ России от идеологической борьбы, означавший признание ее поражения в холодной войне и зависимого положения, повлек за собой соответственно и отказ от идеологии. Со страниц российских публикаций почти полностью исчезло упоминание об идеологии, а само слово «идеология» стало как бы ругательным. Поэтому от идеологии стараются отмежеваться те из отечественных авторов, которые, рассуждая о судьбе российского государства, его цели и предназначении, стараются заменить это понятие более нейтральными – идея, мировоззрение.

Впрочем, сегодня более актуальным и популярным является другой подход к идеологии – рассмотрение ее в качестве инстанции, которая обеспечивает интегративную функцию государства, как феномена, организующего социальную жизнь. В этом русле работает ряд отечественных ученых: Л.М.Барботько, Л.А.Войтов, С.Г.Кара-Мурза, Д.Львов, И.Г.Митченков и др. К тому же сейчас склоняется и власть. Президент РФ В.В.Путин наметил основное направление будущей идеологии российского государства в своем выступлении 12 сентября 2012 г. в Краснодаре². По сути, он призвал всех патриотов России сплотиться в деле укрепления России, в создании ее новой Идеологии. Такой поворот вызван тем, что в обществе все сильнее ощущается потребность в понимании перспектив и целей развития российского государства в условиях глобализации, универсализирующей все процессы в мире. Это побуждает Россию к поисками собственной идентичности, своего смысла существования, своего места в мире, а значит, к формированию идеологии, которая в данных условиях превращается в универсальный код для интерпретации всех событий мира.

Сегодня всем, кто задумывается о прошлом, настоящем и будущем нашей страны, достаточно очевиден факт тотального кризиса, в который вступила современная Россия вслед за остальным миром. Поэтому сомневающихся в необходимости государственной идеологии становится все меньше. Некоторые отечественные ученые все чаще говорят о непосредственной связи между отсутствием государственной идеологии в стране и кризисом, в котором

оказалась Россия. Как справедливо отмечает, например, А.Н.Окара, кризис обнажил главную проблему наших дней: *смысловую истощенность «современного мира»* – истощенность нынешней концепции развития человечества, недостаточность Модерна как универсального миростроительного проекта, сформированного в лоне западноевропейской цивилизации и откровенную ущербность разнообразных постмодернистских проектов³, которым послушно следовала Россия. Одна из главных причин этого – мировоззренческий и идеологический «вакуум», который образовался в постсоветском «пространстве» российской истории⁴. Кроме того, без идеологии, как пишет А.В.Рубцов, «немыслимы многие базовые институты общества и государства. Без идеологии не только не воюет, но в мирное время разлагается *армия* – какие бы средства в нее ни вкладывали и какую бы палочную дисциплину в ней ни насаждали»⁵. Исследователи отмечают, что объявленная деидеологизация российского общества привела к деградации всех сфер и структур жизни общества, в том числе к деформации федерального устройства власти и управления российским обществом. Поэтому «конец идеологии» – явление, противоречащее интересам человека и общества, и оно не может долго существовать⁶.

Частым рефреном звучит также мысль о том, что важным фактором, порождающим слабость современной России, является ее неспособность устранить нарастающие многочисленные угрозы, обусловленные отсутствием политического и духовно-идеологического единства как во властвующей элите, так и во всем обществе. Юридически закрепленная идеологическая аморфность российского общества, отказ от корневых культурных ценностей на стратегическом уровне не только не обеспечивают его процветание, но и создают условия для социальной деградации.

Совершенно очевидно, что страна подошла к ситуации исторической неопределённости, чреватой непредсказуемыми последствиями. Никто толком не знает, какое общество надо строить, к чему необходимо стремиться, неясна перспектива общественного развития. Это влечет за собой апатию, уныние и безнадежность. Идеологическая растерянность, бесформенность российского общества свидетельствуют о явном несоответствии сегодняшнего общественно-политического курса национально-историческому бытию России.

Все это свидетельствует о беспочвенности взгляда на сущность идеологии как безусловного зла, возобладавшего в последние десятилетия прошлого века. Действительно, конец XX в. засвидетельствовал крушение в мире большинства идеологий, что позволило выдвинуть тезис о «конце идеологии» и породило настроения антиидеологизма. Эта идея, озвученная в свое время К.Мангеймом⁷ и актуализированная в 60-е гг. прошлого века Д.Беллом, вступила, однако, в противоречие с реальностью, так как идеология – многомерный социальный феномен, ее корни, в том числе, могут находиться и в самом устройстве государства, его сущности и культуры, а также в психологических и ценностных предпосылках народа.

Поскольку понятие «идеология» неустранимо из всякого социального анализа и приложимо к любым формам жизни социума и человеческого духа, в современном мире не утихают дебаты о роли и значении идеологии. Одни склонны взваливать на нее ответственность за все беды, обрушившиеся на человечество в XX в. Другие ищут оптимальную научную идеологию, вооружившись которой можно изменить мир к лучшему. В целом столкновение мнений противников и сторонников идеологии обусловлено тем, что это очень широкое, многоликое понятие, в которое вкладывается разный смысл и содержание в зависимости от различных теоретических критериев и политических позиций.

В мире, в отличие от России, идет постоянный процесс совершенствования идеологий, целью которых является не только формирование максимально благоприятного внешнего облика страны, но и навязывание этого облика (и ценностей) другим странам. «Уход» России из идеологии вовсе не означает, что и другие страны также «ушли» из идеологии. В начале XXI в. мир отнюдь не отказался от идеологий. Напротив, идеологии, как демонстрируют радикальный ислам и радикальный либерализм, **стали главным и эффективным оружием политической борьбы** и защиты национальных интересов. Это показывают, например, и опросы общественного мнения в США, где доля лиц, считающих Россию потенциальным врагом, за последние годы неуклонно растет, что свидетельствует о серьезном сдвиге в общественном сознании США.

Идеология как часть политической культуры не исчезает, а лишь демонстрирует смену одних ее форм другими. Речь должна идти сегодня не о конце идеологии, а разрушении ее специализированных форм, об исчерпанности некоторых идейных течений в условиях противостоящих друг другу парадигм – глобализации и многополярного мира, которые, как отмечает В.Волконский, «связываются только с геополитическими и экономическими схемами. Но явно ощущается потребность в формировании соответствующих им идеологий, заполнении остро ощущаемого вакуума в смысловой сфере»⁸.

По мере ослабления влияния мирового Центра и повышения удельного веса Китая и других региональных центров в мировой экономике и политике появляется все больше возможностей для поиска самостоятельного пути развития, социального и духовно-идеологического творчества у более слабых в настоящее время цивилизационных центров. Источником конкурентоспособности становится способность порождать новые смыслы, новые мировоззренческие проекты, инновации, моделировать и строить будущее.

Россия же опять оказалась в положении догоняющей и не только в экономике и технологиях, но и в общественных знаниях, т. е. стала аутсайдером как в инновациях, так и в идеологии. В результате в обществе все больше ощущается назревание идеологического кризиса. Это следует воспринимать как вызов интеллектуальным кругам и шанс переосмыслить социальную реальность, предложив новые подходы. Иными словами, идеологические аспекты общественной жизни должны стать одним из стратегических направлений исследований и находиться в зоне пристального внимания философского сообщества. При этом необходимо освободиться от одностороннего понимания идеологии как атрибута тоталитарного прошлого и наполнить ее содержательным пониманием, адекватным российской цивилизации. Кроме того, как справедливо отмечает известный словенский философ и «властитель дум» современности С.Жижек, идеологии необходимо придать новое понимание, которое позволит понять ее современные модификации, “чтобы не стать жертвой определенного рода «постмодернистских» ловушек (например, той иллюзии, что мы находимся в «постидеологических» условиях”⁹.

Но как бы то ни было, не вызывает сомнения, что идеологический фактор играет важную роль в жизни современной цивилизации. Поэтому прежде чем говорить о том, какая идеология нужна России, необходимо дать общую характеристику идеологии, выявить ее сущностные черты и условия функционирования в обществе.

Многоликость и неистребимость идеологии

Не успели в России только подумать о необходимости идеологии, как американское издание «Вашингтон пост» разразилось тревожной и неодобрительной статьей, начав бурно фантазировать по этому поводу¹⁰. Подобный факт – еще один аргумент в пользу того, чтобы разобраться в сущности идеологии и ее роли в жизни общества и государства.

Термин «идеология», а также названия многих идеологических течений зародились более 200 лет назад в то время, когда Европа переживала бурный период социальных потрясений, нашедший свою кульминацию в Великой французской революции конца XVIII в. Идеология появилась как отражение оптимизма философии Просвещения – широко распространенного убеждения в том, что общество при помощи научных знаний может быть рационально перестроено, освобождено от угнетения и предрассудков. Такие знания отождествлялись с идеологией. Для французского философа Д. де Траси (1754–1836), который изобрел термин идеология, а в 1801–1815 гг. выпустил в свет четырехтомный труд «Элементы идеологии», данное понятие обозначало науку об идеях – энциклопедическую и авторитетную форму знания, очищенного от предрассудков и суеверий старого режима. Идеология создавалась де Траси как руководство для практической и государственной деятельности и была призвана лежать в основе цивилизации постреволюционной Франции и покоренной наполеоновскими армиями Европы. Идеология должна была выступать средством просвещения политики, воспитания гражданских добродетелей, от которых, в конечном счете, зависит политическая стабильность общества. Под идеологией он понимал также знания, очищенные от всяких интересов тех или иных социальных сил и потому полез-

ные для всего общества в целом. Эта трактовка идеологии несет на себе отпечаток веры философов-просветителей в способность разума преобразовывать общество на благо всех его членов. Таким образом, в своем первоначальном значении идеология выступала как социально полезная форма знания, превосходящая все другие.

Однако очень скоро данный термин приобрел противоположное, уничижительное значение. Идеология стала связываться с оторванной от реальной действительностью игрой мысли, с утопическим прожектерством. Во многом в этом был повинен Наполеон, бывший в течение ряда лет властителем дум европейской образованной публики. Он резко высмеял первых идеологов, назвав их непрактичными мечтателями и опасными авантюристами. В известном смысле Наполеона можно назвать предшественником сторонников концепции «конца идеологий», которые в 50–60-е гг. XX в. отстаивали прагматизм в политике, боролись с доктринерством. Идеология, таким образом, через несколько лет после своего рождения утратила репутацию позитивной концепции. Она приобрела значение частичного и искаженного знания о социуме, которое может быть исправлено только политическим реализмом.

Огромную роль в развенчании идеологии, как известно, сыграл К.Маркс. Общество, разделенное на классы, согласно Марксу, не может основываться на беспартийном знании, отвечающем интересам всего общества. Напротив, идеи базируются на антагонистической практике, которая делает общество ареной столкновения непримиримых интересов. Каждый класс имеет свой базовый интерес, который предлагает себя всему обществу как «общее дело». Идеологические течения поэтому являются всегда узко партийными; они отражают особые интересы и настроения враждебных социальных классов. Кроме того, идеи не только вырастают из антагонистической социальной практики, но также помогают воспроизводить ее. Идеология, по Марксу, подчинена интересам правящих групп; ее важнейшая функция заключается в отстаивании существующего способа производства с его отношениями господства и подчинения.

Маркс и Энгельс не называли созданное ими учение идеологией. Чаще они прибегали к терминам «мировоззрение», «миросозерцание». Понятие «идеология» использовалось основоположниками марксизма преимущественно для обозначения ложного со-

знания, извращенного отражения объективной действительности. Однако в XX в. сам марксизм был объявлен идеологией, хотя и идеологией иного типа, нежели буржуазная, а именно идеологией научной, отражающей интересы самого передового класса – пролетариата. Приоритет в изобретении термина «научная» идеология принадлежит Ленину, который обосновал его в одной из своих ранних работ «Что делать?». Он отмечал, что социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. Таким образом, ленинизм обосновал возвращение тезиса де Траси об идеологии как истинном знании, способном преобразовать мир. Реализуя на практике именно эту установку, коммунистические партии поставили идеологию во главу угла¹¹.

В XX в. отношение к идеологии в мире неоднократно менялось, интерес к ней то возникал, то вновь исчезал. Ее бытование в публичном пространстве условно принято разделять на четыре волны, каждая из которых может быть описана конкретной концепцией:

1) начало века – «**идеологизация**» (продолжение борьбы идеологий XIX в., приведшей к социальным революциям; коммунизму, возникновению нацизма и фашизма);

2) 40 – начало 70-х гг. – «**деидеологизация**» (крах нацизма и фашизма, профанация марксизма). Деидеологизацию провозгласили некоторые политические философы и социологи США и других стран: Д.Белл, С.Липсет, Р.Арон, Э.Шилз, А.Шлезингер и др. Ее смысл заключался в утверждении о том, что XX в. присущи «закат идеологии», а также «крушение идеологических систем». Этому в определенной степени способствовало нарастание позитивистских тенденций в общественном сознании, а также укрепление позитивистской методологии во всей западной науке. В общественной науке позитивизм отвергал единую теорию общественного развития, декларируя множественность истин.

Постепенное снижение интереса к теории идеологии на Западе, которое началось после выхода в свет в 1929 г. книги К.Мангейма «Идеология и утопия» и продолжалось до 70-х гг. XX в., привело к тому, что теория идеологии на Западе долгие годы не разрабатывалась. Разумеется, изучение этой проблемы на Западе не прекраща-

лось, поскольку развивались и складывались другие социальные дисциплины (например, социология массовой коммуникации), в рамках которых рассматривались те или иные стороны идеологического процесса;

3) 70–80-е гг. – **«реидеологизация»** (возвращение интереса к изучению теории идеологии). Такому повороту способствовал экономический кризис, усугубивший социальную напряженность, которая трансформировалась в столкновения на политической арене. Различные политические силы предлагали всевозможные альтернативы потерпевшей банкротство экономической и социальной политике. Предположение о наступлении эры конца идеологий не подтвердилось и тенденция к «деидеологизации» сменилась «реидеологизацией», т. е. сознательным курсом на возрождение идеологии в жизни западного общества. Проблема заключалась в том, что сосредоточенность на решении практических вопросов и успешном их решении обернулась для бизнеса основательной слабостью в его теоретическом и идеологическом обосновании. Во главе «реидеологизации» выступил неоконсерватизм, призвавший к преодолению духовного вакуума, созданию жизнеспособных и популярных концепций капитализма. Другими словами, была поставлена задача дать адекватное интеллектуальное обоснование хорошо работающему на практике, с точки зрения неоконсерваторов, общественному строю;

4) конец 80-х – начало 90-х гг. – **новая «деидеологизация» или постидеология**. Это ситуация, возникшая после попытки сплотить вокруг «реидеологизации» всех сторонников капитализма, но отнюдь не означавшая, что с «деидеологизацией» навсегда покончено. Однако ее интенции были значительно приглушены. Успехи неоконсервативной экономической политики, крах марксистского социализма в Восточной Европе и СССР содействовали «деидеологизации» в ее новом варианте – утверждению о глобальной победе западных либеральных ценностей. Эта точка зрения наиболее ярко выражена в книге Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории».

На этом фоне как на Западе, так и в России возникают новые общественные движения в таких количествах и с таким широким кругом политических вопросов, что это не приносит никакой пользы дезориентированному обществу. В объяснении и обосновании политических процессов наблюдается состояние теоретической

беспомощности, которая основана на эпистемиологическом вакууме, отсутствии теоретического фундамента для легитимации современного политического режима. В результате интеллектуалы не справляются со своими задачами, политики – со своими, граждане пребывают в растерянности. Постидеологическое состояние привело к тому, что в обществе не стало больше плодотворных идей и оснований для того, чтобы «жить сообща».

Таким образом, со времени появления соответствующего термина (Д. де Траси) в общественной науке имелись различные взгляды на такое явление как идеология. Приведем лишь некоторые из них. *К.Маркс*, как уже отмечалось, видел в ней прежде всего форму иллюзорного сознания, вызванную противоречиями производственных отношений. *К.Мангейм* также считал идеологию извращенным отражением социальной действительности, которое навязывает образ будущего, являющегося проявлением интереса определенного социального класса. Однако большее внимание ученый уделял ее функциональным характеристикам и, в частности, способности сплачивать людей, аккумулировать их политическую энергию. Американский теоретик *Л.Саджент* полагал, что идеология, вырабатывая определенные цели и ценности политического развития, в то же время огрубляет решение практических проблем. Его соотечественник *Ф.Уоткинс* считал, что идеология всегда противостоит статус-кво и является политическим фактором, сохраняющим значительный преобразующий потенциал. *Неомакиавеллисты* (*Р.Моска*, *Р.Михельс*, *В.Парето* и др.) гиперболизировали политическую идеологию, рассматривая даже формы эстетического и религиозного сознания как специфические формы ее проявления, порожденные нуждами легитимизации власти. Одна из современных интерпретаций идеологии, принадлежит *С.Жижек*у, для которого идеология не просто «ложное сознание», иллюзорная репрезентация действительности. Скорее сама действительность должна пониматься как идеологическая, поскольку ее существование предполагает незнание этой действительности со стороны ее субъектов, незнание, которое является сущностным для самой действительности¹². В то же время, несмотря на признание многими видными учеными весьма высокой роли идеологии в обществе, в политической мысли имеют место и представления, характеризующие ее как «служанку власти», не имеющую в политике сколь-нибудь серьезного веса.

Причиной подобного разброса мнений является широкая интерпретация этого термина. В таком неограниченном смысле идеология – это система идей, представлений, понятий, более или менее формализованных и выраженных в различных формах общественного сознания (в философии, политических взглядах, праве, морали, искусстве, религии). Однако идеология в таком общем виде и так, как ее изначально понимал де Траси, как правило, не функционирует в обществе. Она, с точки зрения присущих ей политических функций, стремится сплотить, интегрировать общество либо на основе интересов какой-нибудь определенной социальной (национальной, религиозной и др.) группы, либо для достижения целей, не опирающихся на конкретные слои населения (например, идеология анархизма). Ей присуща также функция интерпретации, ориентации и оправдания политического действия. В таком смысле идеология – это система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений. В идеологии осознаются и оцениваются отношения людей к властным структурам и друг к другу, а также формулируются цели и программы социально-политической и экономической деятельности человека, направленной на закрепление избранной социально-политической и экономической модели развития. Другими словами, речь идет об *идеологии* как об определенной доктрине, оправдывающей притязания той или иной группы лиц на власть и добывающейся в соответствии с этой целью подчинения общественного мнения собственным идеям.

Структурными элементами идеологии являются политические теории и идеи, социально-политические идеалы, ценности, политические программы, политические символы. Для идеологии характерна неразрывная связь с политической символикой, которая выражает принадлежность человека к определенному этническому и государственному сообществу, движению, организации. Специфика идеологии состоит в том, что она в отличие от науки включает в себя не только знание о социально-политической жизни, но и социально-политические ценности, ценностное отношение к историческим и политическим процессам, оценку моделей исторического развития, соотношения политических сил; выражает интересы государств, политических партий или социальных движений.

Идеология нацелена на то, чтобы овладеть общественным сознанием, внедрить в него собственные критерии и оценки прошлого, настоящего и будущего, создать в глазах общественного мнения позитивный образ проектируемого ею политического развития. При этом идеология делает упор не только на распространение своих целей и идеалов, но стремится добиться целенаправленных действий граждан для исполнения поставленных ею задач. Из определения идеологии следует, что в любом случае она является разновидностью корпоративного сознания, отражающем сугубо групповую точку зрения на ход политического и социального развития, и к тому же отличается склонностью к идейному экспансионизму.

Таким образом, идеология (политическая идеология) есть нечто большее, чем ложная теория, а именно – учение, вызывающее к жизни определенную политическую практику. Она является не переменным фактом общественного сознания независимо от того, признается это или нет (периоды так называемой деидеологизации), и даже несмотря на запрет идеологии (Конституция РФ). Будучи призванной в конечном счете обеспечивать легитимацию политической власти, она не может бесследно исчезнуть с политической арены, во всяком случае в обозримом будущем. Серьезные западные исследователи утверждают, что тезис о «конце идеологии» совершенно неправомерен не только по отношению к нашему времени, но и к отдаленному будущему. Более того, потребность в идеологиях сегодня велика как никогда.

Поэтому не случайно, лейтмотивом работ таких исследователей информационного общества, как З.Бжезинский, Б.Бриггс, Э.Винер, Г.Кан, является осознание необходимости его идеологического обоснования. Судьба современного западного общества ставится ими в зависимость от создания новой эффективной идеологической доктрины, способной обеспечить его духовное единство, сплоченность и стать мотивирующей и объединяющей силой, формирующей общественное самосознание, направляющей поведение человека. Иными словами, «идеология предстает как целостная организованность явных или неявных, но всегда несомненных, то есть самопонятных установок, ценностей, стереотипов, норм, идей, через которые субъект интерпретирует все сферы жизни и коммуникации, а также свои действия в этих сферах»¹³.

Потребность в идеологии, как отмечал еще в 1990-е годы немецкий (в то время западногерманский) ученый У.Матц, особенно ощущается в периоды кризисов, так как, являясь по своей сути суррогатом веры, она выполняет роль костыля при пошатнувшихся политических устоях. Рассмотрение феномена идеологии применительно к ситуации кризиса и в связи с кризисом проливает свет на важные стороны этого феномена, на которые раньше не обращалось должного внимания со стороны ученых. Поиски идеологии, кореллирующей с новейшим «кризисом смысла», приводят к довольно банальному результату – мы имеем дело не с той или иной идеологией, а сталкиваемся с фактом, что эпоха кризисного сознания совпадает с «веком идеологии», следовательно, с теми разновидностями политического мировоззрения Нового времени, которые привычно характеризовались в общем как идеологии, и о конце которых говорили¹⁴. Продолжающаяся ситуация кризиса сохраняет и актуальное значение идеологии.

Для того чтобы глубже это осознать, необходимо абстрагироваться от конкретного содержания тех или иных идеологий и попытаться реконструировать их основное ядро. Одновременно следует выявить объективные условия современного «кризиса сознания». Только тогда и будут созданы предпосылки для ответа на вопрос, продолжается ли еще и в какой степени «век идеологии», каковы обстоятельства, приводящие к кризису смысла. Если эту работу за неимением места оставить пока «за кадром» и лишь воспроизвести полученные выводы, тогда ситуация может выглядеть следующим образом. Идеологии представляют собой различные версии правильного, рационального устройства мира. Они предполагают конструирование нового, совершенного общества на основе неких абстрактных идей, которые в дальнейшем могут обосновываться при помощи логических операций. Если даже они и ставят цели интерпретации действительности, то главной их функцией остается все же прагматическая ориентация в определенном заданном направлении.

Основное видовое отличие всякой неорганичной идеологии – ее принципиальная революционность. Несогласие идеологии с существующим миром, как правило, – тотальное несогласие. Она видит зло, не замечает и не хочет замечать хорошей стороны. Ее видение мира осуществляется по схеме: или-или, поэтому идео-

логия стремится не к изменению общественных отношений, а к замене плохих отношений хорошими в ее понимании. Она сжигает мосты между идеалом и действительностью прежде, чем они построены. Иными словами, идеология дает одностороннюю картину социальной действительности.

В современной социальной и политической философии представлены различные концепции генезиса идеологии: социально-классовые, психоаналитические, объективно-рационалистические, этатистские, экзистенциалистские, структуралистские, постструктуралистские, постмодернистские. Каждая из них, как правило, выдвигает свой критерий, на основании которого разрабатывается та или иная идеология. Но какие бы критерии не выдвигались – это всегда односторонний взгляд на социальную действительность. Имеющиеся в обществе тенденции и структуры односторонне вычлняются и абсолютизируются, возводятся в ранг общезначимой теории. А эксплуатация научного арсенала сообщает результатам идеологической рефлексии видимость строгой логической последовательности и тем самым теоретичности. Здесь, кстати, пролегает водораздел между наукой и идеологией. Если наука невозможность дать полную и целостную картину действительности осознает как свою главную проблему и признает, что ее теории ограничивают действительность и лишь частично отражают, то идеология равнодушна к этой проблеме. Более того, она сознательно акцентирует односторонность и в этом смысле близка к утопии с ее запрограммированной односторонностью как в отношении настоящего, так и в отношении будущего. Такая односторонность может мотивироваться различным образом, но в итоге идеология упрощает действительность и создает иллюзию жизни.

Идеологии могут иметь явный и скрытый план. Явный план представлен открыто провозглашаемыми лозунгами, принципами, документами и т. д. Они, как правило, очень завлекательны, многообещающи и эфемерны. Разные идеологии – разные формы прельщения и разные формы паразитирования на прекрасных мечтах и идеалах. Скрытый план содержит истинные мотивы и цели идеологического сообщения явного плана, связанного с частными интересами определенных групп. Благодаря наличию этих двух планов идеологии оказываются очень сильным, опасным и ковар-

ным оружием. Огромные масштабы духовной агрессии влекут за собой тяжелые экономические, практические последствия, которые стоят дороже, чем вооруженное нашествие различных врагов.

Для современных идеологов главной проблемой является неприятие человеком действительности, его сомнения, проистекающие из неуверенности и одиночества, беспомощности перед мощными силами, стоящими на нем – капиталом и рынком. Все эти сомнения – сомнения рационального плана, имеющие отношение к вещному, материальному миру, поэтому они могут находить какое-то свое рациональное решение. Каждая новая идеология и является определенным ответом на эти сомнения: проповедью ли стремления к успеху, неудержимого развития естественных наук, подчинению какой-либо партии, берущей на себя ответственность за все проблемы человеческого бытия. Но остаются еще иррациональные сомнения, поскольку душа человека, его психика не получили удовлетворительного ответа на вопрос о том, имеет ли его положение в мире какой-то смысл и значение. Усилия современных идеологов и сводятся к тому, чтобы заглушить эти иррациональные сомнения посредством потребительского рая, алкоголя и наркотиков, массовой культуры, развлекательных шоу, эротики.

Несмотря на многообразие идеологий, их разные социальные ориентации, выдвигание на первое место в разных идеологиях разных компонентов, все же можно выделить их некоторые архетипические черты:

- идеология есть, по сути, рациональный проект, который может быть концептуально и всесторонне разработанным;

- идеология в функциональном плане – это эрзац-религия, ибо несмотря на свое секуляризированное содержание, выполняет ее функцию после образовавшегося вакуума из-за ухода религии из жизни общества. Она ориентирует человеческую деятельность на основании того, во что призывает верить;

- идеология являет собой, как правило, решительный, революционный отказ от прежней жизни, т. е. тяжелый, травматический разрыв с действительностью;

- свою опору идеология имеет в абстрактных принципах, как правило, неорганичных и внешних по отношению к обществу, которым придается значение единственной и главной ценности, подавляющей все остальные;

– идеологии присущ максимализм в любой форме – не только в теоретической, но и в практической, а значит, она не только не исключает насилие, но иногда и просто предполагают его (примеров здесь достаточно);

– в идеологии самоценность приобретает будущее и обесценивается настоящее, поэтому наблюдается резкое расхождение идеала с действительностью;

– идеология создает большой мобилизационный материал, развертывая имеющиеся антагонизмы до огромных масштабов, до эпохальных движений.

Наличие таких архетипических черт наглядно показывает, почему многие западные мыслители и некоторые отечественные философы стремятся так решительно отмежеваться от идеологии. Для Ясперса, например, квалификация мышления как идеологии означает выявление заблуждения и разоблачение зла. Маркс, как уже отмечалось, разрабатывая социалистическую идеологию, не называл ее идеологией.

Важно отметить, что идеология в своей начальной стадии, как правило, выполняет роль тарана – разрушителя прежних духовных оснований общества. В дальнейшем на первый план выдвигается интегративная функция – укрепление и объединение нового образования, защита существующего порядка. Но продолжительное существование идеологии невозможно без того, чтобы в ней не прорастали, порой вопреки ей, ростки прежних духовных образований, того идейного комплекса, на котором в веках стояло то или иное государство. Под давлением обстоятельств идеология частично втягивает в себя естественные многовековые идеалы и ценности народа, которые постепенно оттесняют чужеродный элемент, доминировавший в период ее наступления.

Если обратиться к коммунистической идеологии, то она со всеми присущими ей вышеперечисленными архетипическими чертами многое сделала для того, чтобы разрушить традиционные ценности и даже архаичные идеи и смыслы. Негативные последствия этого воздействия ощущаются до сих пор и еще долго будут давать о себе знать. Однако в глубинах народной жизни эта идеология распространялась лишь на уровне внешних символов, лозунгов, которые в сознании масс наполнялись содержанием, питаемом из глубинных национальных источников. Перепись 1937 г.

показала, что 70 % людей назвали себя православными и это в обстановке ожесточенной атеистической пропаганды. Армия, образование, медицина и другие институты все минувшие советские десятилетия черпали свои силы также и в русском национальном этосе. Коммунистическая идеология вынуждена была все больше и больше впитывать в себя смысловые оттенки подавляемых культурно-религиозных традиций (достаточно вспомнить моральный кодекс строителя коммунизма). Особенно заметно это происходило в критические моменты истории, например, – Великая Отечественная Война.

Таким образом, в коммунистической идеологии в неявном виде и вопреки ей утверждалась ее противоположность – традиционная духовная парадигма, которая все больше и больше в ней прорастала. Они до поры существовали вместе, внося свой вклад в хорошо известное двоедушие и двоемыслие. Однако в тот исторический момент (перестройка), когда большинство населения отвернулось от коммунистической идеологии, каждое из этих начал устремилось к своему пределу. Одно – воплощенное во взглядах радикальных демократов, в которых активировались вышеуказанные архетипы идеологии, нашло свою новую форму – неолиберализм. Это начало проявляло себя яростно, поспешно и осознанно в своем стремлении в очередной раз радикально и травматически изменить существующий строй. Другое начало олицетворяли силы (христианские демократы, монархисты и т. д.), для которых нравственность, духовность, традиционные ценности составляют основу всей жизни, включая экономику.

Коммунистическая идеология была представлена в 1990-е годы в обществе как абсолютное зло. Обе силы в едином порыве обрушили коммунистическую идеологию, каждая в надежде, что из победного пункта пойдет своим путем, одна – к насаждению идеологии в еще более коварной современной форме (либерализм) – что и удалось, другая – в направлении утверждения национальных, традиционных идеалов, что не удалось. В результате всех известных событий выяснилось, что коммунистическая идеология в той ее завершающей стадии не была абсолютным злом, как это представляли гражданам сторонники новой идеологии. Худшее было впереди.

Сегодня в обществе, как показывают социальные опросы, наблюдается ностальгия по советским временам и соответственно по некоторым принципам коммунистической идеологии (особенно в части социальной справедливости). Самое простое, лежащее на поверхности объяснение этому – обманутые ожидания масс, реальное ухудшение жизненных условий большинства населения и т. д. Но есть и иные, глубинные причины: резкий отказ от коммунистической идеологии в условиях безрелигиозного общества означал также отказ и от идеалов, пусть искаженных и профанированных; означал духовную, нравственную и экономическую катастрофу, уход от коллективности, объединяющего элемента, хотя бы и на узкой «пролетарской» основе.

Упрощенно подойдя к сложному понятию идеологии, новые власти в России конституционно провозгласили отказ от всякой идеологии. Вместе с коммунистической идеологией, вынужденно впитавшей в себя и традиционную духовность, массы и правящие круги утратили, ничего не получив взамен, основные мировоззренческие представления, а также основополагающие моральные и духовные ценности. В результате граждане страны оказались участниками небывалого эксперимента, которое человечество за тысячелетия своего существования еще никогда не ставило в таком масштабе – жизнь без моральных ценностей и духовных ориентиров. Однако остается вопрос: как могут граждане воспринимать мир, не имея никакого жизненного эталона перед собой, не имея никакого нравственного и государственного идеала?

Способы современного существования идеологии в России

Несмотря на провозглашенный в свое время тезис «деидеологизации», идеология в современном мире существует. Жизнь идеологии поддерживается и постоянно возникающей критикой бездумного прагматизма «политики дня» и отчетливым стремлением правящей элиты навязывать обществу свои убеждения. Конечно, идеология уже не встречается в своем классическом чистом виде. Она изменила форму своего существования настолько, что продолжая активно функционировать, может даже представляться несуществующей. Россия в этом плане не является исклю-

чением. Вопреки мнимой деидеологизации, идеология в России существует, хотя и в неявном, замаскированном виде, и не как целостная концепция.

Эта идеология – неолиберализм. На Западе он существует в качестве доминирующей идеологии. Его формы, принципы, философские предпосылки, а также историческая база в корне отличны от российского либерализма кон. XIX – нач. XX вв., который, несмотря на свои связи с западноевропейским либерализмом, представлял собой самостоятельную политическую парадигму. Эволюция либерально-политической мысли в России от Б.Чичерина к П.Новгородцеву и Б.Кистяковскому внесла новое понимание в содержание исходных принципов либерализма. Российскому либерализму было присуще, во-первых, обоснование определяющей роли государства в жизни общества, ибо отстранение государства от решения экономических и социально-политических проблем неизбежно вело к разрушению самой страны. Во-вторых, постулирование необходимости активной социальной политики и возможности достойного человеческого существования.

Упрощенное и искаженное представление об отечественном либерализме привело к его подмене западным либерализмом, который, несмотря на неоднозначность его трактовок, имеет некоторые устойчивые принципы, позволяющие говорить о нем как о целостном социально-политическом учении, идеологии. Эта идеология основана на догме об «автономном индивидууме» (т. е. на последовательном индивидуализме), «прикладной рациональности», вере в технологический прогресс, на концепции «открытого общества», на возведении принципа «рынка» и «свободного обмена» не только в экономический, но и в идеологический, социальный и философский абсолют.

Либеральная идеология является «правой» в узко экономическом смысле, и «левой» – в смысле гуманитарной риторики. Причем все иные сочетания правого с левым, или просто правое и левое сами по себе либерализм отвергает, демантирует, маргинализирует, выносит за рамки официоза.

В XX в. тенденции к унификации государств, воплощающих принципы «свободы и равенства» граждан, способствовали переориентации политической программы неолибералов на плюралистические формы организации и осуществления государственной

власти (в отличие от прежней склонности механически определять демократичность политической жизни по большинству). Р.Даль, Ч.Линдблум и другие неоплюралисты, придерживающиеся либеральной ориентации, считают, что чем слабее правление большинства, тем более оно соответствует принципам либерализма.

Либерализм тоталитарен по-особому: он не брутален, не открыт, но завуалирован, призрачен, невидим, однако от этого не менее жесток. Вместо прямых физических репрессий против инакомыслящих, он прибегает к тактике мягкого удушения, постепенного сдвига на окраину общества, экономического удушения диссидентов, оппонентов и т. д. Доминирующая либеральная идеология активно борется с альтернативными политико-идеологическими проектами, используя при этом для достижения своих целей методы более тонкие, «мягкие», более отточенные, чем иные формы тоталитаризма, и тем самым более эффективные. По опросам, либеральную идею в начале 90-х гг. XX в. разделяло 40% россиян. Сегодня таких лишь 7–8 %. И тем не менее, как отметил современный писатель Захар Прилепин, мы живем в мире победившего либерализма. Он считает странным, что совсем не либеральная страна с утра до вечера смотрит на либералов, слушает либералов и читает либералов.

Западная доминирующая идеология постепенно все яснее и отчетливее обозначалась в российском обществе. Наивность ранней перестройки и мечты о «плюрализме» и «демократии» постепенно улетучились даже у самых ярких реформаторов. Реальность либерализма и идеологии либерализма стала настолько очевидной, что общество пришло к большей определенности. С одной стороны, сформировалась группа людей – «новозападники», строго соблюдающие интересы Запада, а потому с необходимостью разделяющие все идеологические предпосылки западного либерализма (а не какой-то туманной «демократии», под которой каждый понимал что-то смутное и неопределенное), с другой – их противники, которых объединяет неприятие этой идеологии¹⁵.

Одним из способов современного существования либеральной идеологии является *дисперсия*, т. е. рассеяние на отдельные составляющие – идеологические конструкты (идеологемы), которые представляют собой рафинированные систематизированные разработки. Их утонченная системность в совокупности

с научной терминологией оказывает мощное суггестивное воздействие на сознание. В качестве таковых можно назвать следующие идеологемы.

«Общечеловеческие ценности» – еще недавно бывшие в большом ходу. Связанные с политическим контекстом, они приобретали идеологическое значение, ибо с их помощью давалось идеологическое обоснование новой стратегии во внутренней и внешней политике, хотя при этом декларировался отказ не только от прежней идеологии, но и от идеологии вообще. В данной идеологеме присутствуют два явных несоответствия реальности: во-первых, ценности во всякой культуре являются своеобразными, особенными и по-своему специфичными. А во-вторых, западная цивилизация с воцарением Капитала, по большому счету уже не ведает, что такое ценности в принципе, понимая под ними скорее лишь «стоимости», «цены», не более того.

«Общечеловеческие ценности» – конечно, не идеология, а только идеологема, поскольку в зародыше содержит намек на идеологию. Какой может быть эта идеология? Из основных, опорных моментов этой идеологемы – ее «общечеловечности» следует, что это должна быть глобалистская идеология. *«Общечеловеческие ценности»* при всем их формально постулируемом гуманизме слишком далеки от жизни, слишком абстрактны и бескровны. В реальной жизни, реальной политике наблюдается ориентация не на общечеловеческие ценности, а на реальные интересы, имеющие конкретных носителей.

«Приверженность демократии». По самой своей природе демократия – не самодостаточная ценность, ибо демократический идеал должен быть непременно вписан в контекст реальной жизни, причем в двояком смысле. Во-первых, он должен учитывать, что различные сферы общества могут быть демократизированы только в соответствии с внутренней логикой, ценностями и целями; во-вторых, он должен быть конкретизирован исторически. Суждение о том, является ли система демократической или нет, зависит не только и не столько от всякого рода процедур, сколько от реальных результатов.

«Плюрализм» – корреспондируется с п.2. 13 ст. Конституции РФ. В конкретном анализе современных политических структур как на Западе, так и в России, можно увидеть, что лозунг плюрализма

представляет собой маскировку структур господства. Плюралисты никогда не склонны упоминать почти монополистический контроль над идеями и информацией, ставшим обыденным явлением в деятельности средств массовой информации. Принцип плюрализма, предполагающий множество подходов, ориентаций, беспорядочный, иррациональный поток идей, непосредственно служит отрицанию возможности какого-либо мировоззрения, миропонимания, познания Истины. Низведя Истину до уровня одного из возможных мнений, он дает бескрайние возможности выбора позиций при отсутствии какой-либо шкалы ценностей. Благодаря плюрализму восприятие социальной картины распадается на множество разнообразных осколков – мнений, носители которых находятся в постоянной конфронтации между собой, в бесплодных усилиях расходуя энергию на множество не связанных между собой направлений. Результат этого может быть только один – всеобщий разброд и путаница в мыслях, а на практике – распад общества, размывание основ стабильности государства, искажение социальных ориентаций индивида, формирование самой худшей разновидности приспособленчества. Объективно «плюрализм» направлен против культуры, ибо всякая культура переживает мир как единое целое, а также против человеческой потребности в Абсолюте.

«Свобода» – в качестве ценности в современных условиях трансформировалась и приобрела статус одной из важнейших идеологем. Ее суть – в отождествлении свободы человека с его политическими правами, когда этическое подменяется юридическим, нравственность – формальным правом. Это ложное понимание свободы стало главенствующим, можно даже сказать, единственным ее пониманием. Отсюда вытекает один существенный вывод: внешняя свобода не может рассматриваться как безусловная и самодостаточная ценность. Внешние свободы не могут быть самоцелью, они должны быть всегда ограниченными, чтобы быть действительно полезными. Все условия социального существования человека, включая в первую очередь свободу, никогда не могут рассматриваться в качестве самоцели – они только средство, а не цель.

Искажение, извращение великой ценности – свободы, подмена идеи духовной свободы идеей свободы страстей является поистине знаменем нашего времени. Более того, можно с уверенностью утверждать, что причина всех тех нестроений, которые существу-

ют сейчас в социальной действительности каждого государства, каждого общества и в мире в целом, состоит именно в этом искажении и подмене. Торжество идеи лжесвободы в современном мире – самое печальное, с чем пришло человечество к началу третьего тысячелетия¹⁶.

Если посмотреть, на что направлена сейчас свобода, то это свобода экономической вседозволенности, правового нигилизма, резкого скачка коррупции, низменных страстей. При этом снимаются даже юридические ограничения с того, что раньше считалось преступлением, – свобода разврата, свобода извращений. В очень большой степени проблема ложной трактовки свободы касается сферы информации и, в частности, прессы.

Открыто провозглашая свободу страстей, свободу вседозволенности и решительно отвергая идею духовной свободы, эта цивилизация неумолимо ведет человечество к абсолютному рабству, все очевиднее подталкивает современные народы к последней черте – к небытию. Потому что в конечном счете все современные кризисы, в том числе и экологические, своим источником имеют именно абсолютизированную внешнюю свободу с ее полным пренебрежением нравственными законами и нравственными принципами. Кстати, внешняя свобода легко продается за самый элементарный комфорт. Все больше людей охотно отдают свою свободу в обмен на удобную и спокойную жизнь, когда не нужно принимать какие-либо решения, когда меньше ответственности»¹⁷.

Господствующий в современном мире принцип «свобода ради свободы», т. е. приоритет свободы над всеми другими ценностями человеческой личности оказывается своего рода наркотиком, который губителен для людей и государства. Как пишет В.И.Мурашов, «каждому гражданину обеспечивается право на кривые и лукавые политические пути, на нелояльные или предательские замыслы, на продажу своего голоса, на гнусные мотивы голосования, на подпольные заговоры, на незаметную измену, на тайное “двойное подданство” – на все те низости, которые бывают людям столь выгодны и столь часто их соблазняют... Понятно, что все это сразу обезоруживает государство перед лицом его врагов и разлагателей и в то же время обеспечивает этим врагам и разлагателям полную свободу и безнаказанность... Итак, формальная свобода включает в себя свободу тайного предательства и явного погубления»¹⁸.

Еще один способ существования идеологии – она может проявлять себя как *дух господствующих в обществе групп*. Дух в данном контексте понимается как некоторая установка или принцип, выступающий в качестве первоосновы, невидимого присутствия во всем (он, конечно, не имеет ничего общего с христианским представлением о духе). Если говорить конкретнее, то это дух наживы, эгоизма, потребительства, крайнего индивидуализма и т. д., который пронизывает всю систему воспитания, образования, общественного мнения, прессу, рекламу. В таком виде идеология даже более эффективна, нежели она выступила бы в виде изощенной концепции, уязвимость которой легко доказать логическим путем.

Одна из уловок либеральной идеологии – быть не просто максимально незаметной, одновременно присутствуя везде, но также смещать акценты, *подменять понятия*, отвлекая внимание от действительного объекта воздействия. Подмена понятия означает, что какой-либо объект выдается за таковой, каким он заведомо не является; либо дается заведомо неверное толкование понятия с целью ввести в заблуждение заинтересованную сторону. Этот прием относится к разряду наиболее используемых средств манипуляции сознанием. Отличительной особенностью данного приема является то, что подменяется не информационная составляющая предмета (смысл, значение предмета), а сам предмет. К примеру, весной 2004 года в Санкт-Петербурге отмечался день памяти знаменитого произведения И.Тургенева «Муму». В СМИ было объявлено, что этот праздник станет ежегодным и впредь будет отмечаться как «день покаяния перед братьями нашими меньшими». Таким образом, была извращена вся сущность повести. Здесь – типичная подмена понятий, призванная отвлечь внимание от социальных проблем того мира, в котором жил сам Тургенев. Как отмечает С.Карамурза, уже Ле Бон заметил, что эффективнее всего в манипуляции сознанием действуют слова, которые не имеют определенного смысла, которые можно трактовать и так, и эдак. Особенно это относится к искаженному понятию свободы, которое уже два с лишним десятилетия нагнетается в массовое сознание¹⁹.

Подмена понятий сегодня стала тайным оружием разрушения «русской цивилизации» и ее духовно-нравственных основ. Разрушители стали называться «реформаторами», мошенники «бизнесменами». Продажу природных ресурсов гордо называют «эконо-

микой», а сокрытие доходов от такой деятельности и их вывод за границу – загадочным словом «оффшор» и т. д. Подмена понятий мгновенно распространилась и на бытовом уровне. Так можно встретить утверждения, что борьба с бандитизмом, грабежом олигархов и взятками – это диктатура, и наоборот, развал власти и безответственность – это демократия.

Глубинные детерминанты единства государства или «зачем нужно жить сообща?»

Важнейшей недооцененной особенностью сформировавшейся в 90-е годы XX в. новой российской реальности является принятие принципа идеологического многообразия, закреплённого в ст. 13 Основного Закона страны: «1) в РФ признаётся идеологическое многообразие; 2) никакая идеология не может признаваться в качестве государственной или обязательной».

С одной стороны, это отражает современную ситуацию в мире: уходящий мир модерна (Нового времени) оставил общество распадающимся на множество новых коллективных форм без традиционной принадлежности к классу, этнической общности, религии или политической идеологии. С другой – общемировую тенденцию либерализма, в основе которого лежит индивидуализм, признающий право любого человека самому принимать или опровергать ту или иную идеологическую платформу. Однако возникают вопросы: *насколько данный императив соответствует реальным законам функционирования государства как единого организма, и насколько он отвечает целям и интересам всего российского общества? Возможно ли при таком подходе обеспечить консолидацию, единство государства и общества и их успешное развитие?*

Сохраняющаяся угроза распада России порождает время от времени возрождающийся интерес к вопросу о такой идеологии, которая способна объединить людей, т. е. дать ответ на вопрос «как жить сообща?». Между тем любая попытка научно или философски осмыслить единство, найти общезначимое понимание, как правило, оборачивается не согласием, а разномыслием, еще одним шагом дробления предметной области. После разрушения СССР в России так и не возникло новой, постсоветской идентич-

ности, поэтому общество раскалывается по этнокультурному, словесному, региональному и даже религиозному признакам. В то же время геополитическая и социальная реальность сегодня таковы, что соби́рание, воссоединение людей в единую нацию – это ключевое условие выживания и сохранения России. Продолжение разделения чревато окончательным уничтожением страны, цивилизации и культуры.

Обращаясь к философским истокам исследования целостности и единства государства, можно отметить, что еще древнегреческие ученые Платон и Аристотель считали, что государственная целостность и единство препятствуют дезорганизации и анархии. Идею единства государства, концепции типов его целостности развивали и отечественные философы: И.А.Ильин, В.С.Соловьев, А.С.Хомяков и другие. Они считали, что приоритет целостности государства выполняет функцию его сохранения и защиты, а нарушение генетических начал государственного строительства, в том числе «традиций», «среды», может привести к разрушению государства.

Сегодня много говорят об инновации, модернизации, но мало акцентируют внимание на том, что в качестве неперменной предпосылки они предполагают единство общества и государства. А единство в свою очередь подразумевает систему взглядов, которая рационально его обосновывает. Однако в российском обществе с размытыми духовными ориентирами утрачивается доверие к рациональной научной мысли. Многообразие научных теорий и концепций осознается обществом как недостоверность и мифологичность. В результате, любой социально-философской концепции, обосновывающей единство общества, всегда можно при желании предъявить контраргументы.

Представляется, что в такой ситуации следует начать с аргументов, казалось бы, далеких от обсуждаемой темы, но обладающих большой силой наглядности и убедительности. Вспомним, например, что применительно к нашей общественной жизни часто встречается метафора «раковая опухоль», когда речь идет о каких-то гипертрофированных негативных социальных явлениях. В частности, можно встретить такое утверждение: жажда быстрого обогащения, словно чудовищная опухоль, поражает наше общество. Раковой опухолью нередко называют и всё разрастающуюся

ся армию чиновников. Как и всякая метафора, несмотря на свою многозначность, она фиксирует сходство соотносимых явлений, обнаруживает то, что мы не всегда или недостаточно ясно осознаем. Взятая вне научного дискурса эта метафора воспринимается как эмоциональная, поверхностная, констатирующая и ничего не объясняющая реакция на какое-либо негативное явление. Ситуация может радикально измениться, если ее поместить в научный контекст, тогда она, не будучи понятием, тем не менее может раскрыть многие неявные черты предмета исследования.

Возникает закономерный вопрос: в рамках какой теории общества можно применить эту метафору? Поскольку ее социальный подтекст базируется на биологической (органической) основе, то было бы логично предположить – в рамках органической теории общества, незаслуженно оттесненной на задний план. Органическая теория анализирует то, что происходит в фундаменте любого общества, на его, так сказать, клеточном уровне. В XIX в. наибольшую известность приобрели биосоциальные теории Г.Спенсера, А.Шеффле, Р.Вормса, в которых проводились прямые аналогии между обществом и организмом. В XX веке схожие идеи развивали О.Шпенглер, А.Тойнби, О.Бальзак, Н.Винер и т. д. В России – Н.Я.Данилевский, В.О.Ключевский, А.Зиновьев и др. Кроме того, существовали и иные направления органицизма, например, социально-психологическое, согласно которому целостность общества определяется его аксиоматикой, его системой ценностей, что называют коллективным сознанием, несводимом к сознанию отдельных индивидов. Важно также отметить, что в связи с обострением глобальных проблем и достижениями в сфере биологии многие исследователи отмечают поворот к натурализму как способу понимания важнейших проблем современности.

Из этого следует, что в ситуациях исторической неопределенности методологически правильно обращаться к основополагающим аксиомам теоретического исследования общества безотносительно к его многочисленным типам и характеристикам, которые изучаются в рамках различных теорий общества – марксистской, теорий индустриального общества, массового общества, постиндустриального общества, информационного общества, социологических теорий общества, общества риска, критической теории общества и т. д.

В качестве методологического принципа органицизм сыграл положительную роль при переходе от механицистских моделей общества как совокупности отдельных, изолированных индивидов («робинзонад») к более сложным моделям, в которых общество и другие социальные образования рассматриваются как определенное целое. В этом отношении органицизм может рассматриваться в качестве предшественника современных системных подходов в социологии. В современной социологии органицизм имеет более сложные формы и отражает сближение биологии с общественными науками, которое выражается, в частности, в становлении и развитии самостоятельной научной дисциплины – социобиологии²⁰. Последняя, наряду с биоэтикой и биополитикой, свидетельствует об интересе исследователей к биологической науке и ее влиянию на гуманитарные дисциплины.

Согласно органической теории, человеческое общество сравнительно высокого уровня развития есть организованный с помощью разума социальный организм или сложившаяся по законам органичности организация. Остов социального организма образуют долгосуществующие клетки. Между членами клеток устанавливаются различного рода социальные отношения, являющиеся основой социального структурирования и социальной организации населения. С этой точки зрения, клеточная структура общества образует его социальный строй. Он пронизывает все сферы общества, поскольку все они имеют клеточную структуру и потому обладают какими-то общими признаками. Неслучайно, и консерватизм, и солидаризм исходят из органической модели бытия как такового, ибо «государство – это не бездушная машина, а организм, в котором каждый орган исполняет свою функцию, и отсечение какого-либо органа не может пройти безболезненно для всего организма»²¹.

Если вернуться к предложенной метафоре и взять ее пока в чисто биологическом аспекте, то следует отметить, что, согласно данным современной биологии, нынешняя клетка является результатом эволюции первичной клетки, которая гораздо больше походила на бактерию, чем на клетки, существующие сегодня. В течение длительного времени эта прародительская клетка подвергалась колоссальному воздействию окружающей среды, вынуждавшей ее постоянно меняться, чтобы получить наилучшие

шансы на выживание. Приблизительно 600 миллионов лет назад в эволюции клетки произошло важное событие, которое имело большие последствия для развития жизни на Земле. Клетки начали *сосуществовать* ради образования первых организмов, содержащих множество клеток, т. е. речь шла, если можно так сказать, о радикальном изменении в самой «ментальности» клетки, поскольку такое сосуществование означало, что *выживание организма главенствует над выживанием отдельных клеток*. Настолько, что постоянный поиск возможностей для выживания одних клеток не мог более производиться в ущерб другим клеткам организма. Другими словами, из «индивидуалистов» клетки постепенно превратились в «альтруистов», способных жертвовать своими интересами ради других.

Эта эволюция была сохранена в памяти, поскольку она обеспечивала значительные преимущества, важнейшее из которых заключалось в том, что различные клетки могут распределять задачи между собой так, чтобы лучше взаимодействовать с окружающей средой. Такая способность к адаптации и является основой эволюции. В случае же многоклеточных организмов адаптация должна быть абсолютно полезна всему клеточному ансамблю организма. У человека специализация клеток достигла верха сложности. Если надежное функционирование такого сложного организма, как человеческий, требует полного подавления у клеток прародительских инстинктов выживания, а также объединения всех их ресурсов, то легко можно представить, что поддержание их функций является феноменом неустойчивым и постоянно подверженным попыткам «мятежа» со стороны клеток, которые хотят вернуть себе свободу действий.

Раковая опухоль появляется тогда, когда под воздействием неблагоприятных обстоятельств (канцерогенные вещества, вирусы или избыток свободных радикалов), клетка отказывается играть предназначенную ей роль и не соглашается более кооперироваться с другими, чтобы предоставлять свои ресурсы на благо всем остальным клеткам организма. Эта клетка становится существом вне закона, которое изолируется от себе подобных, не отвечает более приказам, передаваемым сообществом, в котором она находится, а имеет только одну цель – обеспечить свое собственное выживание и выживание своих потомков. Тогда может случиться

всякое с организмом, вплоть до его смерти, ибо мятежная клетка вернула себе прародительские инстинкты выживания, в основе которых эгоизм и индивидуализм.

Перейдя от биологических аспектов данной метафоры к социальным и сознавая всю условность и относительность аналогии между биологическими и социальными процессами, все же нельзя не заметить некоторую схожесть признаков: всё то, что характеризует биологическую раковую опухоль, во многом относится и к общественному организму. Такая аналогия не лишена определенных оснований, ибо все сообщество людей, как подчеркивает известный политолог А.И.Некlessа, «представляет удивительный организм, свободный в прочерчивании исторической траектории в соответствии со своими устремлениями, мировоззрением, миропониманием. В подобной констатации кроется множество проблем: дилемма конструктивного, солидарного поведения и деструктивного атомизированного, дилемма тотального контроля над личностью и ее свободного, в том числе анархичного или глубоко эгоистического поведения»²². Внутренняя свобода личности, её извечное стремление к освобождению от природной необходимости, от самого мира с его законами, правилами, предписаниями, побуждает человека всячески нарушать целостность общественного организма и в малом, и в большом, не останавливаясь даже тогда, когда это грозит ему страданиями или даже гибелью. Такое случается чаще всего, когда он заимствует чужие ценности вместе с понятиями из другого языка, другого образа мира, при этом его собственный образ утрачивает свою ясность, а с помощью привнесенных ценностей им неизбежно пытаются управлять те, кто их прислал извне.

Если вновь вернуться к метафоре «раковая опухоль», возникает вопрос: каким образом в обществе образуется раковая опухоль и что является канцерогеном для него? В современной цивилизации господствует транснациональный капитал, существующий ради прибыли. Для бесконечного ее роста нужен потребитель, который может (должен) потреблять безмерно и бесконечно. Такому порядку вещей препятствует прежде всего Культура, с ее нормами и ценностями, этическими правилами. Человек оформлен в культуре, имеет свои культурные ограничения. По сути своей, он и создан самоограничением; есть самоограничение – можно вести речь о

человеке, его свободе и ответственности, можно вести речь о Народе; а нет самоограничения – перед нами лишь потребитель; масса, нечто аморфное, раскодированное (лишенное культурных кодов). Капитал и производит тотальное разделение людей. Он, как пишут многие авторы (Делёз, например), есть уже единственный ныне фактор, подавляющий и традицию, и культуру – фундаментальные основы любого общества, его иммунную систему. В результате этот процесс разделения доходит до того, что человеческий индивид обращается в шизотипическую личность, разделенную в себе, в совокупность собственных социальных масок. Все люди – индивиды, но по сути своей, очень однообразные, стандартизированные массы.

Другой аспект деструктивной деятельности капитала состоит в том, что для постоянного прироста капитала требуется дешевая рабочая сила. Поэтому капиталу становится крайне выгодно наличие множества «гастарбайтеров» – представителей других культур и народов в качестве дешевой рабочей силы, что неизбежно так или иначе подтачивает изнутри и без того уже шаткую политическую и культурную систему страны как единого организма. С этим связаны и навязываемые капиталом «толерантность», «политкорректность» и т. д., разлагающие социокультурную иммунную систему общества. Так, сиюминутные интересы капитала входят в непримиримое противоречие со стратегическими целями и интересами государства и его культурой.

Здесь прежде всего надо вспомнить, что главным направлением внутренней трансформации российского общества 1980–1990-х гг. явился добровольный отказ России от традиционной для нее парадигмы особого пути развития²³ со всеми сдерживающими развитие «раковой опухоли» скрепами. Это направление приобрело стратегический характер, стало стартовой площадкой для осуществления всех институциональных преобразований в стране. Реализация данного замысла привела не только к существенному перерождению российского общества практически на всех уровнях, но и способствовала тому, что деструктивные явления обогнали практически во всех институтах российского общества.

Согласно новейшим биологическим теориям, в возникновении раковой опухоли большую роль играют также вирусы. Применительно же к обществу – это вирусы сознания. Именно так и

называется книга Сан Лайта «Вирусы сознания» (М., 2012), в которой описываются основные виды вирусов сознания, принципы их распространения и признаки их воздействия на человека. Вирусы сознания, согласно автору, являются разрушительными информационными биопрограммами, которые проникают не только в гены и клетки, вызывая тяжелые заболевания, но воздействуют и на психические процессы. Они поражают основные программы жизнедеятельности, искажают восприятие и эмоции, извращают мотивы, самооценку и намерения, вызывают болезненные привязанности и депрессивные состояния, ведут к ослаблению интеллекта и памяти, провоцируют психические болезни, становятся причиной неудач и разочарований.

Среди вирусов сознания особое место занимают мировоззренческие вирусы – деструктивные, примитивные, иррационалистические взгляды и концепции. Эти вирусы вызывают стремление к культивированию и распространению ложных знаний, неспособность к восприятию возвышенных истин и самопознанию. Они ослабляют сознание, трансформируют основные установки, нарушают баланс веры и сомнения и лишают способности анализировать и синтезировать. Ловко подобранные примитивные политические лозунги, слоганы, мелодии, изображения – все это средства донесения вирусов до широких масс.

Наиболее распространенной разновидностью вирусов сознания являются информационные вирусы (вирусы средств массовой информации), поразившие все функциональные системы общественного организма. Такие вирусы обладают большой способностью к самовоспроизведению в умах людей и в массовом сознании. Яркий пример психического заражения через телевидение – намеренный показ деградационных поведенческих моделей с целью их копирования. Неустойчивое сознание подростков особенно подвержено вирусам самоубийства, которые совершают их кумиры, герои фильмов.

Один из наиболее действенных методов быстрого заражения больших пространств – реализация деструктивных установок посредством рекламы. Действуя совместно с другими вирусами сознания, вирусы рекламы строят собственные цепочки ассоциаций, вне которых человек теряется, чувствует неуверенность, впадает в прострацию. Вирусы навязчивой рекламы работают над созда-

нием системы символических значений, зарождая в сознании порочные ассоциативные цепи, нарушающие процессы мышления, подавляющие здравомыслие, вкус, навязывают соответствующие цели, ценности и мотивы.

Разрастающийся как раковая опухоль дикий капитализм в России создает для определенных слоев общества более высокий уровень потребления и благосостояния. В результате у них отпадает потребность в инструментах и институтах коллективной защиты. Связи между индивидами все больше ослабевают и они все больше возвращаются к первобытному состоянию одинокой клетки, которая выживает сама по себе. Собственно неолиберализм – это и есть идеология эгоизма, представляющая человека как «индивида», т. е. как «атома», оторванного от «фантома культуры» (традиционных ценностей), действующего в своих сугубо эгоистических, т. е. непомерно раздутых, своекорыстных интересах. Таким образом, чем выше уровень так называемого прогресса, богатства и т. п., тем выше возможность впадения в доархаическое состояние, т. е. состояние разобщенности, несмотря на весь технический прогресс. Из этого следует, что только социализм создавал условия, которые препятствовали развитию сверхпотребления для немногих, резкого нарушения справедливости, тем самым удерживая ведущие элементы общества от падения в доархаическое состояние. В связи с этим по аналогии с известным высказыванием Черчилля, который утверждал, что демократия хоть и плоха, но остальные формы еще хуже, почему бы не вспомнить и суждение П.Я. Чаадаева о том, что социализм прав не потому, что он прав, а потому, что неправы все его противники. Капитализм с его идеологией либерализма в отличие от социализма – та система, которая создает все предпосылки для падения в доархаическое состояние. На практике это ведет не только к распаду государства, но и физической смерти граждан.

В этом смысле очень показательны и убедительны выводы лаборатории Государственного научно-исследовательского центра профилактической медицины Минздрава РФ, работающей под руководством д.м.н. и к.ф.н. И.А.Гундарова. Было выявлено, что алкоголизация, табакокурение, экологическое неблагополучие и даже бедность не являются существенными факторами резкого роста смертности. Если бы дело было в бедности (около 20 % от общей численности населения имеют доход ниже прожиточного

минимума), то и умирать мы должны, как в середине 60-х гг. Однако статистика показывает, что в 1965 г. у нас была самая низкая (!) смертность среди цивилизованных государств – менее 6,9 человека на тысячу. В США этот показатель составлял 8,8 человек, в Западной Европе – 12.

По данным Госкомстата, смертность в нашей стране стала устойчиво расти с конца 80-х гг. Решающим фактором этого специалисты Центра называют духовное неблагополучие, ощущение безысходности, ненужности, потерю смысла жизни. Для прояснения данного обстоятельства было проведено сравнение нашей ситуации с Великой депрессией, охватившей в 30-х гг. XX столетия весь западный мир, включая США: развал банковской системы, промышленного производства, загруженность предприятий лишь на 20 %, безработица, достигавшая 30 %. Но при этом смертность в США была в восемь раз ниже, чем в России сегодня. Уровень самоубийств в Америке 30-х гг. вырос на 5–8 % по сравнению с динамикой прошлых лет, а в России с 1990 по 1994-й – на 60 % (в том числе, на 70 % у мужчин и на 21 % – у женщин)²⁴.

Начало либеральных реформ в России характеризовалось активными идеологическими процессами – попыткой смены традиционного мировоззрения, изменением критериев добра и зла, внедрением новых социальных ориентиров и нравственных ценностей. В их основе лежали принцип индивидуализма и стяжательства, внушение чувства исторической вины, национальной ущербности, цивилизационной отсталости. Все это послужило причиной сильнейшего стресса, которым Россия 90-х годов XX в. отличалась от Америки 30-х. Американцы вышли из социально-экономического кризиса, не изменив своих нравственных основ. Иначе было в России, где экономический кризис сопровождался «насилием над духом», «ампутацией старой и пересадкой новой души», которую большая часть общества не воспринимала. Происходила глубинная психологическая реакция отторжения, сопровождавшаяся ростом смертности. Важно учесть, что неприятие новой идеологии определялось не столько предыдущим советским воспитанием, сколько исторической памятью народа, его этническим архетипом (коллективным бессознательным, по К.Юнгу). Поэтому среди россиян наиболее сильное неприятие либеральных реформ наблюдалось в

регионах вокруг Великого Новгорода, Пскова, Ярославля, Владимира, имеющих самые древние национальные корни. Таким образом, от несовпадения традиционного мировоззрения с прививаемым извне в первую очередь страдает та территория, откуда идет российская государственность, т. е. первой вымирает Древняя Русь²⁵.

Этим можно объяснить тот факт, что максимально высокий рост смертности наблюдался именно здесь. Мужчины пострадали больше, ибо их социальная роль подверглась большей деформации, чем у женщин. В 1991–1994 гг. наибольшее увеличение смертности наблюдалось не у пожилых и стариков, а у молодых и лиц среднего поколения. К 1998 г. уровень смертности у пожилых почти вернулся к дореформенным значениям, а у молодежи сохранялся по-прежнему высоким. Вероятно, духовный генотип молодых оказался более «обнаженным» и чувствительным к нравственному повреждению, так как не имел защитных механизмов, наработанных старшим поколением в предшествующей жизни.

Если духовный дисбаланс не достиг критической величины, если не разрушены нравственные устои и не потерян смысл жизни, то даже сильные стрессоры могут оказаться относительно безвредными для здоровья. Подтверждением служит исследование в США, проведенное по материалам 377 природных катастроф за 1982–1989 гг.: землетрясения, наводнения, ураганы, торнадо. Несмотря на сильный стрессогенный эффект, перечисленные несчастья не сопровождались среди населения ростом самоубийств²⁶.

Как отмечает академик А.А.Гусейнов, «для того, чтобы гарантировать внутреннее единство жизнедеятельности человека, и для того, чтобы она могла состояться в качестве целесообразной, необходимо в системе целей дойти до самой общей и важной цели, за которой уже нет другой цели и которая не может быть низведена до уровня средства. Эта последняя, высшая цель цементирует всю систему целей субъекта и, будучи конечной, в то же время соучаствует во всех прочих целях, составляет их общую ценностную основу»²⁷. Можно добавить, что сама жизнь становится школой формирования целостного и единого существования, поскольку любые отклонения, отступления и преступления, любое своеволие индивида, нарушающего предустановленные границы поведения

и мышления, ведут к негативным последствиям. Таким образом, целостность и единство общества становятся жизненной необходимостью для живущего в нем людей.

Необходимость национально-государственной идеологии России – веление времени

Органическая теория в большей мере, нежели иные, помогает ответить на вопрос «как жить сообща?» В самом деле, единство, солидарность, нравственность, справедливость возникают в обществе *вынужденно* из необходимости выживания, а затем уже освящаются внешним авторитетом церкви, религии, идеологии. Если обратиться к отечественной истории, русский народ именно так и складывался в борьбе с многочисленными трудностями и опасностями из разномастных племен как едва ли не первая в мире «политическая нация», а затем эта общность была скреплена принятием православного христианства. Н.Я.Данилевский, К.Н.Леонтьев видели в православии громадный потенциал, который, по их мнению, гораздо шире и глубже, чем просто религиозное самосознание. Ведь до крещения никаких русских не было, а были поляне, древляне, северяне, радимичи, кривичи и прочее, а также множество неславянских племен и групп. Племена эти потом долго срастались в единое тело, периодически распадаясь на княжества. И главным стержнем здесь была вера. Таким образом, русский народ создан православным христианством не только духовно, но и исторически.

Крещение Руси Владимиром создало и обеспечило условия, абсолютно необходимые для становления не только религиозного, идеологического, но и мифо-логосного единства восточных славян, без чего русский народ не мог возникнуть точно также, как невозможно возникновение и историческое бытие всякого иного народа. Примеров успешного созидания наций из разнородных и даже враждебных друг другу фрагментов в истории немало. Это Германия и Италия XIX в., Швейцария, Турция, США, Австралия, Китай, отчасти Канада. Смысл истории России заключается в создании органичного и добровольного единства людей, населяющих ее историческое пространство и занимающих обширную терри-

торию. Единство и целостность – важнейший закон природы, который всецело применим и к обществу, хотя здесь дело обстоит гораздо сложнее.

В истории политической мысли принято считать, что каждая эпоха имеет свой главный принцип, определяющий все сферы жизни. Для классических эпох прошлого было характерно подведение множественности под ту или иную форму единства. Единство мыслилось как важный теоретический и практический принцип. Но понималось оно не как множественность обезличенных, связанных формальным «единоначалием» единиц там, где самой сутью дела предпослана сложность. Данный принцип можно лучше понять, если обратиться к платоно-пифагорейской традиции, которая дает ясное понимание того, что существует различие между сущей единицей как элементом ряда чисел и сверхсущей единицей, которая придает единство двум элементам, делая их двойцей, трем – тройцей, четырем – четверицей и т. д. Сверхсущее единое, дающее всему свое онтологическое обоснование (как бы его ни понимали), присутствовало в мире в виде множества верований, конфессий, богословий, этик, наук и т. д. И такое единство многообразия бывших, наличных и будущих состоявшихся или становящихся факторов выражает самую сущность бытия²⁸.

В отличие от этого дурная множественность возникает тогда, когда на роль сверхсущей единицы претендует единица сущая. Тогда троика рассыпается на три обезличенных единицы, четверица – на четыре, десятирица – на десять и т. д. Если некая идея или идеология – либеральная в данном случае, несущая в себе тотальное разделение, пытается выставить себя в качестве универсальной и при помощи различных уловок навязать ее другим – тогда мы имеем дело с дурной множественностью, единственной скрепой которой является духовное насилие, а средством – экономическое подавление. Тем не менее, дурная множественность и разделение в России, по мнению М.Делягина, как ни странно, зашли не так далеко. Российское общество соединило социальные, патриотические и демократические ценности в часто уродливый, но объединяющий большинство народа синтез. Он нуждается лишь в том, чтобы его четко сформулировать и определить политический статус.

Когда в результате разрушения смыслового поля, системы значений, воплощающих в себе результаты совокупной общественной практики, ценностей, являющихся неотъемлемой частью описания мира и принадлежащих определенной целостности, возникает ситуация неопределенности, единственной точкой опоры может быть воссоздание духовных первооснов народной жизни. Базовые, содержательные аспекты своего единства – общие ценности, образ жизни и мировоззрение народ вырабатывает сам, стихийно. Здоровый народ имеет единое понимание общих ценностей, общее представление об образе мира – целостной, многоуровневой системе представлений человека об окружающем мире, о других людях, о себе и своей деятельности. Такой народ осознает себя как народ в каждой личности, т. е. каждый человек ощущает себя частичкой, неотъемлемой частью всего народа. Недаром же известный римский законодатель Солон не делал в сущности ничего, кроме того, что объединил в одно целое элементы, существовавшие прежде в обычаях народа.

Человек и общество, безусловно, испытывают потребность в некоем духовном водителе, только по инерции называемом идеологией. Особенно велика эта потребность сегодня, когда человек полностью дезориентирован в результате массивной и циничной «идеологической обработки», скрываемой под видом «деидеологизации». Такая потребность вырастает из чувства тотального распада, угрозы утраты целостности страны, отчаянного поиска опоры.

В данной ситуации в качестве сверхсущей единицы может быть органическая национально-государственная идеология. В ее основе лежит мировоззрение – своего рода духовная призма, через которую воспринимается мир, человек и общество. Являясь итогом накапливаемой веками мудрости, мировоззрение включает в качестве нерасчлененного единства научные, философские, религиозные представления; принимает мир и общество как основу для совершенствования, а не для радикального переделывания в соответствии с неким проектом.

Иными словами, речь может идти о таком мировоззрении, которое шире сложившегося в политической науке понимания идеологии, ибо есть результат исторической эволюции нравственных и общественных идеалов. Оно смотрит на жизнь как на единое це-

ное, как на органическую и более организованную систему. Равновесие между ее составными частями необходимо сохранять как и в любом живом организме, чтобы обеспечивать возможность развития и постепенного совершенствования. Мировоззрение, опирающееся на такие первоосновы, как семейные, хозяйственные и национальные инстинкты народа, способствует порождению общества единомыслящих людей без утраты индивидуальности, поскольку оно адекватно традициям народа, его психологии, вере. Такое мировоззрение, представляющее, в сущности, ценностную систему общества, является необходимым интегратором и регулятором общества, позитивная роль которого несомненна. Основой для формирования единого мировоззрения России является общность исторических судеб ее народов. Его опорные пункты созданы нашей историей, жизнью народа и сформулированы в трудах выдающихся отечественных мыслителей. Когда речь идет о способах воплощения высших нравственных целей, ничего нельзя ожидать от будущего и настоящего, взятых изолированно от прошлого. Постулаты, обращенные в будущее, можно рассматривать и как заветы прошлого, как естественный результат правильно понятого наследия. История, как хорошо сказал об этом известный французский философ Мишель Фуко, есть передача слова и примера, носитель традиции, критическое осознание настоящего, расшифровка предназначения человечества в соответствии с таким пониманием истории. От того, удастся ли российскому обществу объединиться на этой высокой нравственной основе, на базе общего понимания добра и зла, справедливости и блага, могут быть решены и конкретные экономические, практические вопросы.

Такое мировоззрение призвано восстановить духовную монолитность распавшегося мироустройства на основе единого стержня, т. е. на основе традиционных ценностей, общего понимания цели и смысла человеческого бытия. Этот смысл не абстрактен, он тесно связан со всей непростой окружающей конкретной действительностью. В утверждении смысла помогают сохранившиеся у многих людей их личное достоинство, совесть, честь, честность. Осуществляя смысл, человек и общество тем самым осуществляют самих себя. Такое мировоззрение не предполагает никакой детально разработанной доктрины-инструкции, регламентирующей многообразные проявления жизни, но должно включать вечные

ценности и главную идею – идею *мощной державной государственности* как гаранта самобытного развития страны, ее защиты перед лицом многочисленных опасностей – внутренних и внешних. Это целостное мировоззрение, ориентированное на полное согласие с государственным целым, является, по существу, жизнеутверждающим, а всякое иное мировоззрение, ограничивающееся какой-либо частностью, является жизнеразрушающим.

Достижение целостности мировоззрения требует определенной высоты, возносящейся над относительностью частных определений. Среди тех, для кого целостное мировоззрение было главной жизненной и творческой задачей, были В.С.Соловьев, П.А.Флоренский, М.М.Бахтин. Утверждая идею «положительного всеединства», Соловьев рассматривает это всеединство как триединство – нравственной, теоретической и художественной деятельности, т. е. жизни, науки и искусства, или, другими словами – добра, истины и красоты. Флоренский сумел не только умозрительно, но и практически совместить три рода деятельности, будучи и священником, и ученым, и поэтом. Бахтин уже в своей первой, программной статье провозгласил триединство жизни, науки и искусства как общую перспективу гуманитарной мысли. Таким образом, все три мыслителя, при всем различии их позиций, сходятся в одном: ни религиозное, ни художественное, ни научное мировоззрение, взятые в отдельности, не могут претендовать на полную адекватность, и только в единстве, в отношениях взаимной ответственности, способны выразить смысловую полноту, которую можно было бы назвать целостным мировоззрением. Сегодня, как и столетие назад, вновь приходится говорить о необходимости целостного, безупречного мировоззрения: научно обоснованного, духовно устремленного и эстетически завершенного. Отсюда ясно, что давно уже назрела необходимость выявления его глубинных потенций, возможностей возрождения.

Именно поэтому в центр общественного внимания целесообразно выдвинуть понятие органической национально-государственной идеологии, которая воплощает в себе целостное мировоззрение, выходит за узкие техницистско-механицистские рамки и указывает на иные перспективы существования российского государства. Такая идеология – его мощный невостребованный

ресурс. Другими словами, сохранив себя как Идею, как мировой проект, историческая Россия может выйти из сегодняшнего кризиса, чему, в первую очередь, могут способствовать изменения в духовном и идеологическом пространстве страны.

Начать следует с того, что в условиях российской действительности особенно остро стоит вопрос не просто о государстве (и его реабилитации), а о единстве и жизнеспособности государства. Это предполагает опору на базовые, традиционные ценности и способность вдохновить людей, наполнить достойным и привлекательным содержанием смысл жизни каждого человека, а также содействовать овладению народами России результатами своего труда и творчества, что может быть оптимально осуществлено лишь при наличии объединяющей национально-государственной идеологии. Тогда можно ожидать личностного одухотворения стратегических целей, социальных идеалов и базовых ценностей граждан. Но это будет успешным лишь в том случае, если идеи и стратегии национального развития станут средством мобилизации, консолидации общества вокруг стоящих перед обществом важнейших мобилизационных задач. Дееспособность российского государства в решающей степени зависит от его духовно-идеологического фундамента, в том числе и от факторов, обеспечивающих идентификацию России как нации или цивилизации – язык, культура, религия, искусство, литература.

В современной России в качестве социально значимых остались в основном религиозно-этнические виды идентификации. Поэтому П.Тищенко, например, полагает, что христиане, мусульмане, иудеи и атеисты могут выработать эффективные стратегии солидарности, если только переступят границы собственной религиозной, этнической, политической, расовой и сексуальной идентичности. Основоположения солидарности должны быть такими, чтобы дать возможность и православному, и мусульманину, и католику, и буддисту, и марксисту – каждому поступать в конкретной ситуации именно в меру себя, сохранив свои особые ценности при единственном условии – признании единства в качестве сверхценности (сверхсущей единицы) и отказе от насилия в отношении инакомыслящих. Солидарность может строиться только на доверии, апофатичности фиксируемой «точки» совместного нравственного присутствия до конфессиональных и прочих различий²⁹.

Если говорить о возможных проблемах такой идеологии, то в качестве главной можно назвать соприсутствие в одном социоорганизме разнообразных мировоззренческих и миростроительных кодов. Отсюда вытекают заметно различающиеся между собой парадигмы философско-теоретической реконструкции идентичности России в XXI в. Однако из этого же источника питается и российская жажда целостного, всеобъемлющего мировоззрения, истовая тяга к органичному синтезу достижений различных цивилизаций и культур. Видимо, поэтому Россия столь восприимчива к инновациям, которые зачастую разрушают ее традиции.

В связи с этим возникают важные вопросы: кто имеет право выступать от имени всеобщности, как обеспечить солидарность столь различно осознающих и ощущающих свою «самость» людей? В истории человечества право выражать смысл общих для всех интересов и ценностей во времена Платона и Аристотеля принадлежало философам. В Средние века роль вещателей всеобщности играли священнослужители. В Новое время, особенно в рамках идеологии Просвещения, монопольное право выступать от имени всеобщего имели ученые. В современных обществах, в том числе и российском, исчезла привилегированная позиция какого-либо сословия или эксперта говорить от имени всеобщности. А значит, повышается роль всего общества и наиболее активных его представителей в формировании общих целей, ценностей и идеалов. Идеи, отражающие в наибольшей мере интересы всего общества, должны становиться определяющими для формирования той или иной позиции всего государства как целого.

Кроме того, возникает теоретически значимый и политически острый вопрос о том, является ли Россия единой цивилизацией или совокупностью нескольких. Ряд исследователей склонны считать, что события 1990-х годов в России узаконили соседство на одной территории славянско-православной и тюрко-мусульманской цивилизаций. Признание этого ставит под вопрос научную обоснованность попыток представить основой культурно-исторической идентичности народов Российской Федерации единую «российскую цивилизацию», которая никогда не существовала.

Цивилизационная структура российского государства и общества отражает многовековое взаимодействие различных культурно-исторических типов, каждый из которых внес определенный

вклад в строительство общей государственности. Среди них выделяется доминирующий тип – русская цивилизация, которая является одной из древнейших духовных цивилизаций мира. Опираясь на ценности своей цивилизации, русский народ сумел создать величайшее в мировой истории государство, объединить другие народы, не нарушая их самобытности, и создать великую культуру. Русская цивилизация всегда была ядром, станovým хребтом российской государственности и выполняла функцию интегрирующего стержня, сохраняющего российский суперэтнос и задающего вектор его дальнейшего развития.

В данном контексте понятие «ядро» не является только метафорой или простым дополнением к таким понятиям, как государство, нация, цивилизация, оно задает перспективу рассмотрения данной проблематики. Это понятие занимает центральное, основополагающее место в новейшей теории систем, отражает структурные и функциональные качества самоорганизующейся, успешно действующей системы. Укрепление ядра – главный фактор устойчивости любой системы, в том числе системы межнациональных отношений в российском государстве. Историческим и научным фактом является то, что государства национальны в своем происхождении и в своем ядре. Это подтверждают и результаты переписи населения 2010 г.: русскими себя считают 80,90 %, доля второй по численности нации – татар составляет 3,87 %.

Между тем, право русского народа на статус государствообразующего, как отмечает израильский публицист Авигдор Эскин (Иерусалим), игнорируется, подлежит нападкам с целью принижения народной души³⁰. Завуалированной формой этого факта является широко распространенное акцентирование многонациональности и многоконфессиональности российского государства при полном игнорировании его русского ядра, что вполне согласуется с западным сверхконцептом «постнационального общества» как результата глобализации. В реальности это означает, что отсутствует настоящий, а не формальный (многонациональный народ) субъект государственной деятельности, отсутствует национальная идентичность. В таком случае возникает вопрос: как данная ситуация согласуется с поисками всесильной «национальной идеи», тоска по которой разлита во многих публикациях? И как можно рассуждать о национальной идее вне ее преэминентности с рус-

ской идеей, которая являлась исторической формой национальной идеи и провозглашала стремление к единению людей? Как можно забывать о том, что история России – это и есть история ее национальной идеи, которая в свернутом и преобразованном виде содержит в себе весь предшествующий исторический опыт и огромную роль русского народа в нем? Национальная идея не выдумывается народом, а открывается ему в меру его исторического развития, становясь путеводной звездой, открывающей народу истинное направление его эволюции. Как отмечал И.А.Ильин, национальная идея – «это не только отдаленный идеал-образец, далекая цель, но и внутренняя сила, которая всегда была и находила свое выражение и сейчас является движущим и определяющим мотивом, в будущем должна стать руководящей и остаться таковой навсегда»³¹. Национальная идея находит свое сознательное или полубессознательное воплощение в общественных целях и идеалах, в надличностных смыслах, которые нуждаются в оживлении и в адаптации к новому историческому опыту.

Если абстрагироваться от идеальных коннотаций национальной идеи и посмотреть в сам ее корень, то это, в сущности, есть формула *выживания* российского государства в постоянно меняющемся мире. История России – это история военных угроз, переменных успехов и поражений, нового собирания сил, нового чрезмерного напряжения. И сегодня ничего принципиально не изменилось, более того, ситуация значительно усугубилась. Современный мир сегодня полон новых угроз, рисков и кризисов, которые становятся многофакторными, взаимно влияют друг на друга, приобретают комплексный характер. Поэтому понятие «выживание» сейчас нагружено иным смыслом, чем просто сохранение биологического существования или поддержание жизни на минимально допустимом уровне. Выживание – это способность общества, государства проявлять адаптивные свойства в соответствии с меняющимися условиями жизни, а также давать своевременные ответы на вызовы и угрозы как внешние, так и внутренние. Это значит, что стратегии выживания, воплощенные в национальной идее, не могут не только противостоять стратегии роста, развития, процветания и достоинства, а наоборот – они включают их в себя, олицетворяя собой идеальную сторону национальной идеи.

Именно поэтому так актуален вопрос об органической национально-государственной идеологии, соединяющей в себе постулаты истинной национальной идеи с общественными задачами сегодняшнего дня. В рамках органической теории идеология является базисом, а не надстройкой, так как единство общественного организма вытекает из тех его представлений, ценностей, которые лежат в фундаменте общества, переплетены с ним, пронизывают наподобие нервной системы человеческого организма его «социальную ткань» и составляют основу этого фундамента. Органическая идеология уходит вглубь истории народа, его менталитета, его культуры, образа жизни и традиций, поэтому «национальную идеологию нельзя ни придумать, ни “экспортировать” извне. Она – результат творчества самого народа. И задача науки – исследовать это творчество и наиболее точно сформулировать его в виде официальной стратегии развития»³². Но здесь возникает большая проблема: дело в том, что фаза надлома, в которой ныне пребывает русский культурный организм, есть опасная для его жизни стадия, чреватая возникновением и активной деятельностью разного рода «антисистем» (Л.Н.Гумилев), «отрицательных деятелей человечества» (Н.Я.Данилевский). Эта проблема усугубляется случившимся с русской культурой еще во время «петровских реформ» псевдоморфозом. То есть, когда растущему русскому культурному организму навязывались вроде как «с благими намерениями» чуждые государственные и культурные формы, удушающие и искажающие его. Культуру в таком случае постигает внутренний раскол: «верхи», «элита» отрываются от почвы, переориентируются на Запад, отчуждаются от собственной сущности; «низы», народ – обрекаются на бесперспективность своего культурного и общественного развития и тоже тем самым, искажаются и отчуждаются, деградируют. Тем больше создается условий для возникновения и развития антисистем; сама управленческая система, отчасти, становится антисистемой (отсюда предательство «элитой» своей страны и народа в феврале 1917-го, в 1991-ом); множество «агентов влияния» в высших эшелонах власти. Так было и в «царский» период, и в советский со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Органическая идеология – это не функция от производительных сил и производственных отношений, не «надстройка», а базис, нередко главный двигатель истории. Такая идеология помо-

гает людям с разными интересами прийти к осознанию общих ценностей, способствует установлению в обществе атмосферы согласия и созидания. Благодаря органической идеологии государство может правильно определить свое место на международной арене, адекватно реагировать на глобальные вызовы современности. Государство, лишённое органической идеологии единства, беззащитно: ему могут быть навязаны любые, даже губительные для него реформы, что нередко и происходило в России в последние два десятилетия. Стремление создать деидеологизированное (свободное от органической идеологии) государство неминуемо ведет к развалу механизма государственного управления, социально-экономической катастрофе, деградации духовно-нравственных отношений.

В эпоху невиданной смысловой свободы и прогрессирующей децентрализации всех сфер общественной жизни в России, мысли об органической государственной идеологии могут показаться кому-то «несвоевременными». Однако отрицать органическую идеологию как таковую – значит отрицать государство как форму исторической самоорганизации общества, ибо только государство способно объединить разрозненные представления, чувства, эмоции миллионов своих граждан и выразить их общую волю на рациональном уровне. Существенным фактором в обеспечении единства российского народа и может стать единая национально-государственная идеология, ибо идеология в этом смысле (а не в политическом, узкопартийном) – это функция от идеала, т. е. представление о наиболее развитом, совершенном, идеальном состоянии общества, человека; это своего рода компас или маяк.

В долгосрочном, стратегическом плане идеологический фактор играл и играет не менее, а во многих случаях более важную роль, чем научно-техническое и экономическое развитие. Об этом красноречиво свидетельствует, например, гётевский «Фауст», который традиционно считается одним из главных интерпретантов эпохи Нового времени. В данном произведении разворачивается логика изменения миропонимания (идеологии в широком смысле слова), которая закономерно приводит к изменению западного мироустройства. Отечественный исследователь А.Кораблев³³ интересно и убедительно представил эту логику, которая объясняет многие процессы, происходящие сегодня в мире.

Автор задается главным для этого произведения вопросом: что же предшествовало появлению дьявола в рабочем кабинете Фауста? Ответ проливает свет на всю последующую историю западной цивилизации вплоть до сегодняшнего дня – его перевод Священного Писания, в котором Фауст позволил себе изменить всего одно, но принципиальное понятие. Вместо «В начале было Слово» он пишет: «В начале была Мысль», затем «В начале была Сила» и, наконец, останавливается на «В начале было Дело». Значит ли это, что именно Фауст, в тишине своего кабинета, вывел формулу, которая изменила мир? Значит ли это, что мир изменяется сообразно изменениям человеческого мировоззрения? Или, наоборот, изменившийся мир вызывает в человеческом сознании потребность нового самоопределения. Как бы там ни было, но как только человек выводит новую формулу бытия, это бытие вскоре является ему как зримое воплощение его человеческой логики: от Слова – к Мысли, а затем к Силе и Делу. Именно так определяет себя явившийся Фаусту Мефистофель – как часть силы, совершающей некие дела. Мир становится иным, стоит лишь изменить осознание того, что является его началом. Но, как предсказывает произведение, любое отступление от Слова как абсолютного начала ведет к закономерным губительным последствиям. XX в. показал с необычайной наглядностью, что такое мир, в начале которого – Дело. Он же породил новое миропонимание, последствия которого еще предстоит увидеть: миропонимание, в котором подвергнуто сомнению не только Слово во всех его значениях – от божественного Логоса до лингвистического смысла, но и самое понятие начала, центра, первопринципа. «Логоцентризм» объявлен архаикой, сдерживающей свободу мысли, которая теперь не нуждается ни в каких авторитарных предписаниях. Духовная история человечества – это история забвения своей изначальности, последовательное переосмысление духовных первооснов³⁴.

Россия с большим опозданием, но все же догнала Европу на этой дистанции. Внедренные в российское общество либеральные ценности свободы, демократии, рынка, ориентированные на приоритет материального богатства над духовным, привели к коренной ломке и своего рода «переворачиванию наоборот» сознания индивидов, ценностей и целей развития всех сфер российского общества. Однако, как показали исследования, проведенные

ИСПИ РАН в 2010 г., после временного колебания в 1990-е годы маятник ценностей россиян вернулся в исходное положение. Базовые духовные ценности российских граждан показали исключительную устойчивость и вернулись на свое прежнее место. А проведенный еще в 2001 г. опрос показал, что более 90 % опрошенных россиян отдали предпочтение приоритету духовных ценностей над материальными. Тем не менее, опасность деградации и дегуманизации российского народа под воздействием «самых лучших» в мире либеральных ценностей будет сохраняться до тех пор, пока не будет создана органическая национально-государственная идеология.

Органичная идеология не может существовать вне контекста истории, культуры и общества. Она оказывается действенной и устойчивой в той мере, в какой соответствует историческим традициям, которые находят отражение в коллективном бессознательном и культуре народа, в том, что называется цивилизационным кодом. Иными словами, если она соответствует ментальности народа, его восприятию мира, понятию добра и зла, справедливого и несправедливого и вызывает духовный резонанс. Органическая идеология является неотъемлемой частью культуры и выполняет одну из своих базовых функций – самоописания и самоидентификации общества через особый способ символизации мира. Такая идеология не может быть абстрактной, оторванной от реальной жизни общества и человека, поэтому ее невозможно у кого-либо позаимствовать. А значит, основы новой, объединяющей идеологии следует искать внутри страны, в ее истории и культуре, а не экспортировать различные варианты идеологий из других стран, где они сложились в других обстоятельствах и приспособлены для других ситуаций.

Несмотря на то, что органичная государственная идеология всегда связана с глубокими историческими корнями общественной жизни, тем не менее, безусловно, испытывает на себе влияние современных знаний, общественных и нравственных устоев. Она формируется в конкретных условиях и теоретически оформляется с учетом исторического времени и национальных традиций. Эффективно функционировать в обществе способна лишь та идеология, которая выражает интересы и потребности подавляющего большинства народа.

Таким образом, органичная идеология – идеология народа – это не совокупность заимствованных идей, взглядов, представлений под определенную политическую конъюнктуру. Она имеет дело с тем, что вечно – с духом народа, его историей. Об идеологии народа нельзя сказать: это было, это прошло. Поэтому совершенно некорректны попытки написать идеологию российского государства с чистого листа, абстрагируясь от исторического развития и уже сложившейся в народном самосознании системы ценностей, ибо подлинным субъектом идеологии и реальным творцом истории может быть только сам народ. Задача же ученых, политиков, идеологов в том и состоит, чтобы увидеть духовные скрепы народного бытия, которые инвариантны по отношению ко всей истории народа, к прошлому, настоящему и будущему. Особая роль в этом принадлежит философам, поскольку философия будучи мировоззрением, всегда была по сути идеологией, как бы не относились к этому факту сами философы.

Если государство обладает национально-государственной идеологией, которая имеет историческую преемственность, то это означает продолжение самобытного исторического бытия государства в качестве самодостаточного субъекта истории. Каждое государство является в этом смысле носителем определенных онтологических смыслов – логосов, содержащихся в ее национальном самосознании, в её национальной идее, базовых ценностях. Раскрытие этих смыслов в истории – есть историческое оправдание национального бытия. Основанием политики, вытекающей из такого понимания смысла государства, не может быть отвлечённый прагматизм, демократизм, либерализм, общечеловеческие ценности, или здравый смысл. Истинные начала национальной политики – метафизичны, онтологичны, националистичны и глубоко духовны³⁵.

Большое значение в этой связи приобретает такая базовая ценность, как «справедливость», которая является ценностью высшего уровня. Не случайно еще Аристотель видел в отклонении от справедливости главную причину крушения государственного порядка. Следует отметить, что в современной России господствует слишком узкое понимание *социальной справедливости*, которая сводится по существу к защите экономически слабых. Чрезмерное упование на рынок предполагает, что во всем остальном он спосо-

бен чуть ли не автоматически обеспечить социальную справедливость. К тому же рыночные механизмы присущи тому роду человеческой деятельности, в которой он предстает как «экономический индивид». Однако есть много других сфер человеческой жизни, которые нельзя измерить мерками экономической эффективности.

В России разрыв со средними доходами россиян превышен, по одним оценкам, в 30–35 раз, по другим – более чем в 200, т. е. Россия – мировой лидер по имущественному неравенству. «Элита», похоже, не понимает, что своим поведением, стилем жизни, своим высокомерием разрывает остатки общественных скреп. Утрачено не только чувство меры, но и чувство самосохранения. Закономерным следствием такого положения дел стало изменение настроений в обществе. Как отметил директор Института социологии РАН академик М. Горшков, теперь о справедливости задумались не только бедные, но и достаточно обеспеченные. В чем тут дело? Ученый полагает, что им не хватает порядка и прозрачности в общественной морали. По данным последних исследований, в России поменялась иерархия причин социального возмущения: материальные аспекты гнева и раздражения стали перевешиваться нравственными. Произошел перелом настроений. «Несправедливого» общества Россия в массе своей не приемлет. Вопрос лишь в том: как понимать справедливость? Теперь – это уже не «отнять и поделить», а равенство возможностей, жизненных шансов. Общество повзрослело. Люди стали взвешеннее в оценках, они не против нововведений, но при условии – опорой общества должны оставаться традиционные ценности, в которых сила России³⁶.

В современных условиях никакой национальной идеи в отрыве от социальной справедливости быть не может, так как, во-первых, Россия провозглашена социальным государством, а во-вторых, идея социальной справедливости глубоко укоренена в коллективном бессознательном граждан, а также в их представлениях со времен СССР, в котором социальная справедливость существовала. Само возникновение идеологии социализма, а затем системы социалистических государств, включая Россию и Китай, в историческом плане было ответом на разрушительное воздействие капитализма с его господством принципиальной несправедливости как в западных, так и в незападных странах. Именно поэтому и на Западе, и в России иногда предпринимаются попытки реабилитации

понятия социализма в качестве проекта более справедливого общества. Примечательна в этом отношении книга С.П.Никанорова «Уроки СССР», в которой убедительно показано, что любой, с точки зрения всемирной истории, «эксперимент» – особенно такой масштабный и длительный (советский) – даже в случае неудачи – дает множество данных, которые могут быть использованы для дальнейшего продвижения вперед. Те проблемы, с которыми столкнулся и успешно решал СССР за годы своего существования в постоянной борьбе за выживание в жесточайших экстремальных условиях и ограничениях исторического времени, и те задачи, которые он попытался, но не успел решить (или ему не дали?), сегодня уже становятся актуальными для всего человечества.

Что такое социализм и как его строить? – на этот вопрос не было ответа и у самого Маркса. СССР пошел непроторенным, неизведанным путем. Главный исторический урок СССР, по мнению Никанорова, заключается прежде всего в том, что его возникновение, расцвет, постепенное угасание и быстрая гибель поставили человечество перед необходимостью спокойно и глубоко исследовать различные социальные формы. С возникновением СССР началась новая историческая эпоха, человечество перешло на качественно иной тип развития. И это факт, который невозможно отрицать. Советский проект был не ошибкой истории, а наоборот – очень важным шагом на пути развития человечества³⁷. Какой отсюда напрашивается вывод? Срочно нужны новые подходы и новые социально-политические теории среднего уровня, которых должно быть много. Главное – понимать общую цель и объективную реальность, ее законы и требования, ибо, по Марксу, настоящая история человечества еще и не начиналась.

Ослабление противостояния парадигмы «капитализм-социализм» привело (или скоро приведет) к выходу на первый план *в идеологической борьбе* (которая никогда и не прекращалась) альтернативы: «глобализация-многополярный мир». В цивилизационном плане это можно идентифицировать с «Западом» и с «Востоком». Важнейшим институциональным отличием восточных цивилизаций и идеологий от западных является гораздо большая **роль государства** и его духовная значимость. В восточных странах, не принадлежащих к технической цивилизации Запада, не только политические и административные функции, но и инициа-

тиву и организацию хозяйственной деятельности часто и успешно берет на себя государство. Формальные права собственности, как и рынок, и большая часть других институтов не представляют самостоятельной ценности, а являются лишь инструментом в руках государства.

В восточной (русской) цивилизации (и выросшей на ее почве социалистической или коммунистической идеологии), в отличие от западной, накопление богатства не признается главной целью человека и, как правило, не считается результатом только его индивидуальных усилий. Большой ценностью, чем его частное благосостояние, признается общество, коллектив и прежде всего государство как представитель всего общества. Ценность человека определяется не способностью увеличить свое богатство, а его заслугами перед обществом. Высшая ценность – **единство общества**.

Активная разработка концепции органической национально-государственной идеологии требует объединения усилий всего научного сообщества. Но уже и сейчас существует определённая теоретико-методологическая база. Так, например, отечественные социологи В.Н.Кузнецов и Г.В.Осипов предлагают прежде всего осуществить глубокий анализ реальной социально-политической ситуации в стране; выработать систему социальных показателей и индикаторов, позволяющих количественно и качественно измерить эту ситуацию, а также выявить реальные причины сложившейся ситуации в её позитивных и негативных аспектах. На основе этого анализа выработать на краткосрочную и долгосрочную перспективу чёткую стратегию внешней и внутренней политики государства, нацеленную на создание условий, отвечающих интересам человека и всего русского общества³⁸. Все это может служить основой для формирования национально-государственной идеологии как необходимого условия успешного развития страны, гарантии консолидации общества, сохранения национального единства, понимания места страны в социальных, экономических и политических мировых структурах, определения вектора исторического развития, а также социально-экономического и нравственного идеала.

Национально-государственная идеология предполагает целенаправленную деятельность по ее формированию, воспроизводству, обновлению. Общество должно постоянно анализировать

важные государственные решения, сохраняя те, которые удовлетворяют запросам общества, и отклоняя неудачные. Но и удачные идеи должны быть открыты постоянной критике и переутверждению. Чтобы теоретическая, идеологическая форма оставалась адекватной новому содержанию, ее каждый раз необходимо переосмысливать. Это естественный и необходимый процесс для всякой живой, т. е. органичной национально-государственной идеологии и всякой общественной теории. Тем самым коллективная воля постоянно уточняется, настраивается на новые обстоятельства существования людей.

В заключение можно отметить, что актуальные для современной России вопросы о консолидации общества, о консенсусе относительно устройства и функционирования государства невозможно удовлетворительно решить вне исследования их идеологического контекста. Каким бы ни было отношение к идеологии и какие бы дискуссии не велись о том, нужна идеология или нет, все это остается малопродуктивным и бесперспективным, если понимание идеологии остается в рамках привычных представлений, сложившихся в предшествующие десятилетия. Сохраняющаяся идейная неустроенность России заставляет заново переосмыслить природу, сущность и место идеологии в государстве и обществе.

Примечания

- ¹ Федорова М.М. *Философия и политика* // Филос. журн. 2012. № 2(9). С. 17.
- ² Путин о новой идеологии России (<http://the-day-x.run/Putin-o-novo-ideologies-Rossi.html>).
- ³ См.: *Окара А.Н.* Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии // *Идеология и философия солидаризма: Материалы постоянно действующего научного семинара*. Вып. 9. М., 2010. С. 90.
- ⁴ См.: *Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала* // *Материалы 4-й Всерос. конф.* (г. Москва-Белгород, 27–29 мая 2009 г.). М., 2010. С. 117; *Кузнецов В.Н.* *Идеология развития России*. М., 2010.
- ⁵ *Рубцов А.В.* *Иллюзии деидеологизации/Идеология и процессы социальной модернизации*. М., 2013. С. 19.
- ⁶ См.: *Славин Б.Ф.* *Идеология возвращается*. М., 2009.
- ⁷ См.: *Мангейм К.* *Идеология и утопия*. М., 1976.
- ⁸ *Волконский В.* *Ожидаемый поворот в духовно-идеологической сфере* // *Альтернативы*. 2010. № 3. С. 75–76.

- ⁹ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 15.
- ¹⁰ «Вашингтон пост» с тревогой о возрождении патриотизма и нарождающейся идеологии (<http://stalingrad-info.ru/vashington-post-s-trevogoy-o-voztrozhdenii-ideologii>).
- ¹¹ См.: Мировые политические идеологии (<http://dokumentika.org/ideologiya/mirovie-politicheskie-ideologii>).
- ¹² См.: Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
- ¹³ Лукина Н.П. Идеология информационного общества: векторы исследовательской программы (<http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/2/lukina.htm>).
- ¹⁴ Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху Модерна// ПОЛИС: Полит. исслед. 1992. № 1–2. С. 131.
- ¹⁵ Крестовый поход против нас (http://www.plam.ru/ezoter/misterii_evrazii/r7.php).
- ¹⁶ Осинцов А.И. О свободе (<http://azbyka.ru/dictionary/17/svoboda-all.shtml>).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Мурашов В.И. России нужна национально-государственная идея (<http://ros-idea./site/26>).
- ¹⁹ Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием (<http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul72.htm>).
- ²⁰ См.: Органицизм (<http://www.soclexicon.ru/organicizm>).
- ²¹ Окара А.Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного проекта» // Идеология и философия солидаризма. С. 23.
- ²² Неклесса А.И. Идеология и философия солидаризма. М., 2010. С. 5.
- ²³ См.: Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый» Запад. М., 2006. С. 82.
- ²⁴ Из отчета группы И.А.Гундарова (<http://rudocs.exdat.com/docs/index-180638.html>).
- ²⁵ Почему вымирают русские. Духовное неблагополучие как фактор риска (<http://www.miroslavie.ru/library/pvr6.htm>).
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Гусейнов А.А. Что я должен не делать? // Филос. журн. 2012. № 2(9). С. 53.
- ²⁸ Тищенко П. На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. СПб., 2011. С. 225–226.
- ²⁹ См.: Тищенко П. На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. С. 235.
- ³⁰ Эскин А. Диктатура зловещания // Лит. газ. № 27. 3–9.07.2013.
- ³¹ Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 615.
- ³² Бобров А. Актуальность становления объединяющей идеологии в России (http://ruskline.ru/analitika/2012/04/19/aktualnost_stanovleniya_obedinyauwej_ideol...).
- ³³ Кораблев А. О целостном мировоззрении (http://www.dikoepole.org/blog_autor.php?a=1&id_blog=17).
- ³⁴ Кстати, как показывает автор, смена культурных эпох – это та же фаустовская логика: эпоха Мысли – Античность, эпоха Слова – Средние века, эпоха Силы – Ренессанс, эпоха Дела – Новое время / Кораблев. *О целостном мировоззрении.*

³⁵ *Молотков А.Е.* Миссия России. СПб., 2007. С. 23.

³⁶ *Гориков М.* Справедливость – это как? // АИФ. № 15. 2013.

³⁷ См.: *Никаноров С.П.* Уроки СССР. Исторически нерешенные проблемы. М., 2012.

³⁸ *Кузнецов В.Н.* Идеология развития России. М., 2010; *Осипов Г.В.* Летопись реформирования России. М., 2009.

Идеология государства как выражение объективных требований саморазвития общества и народа

Если говорить об идеологии российского государства как о современной реальности, то в нынешней России есть идеология господствующей власти с оглядкой на народ.

Каково реальное общество – такова и его идеология. Нынешнее российское общество – общество капиталистическое, союза власти, капитала и церкви как навязываемого религиозного обруча. Для поддержания и сохранения такого общества господствующей властью проводится соответствующая линия политики с ее идеологией. Суть этой идеологии – прагматизм, консерватизм, сохранение статус-кво, осуществление «малых дел», допущение только эволюционных изменений, отдельные подачки народу для снятия массового протеста. Это политика и идеология малых, тусклых перспектив, мало вдохновляющего будущего для российского народа, для человека.

Между тем само российское общество и российская цивилизация за длительный исторический период выработали важные основополагающие линии и позиции объективного и субъективного саморазвития, существенно отличающие российское общество и российскую цивилизацию от других, наряду, понятно, с общими для них чертами. Каковы они, по нашему мнению.

Ценностные особенности путей общественного и цивилизационного развития России

Во-первых, это определенный тип общества и цивилизации, в рамках которых всегда проживали и продолжают проживать народы и люди в России. Это евразийское общество и евразийская цивилизация. Это – самобытный мир, который, начавшись именно на востоке Европы, есть и Европа, и Азия – и в этом его богатство и сила. И великая историческая миссия и роль в мире. При этом распространение цивилизационной культуры шло в основном из европейской части в азиатскую часть. С Европой Россия всегда была наиболее связана как «вторая» Европа. Но как говорил российский поэт Ф.И.Тютчев о России – у нас «особенная статья». А тогдашняя Россия и была евразийской, включая регионы, которые затем образовали СССР. У россиян развито чувство принадлежности к особому большому сообществу и к особому общему делу.

Полемизуя в свое время с либеральными сторонниками, А.С.Пушкин указывал на наличие «значительного» в «положении России чего-то такого, что поразит будущего историка...». Пушкин ориентировался на русский народ и Россию со всеми ее многочисленными и разными «языками», что не исключало для него европейского присутствия, как в собственной великой поэзии, так и во всей русской словесности.

Следует бережно сохранять свою ценностную и неповторимую цивилизацию и культуру, как сохранили свою цивилизацию и культуру народы Китая, Индии, Японии, Египта, Мексики, Бразилии и других суперэтносов.

Во-вторых, это собственный тип бытия и жизни людей – целых народов и конкретных людей. Это жизнь в труде – трудовая жизнь. Прежде всего, в труде веками формировались в России общинные и многообразные коллективистские традиции, сочетающие индивидуальную и коллективную творческую трудовую деятельность. Затем это совместная, коллективная общественная жизнь, включающая подлинный демократизм в совместном решении общих дел. Далее это повседневная общинно-коллективистская жизнь, когда люди помогают друг другу, совместно разделяют радости и горести. Издавна сложившиеся в России общинность и традиционный коллективизм стали главной формой социальной консолидации

людей, средоточием навыков коллективизма, обычаев взаимопомощи и гуманистических настроений. Как результат – общение душ, мыслей и чувств, нравственных подходов и ориентаций.

Все это в совокупности определило глубокую *социальность* бытия и жизни россиян. И одновременно ее внутреннюю *духовность и нравственность*. Чувство социальной общности составляет «духовную плоть» российского народа и формируемую на этой основе систему морали. Отсюда глубокая и прочная *традиция дружбы и совместности людей, дружбы и сотрудничества народов*. Она проявлялась в Российской империи, углубилась в советские времена, сохраняется и в нынешних условиях в странах СНГ. Симптоматично, что в США и в ряде других западных стран принципы и идеи дружбы народов, дружбы вообще людей не поддерживаются и не поднимаются.

Евразийцы – не примитивные *индивидуалисты и потребители*, каковыми стали многие люди на Западе, превратившись в простых обывателей, в силу длительного навязывания именно такого образа жизни и бытия. Культ потребительства и разобщенность в последние пятнадцать лет усиленно навязывались со стороны США, стран Запада населению России и других стран СНГ, особенно молодежи. К сожалению, на это клюнули многие молодые люди. Конечно, осваивать богатства культуры и богатства цивилизации намного сложнее, чем жевать жвачку и ходить с бутылкой пива в руке. Такой человек становится внутренне бедным и пустым. Им легче манипулировать. Это явная беда и трагедия большого числа людей молодого поколения в странах СНГ. Данное положение необходимо существенно выправлять ради блага и содержательной, достойной жизни молодежи.

Следует всегда ориентироваться на то, что для евразийцев, задача и цель *«Быть»*, как ставил вопрос Эрих Фромм, важнее чем *«Иметь»*. Быть в первую очередь человеком, личностью, постоянно работающим, находящимся, общающимся среди себе подобных людей. Евразия – это *люди среди людей*, а не трагические одиночки, никому не нужные люди, потерянные личности, каковыми многие становятся в США и других странах Запада.

В-третьих, у России свой путь развития – общественного, цивилизационного, культурного, гуманного, сочетающего следование традициям и модернизацию, эволюцию и революцию, рефор-

мирование и общественные скачки, повороты, перевороты. Люди, живущие в России, это – евразийцы с европейским «уклоном», причем в Европе наиболее близкими к ним по духу являются французы, как и по истории: Парижская коммуна 1871 – Октябрьская революция 1917, при всем этом они всегда шли и должны идти *своей дорогой, своим путем*. Не нужно ни под кого подстраиваться и постоянно спорить: идти ли с Западом или с Востоком. Любая односторонность, слепая подражательность всегда были пагубны для России и приносили ей большой вред и разрушение, как и в последние 15 лет XX века. **Россия выигрывает, набирает силу, находится на подъеме, прогрессирует, когда шла и идет и с Западом, и с Востоком, но при этом *своей оригинальной, самобытной, творческой, поисковой, созидательной дорогой***. Это приносит много *качественно нового, плодотворного, прогрессивного, новаторского* и самой России и всему остальному миру.

Николай Бердяев писал: предназначение России (как России евразийской) в том, чтобы «осознав себя Востоко-Западом, явиться примирителем и соединителем двух миров – Запада и Востока». Именно – соединителем и примирителем! И явить миру свой новаторский, прогрессивный пример социально справедливого, народного, человеческого общественного и цивилизационного развития.

В-четвертых, у России свое особенное место и способ пребывания в мире. Общество старается брать от всего мира все созданное в нем культурное и цивилизационное богатство. И ему не следует замыкаться и изолироваться от богатейшего и многообразного человеческого мира. Как верно подчеркивал В.И. Ленин, взять все богатство, выработанное человечеством – задача всего общества и, прежде всего, молодежи. Следуя такой линии, российское общество и прежде всего молодые люди становятся внутренне богаче, намного содержательней становится их жизнь.

Россия – *часть* всего мира, всего человечества. И потому как своеобразная часть мира Россия несет ему *качественно свое, незабываемое и неповторимое, свой опыт и свой пример*. Поэтому знающие Россию, приезжающие в страну многие иностранцы, особенно с Запада, так тепло относятся к жителям России, высоко ценят духовно богатый и социально общительный образ жизни за открытость, человечность, духовность, общительность. Им всего этого очень не хватает, у них это часто просто отсутствует.

Своими ценностями цивилизации и культуры, типом бытия и жизни, путем развития Россия всегда обогащала и продолжает сейчас – в XXI веке – обогащать мир. Как писал Владимир Соловьев, народ России устремлен на «новое слово», которое он «скажет человечеству», на новое дело, «что желает он сделать в истории мира». Именно – сказать человечеству новое слово и сделать в истории мира новое дело. П.Я. Чаадаев считал, что наша национальная идея выражает ту роль, которую народ в евразийской России «призван исполнить на мировой сцене».

Присущие российскому бытию и развитию ценности **плодотворно воздействуют на социально-этнические и межэтнические отношения**, повышая их позитивную объединительную, интеграционную роль в общественной жизни народов России, многочисленных национальных, этнических групп. Такую объединительную, созидательную роль социально-этнические, межэтнические отношения играли в условиях СССР, на советском пространстве. Такую же объединительную, позитивную, созидательную роль они должны играть на нынешнем постсоветском пространстве – в рамках Содружества Независимых Государств. Пора во имя общего блага решительно избавляться от еще проявляющихся черт недоверия, неприязни, вражды между отдельными этническими и национальными группами и народами, в том числе населяющими южный регион России. Необходимо всемерно способствовать укреплению в межэтнической среде гуманных отношений взаимности, согласия, добрососедства, подлинной дружбы и взаимопомощи.

Положительная и созидательная роль социально-этнических отношений наиболее полно проявляется и раскрывается тогда, когда они не ограничиваются собственной областью, а тесно и органично развиваются *в более широком контексте* – совместно и в рамках развитая культуры, общества, цивилизации, человека. Тогда, с одной стороны, социально-этнические, межэтнические отношения в подлинном смысле окультуриваются, цивилизуются, очеловечиваются а, с другой стороны, привносят в развитие культуры, цивилизации, человека многогранные и богатые национальные и интернациональные, социальные черты.

Самобытность нации, этнических групп – большая и великая ценность. Но сама эта самобытность не стоит на месте – она диалектически развивается. А именно – от архаичных форм к совре-

менным, от во многом примитивных, устарелых – к более современным, культурно и духовно богатым. Отсюда проблема: все ли нужно поддерживать и возвеличивать в самобытных национальных, этнических формах? На какое качество этнической самобытности следует делать упор? Видимо, на наиболее современные, гуманные формы, взаимосвязывающие и объединяющие этнические, национальные группы и народы.

Ценности российского бытия и типа развития имеют огромное значение для современного прогресса культуры, науки и образования в России. На что он будет нацеливаться: или на содействие главным образом росту потребления людей, или при повышении, конечно, общего благосостояния на первостепенное содействие всестороннему росту у людей образованности, культуры, современных научных знаний, нравственных ценностей? Для России выбор однозначен: именно на последнее.

Уже давно в мире Россия, ранее СССР, признается в качестве одной из ведущих мировых культурных держав. В 1967 году известный ученый, россиянин, ставший американцем, Питирим Сорокин писал: «В настоящее время уровень культуры и творческих достижений русского народа в области науки, технологии, философии, права, этики, литературы, музыки, живописи, театра и других областей культуры, бесспорно, не уступает уровню других стран Запада и Востока», а фактически российское «культурное творчество занимает сегодня второе место в мире» (после США по мнению П.А.Сорокина). Происходящий ныне в ряде ведущих стран мира культурный и духовно-нравственный кризис повышает значение для России именно культурно-научной и духовно-нравственной сторон общего цивилизационного развития.

Для общественного прогрессивного прорыва России в будущее в XXI веке огромное значение приобретает необходимость овладения каждым человеком не только достаточно высоким образованием и современной профессиональной подготовкой, но и общей современной культурой и научными знаниями. Одним словом, овладевать и наращивать свой разносторонний интеллектуальный потенциал.

Овладение культурой – широчайшее понятие в условиях XXI столетия. Это и научные основы, и традиции в российской культуре. И экологическая культура, и информационная культура людей. И нравственные составные культуры, вековая российская народная мораль.

Овладение культурой немислимо без хорошего овладения ее главным инструментом – языком, словом, словесностью. Русский язык – основа русской национальной культуры, это язык межнационального общения между народами царской России, затем СССР, теперь – Российской Федерации и всего пространства стран СНГ. Язык и слово – первооснова национальной и межнациональной культуры. А.С.Пушкин высоко оценивал деятельность общения, «принесшую истинную пользу нашему прекрасному языку».

Таковы важнейшие ценностные подходы в цивилизационной культуре России, помогающие лучше научно осмысливать наше прошлое, решать важнейшие современные проблемы общественного развития, предвидеть и прогнозировать будущее России в XXI столетии. Опираясь на присущие традиции и преимущества, Россия может обоснованно рассчитывать как на обеспечение в XXI веке мощного прорыва в своем общественном, цивилизационном, культурном подъеме, так и на позитивное осуществление в мире своей доли великой общечеловеческой миссии в содействии развитию всех народов и людей на путях достижения достойного благосостояния, справедливости, дружбы и взаимодействия, поддержки и взаимопомощи, мира и согласия, добрососедства и гуманизма.

Спасение России сегодня – в активизации борьбы здоровых сил общества и народной интеллигенции за поворот к социализму

Перемены и будущее России, общественные изменения к лучшему в решающей степени зависят теперь от боевитости всех слоев сил нации, включая действия интеллигенции. Интеллигенция в постиндустриальных странах стала играть определяющую роль не только в научно-культурной, творческой, креативной области, но и в социальной, политической жизни. Достаточно посмотреть на мощные выступления интеллигенции в последнее время в Греции, Франции, Испании, других странах, причем большей частью именно против пороков антинародного современного капитализма.

В современной России интеллигенция реально расколота на три большие части.

Первая часть – поддерживающие власть интеллигенты и служащие. Власть прекрасно понимает роль и значение интеллигенции в социально-политической жизни. Недаром она стремится включить значительную часть интеллигенции в создаваемый ею Общероссийский народный фронт. Власть всегда подкупала и подкупает интеллигентов и служащих для реализации своих интересов. На это обращали внимание российские писатели-гуманисты (например, Л.Н.Толстой) и политические деятели (В.И.Ленин). И в нынешней России многие интеллигенты и служащие в лице прежде всего чиновничества преданно служат оторванной от народа власти. А численность чиновничества в марте 2012 года определялась в 1.650 тысяч человек, в то время как в социалистическом СССР их было всего примерно 600 тысяч человек. За деньги и карьерные места интеллигентствующее чиновничество верно служит нынешней российской власти.

Вторая большая часть в нынешней России – это пассивная часть интеллигентов и служащих, просто выживающих в современных тяжелых жизненных условиях. Их ценности не позволяют им прямо и открыто прислуживать российской власти, и в то же время не дают пока сил для активного выступления в защиту интересов народа. Они выжидают, оставаясь во многом честными и порядочными людьми. Это многие учителя, врачи, ученые, служащие, да и управленцы.

Третья часть – радикальный актив интеллигенции и служащих, открыто и последовательно отстаивающих интересы русского, российского народа, борющихся за его лучшее будущее. Это ученые, артисты, преподаватели, врачи, многие военные, честные управленцы и служащие. Это действительно интеллектуальная «соль» и духовные вдохновители современного русского, российского народа. Таких подлинно народных интеллигентов много не только в больших центрах, но и во всех уголках нынешней России.

Ныне спасение России – в решительных действиях и борьбе активных сил народа и народной интеллигенции. Совместно они многое могут сделать по разным и взаимосвязанным направлениям. Это давление на власть – на власть местную и центральную. Не давать ей спокойно и безнаказанно править. Разоблачать ее капиталистические программы и действия.

Это выдвижение и научное обоснование собственных прогрессивных программ решительного общественного переустройства России. Программ левого, социально справедливого обновления и переустройства России. Создания общества, где базисными основами станут труд, культура, народовластие, а не олигархический капитал, безнаказанная власть, коррупция и мафиозность. Это общество современного, обновленного социализма, впитавшего все новации и диалектику XXI столетия.

Это борьба за создание такого народного, трудового, социально справедливого общества нового социалистического типа. Ведь это означает идти в ногу с главной тенденцией и закономерностью современности – повороту влево, к народности, к социальной справедливости, к социализму XXI столетия. Как это делают многие страны Латинской Америки и Южной Африки. Не говоря уже о ставшей великой социалистической державой Китайской Народной Республике, социалистическом Вьетнаме, социалистической Кубы. Прогресс мира ныне сосредоточился в Азии, в Латинской Америке, в Южной Африке, да и в Европе Белоруссия продолжает свой народно-социальный общественный путь.

Такая борьба предполагает прежде всего действия по влиянию на массы населения, по просвещению народных масс. Этим всегда славилась народная, радикальная интеллигенция. Идти в массы, быть с народом, давать ему великие идеи и ценности, социальные лозунги народовластия, господства труда, социальной справедливости, свободы, равенства, братства, поднимать народные массы на борьбу за свои права и интересы. Народная интеллигенция должна быть социально-политическими лидером в такой борьбе. И в ходе такого лидерства из нее выдвинутся новые лидеры социально-политических действий. Нынешние лидеры в главных левых партиях давно устарели. Они не борцы, не революционеры. Рождение таких новых лидеров идет медленно, но оно произойдет.

Вывод один: боевым силам нации и народной интеллигенции следует повышать свою ведущую, лидирующую роль в борьбе масс за лучшее будущее. Тем самым содействовать повороту нынешней капиталистической России на подлинно прогрессивный, социалистически ориентированный путь общественного развития в соответствии с передовыми глобальными тенденциями и закономерностями XXI столетия.

Роль этнического фактора в развитии государственности современной России

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...» Эти первые слова действующей Конституции Российской Федерации, на первый взгляд, не вызывают ощущения противоречия, как это часто бывает с чеканными формулировками норм законодательства. Однако при ближайшем рассмотрении словосочетание «многонациональный народ» оказывается куда как более дискуссионным. Рассмотрим по возможности детально – как идея этничности преломляется в рамках проекта российской государственности, как возможно – если возможно – конструирование общегражданской идентичности в таком полиэтничном и поликультурном социуме, каким является современное российское общество в границах своеобразной – асимметричной – федерации.

Полиэтнический характер российского социума формировался исторически: на протяжении веков усложнение этнической, этнокультурной картины становилось следствием объективных политических процессов – и, параллельно, оказывало непосредственное влияние на содержание этих процессов. Сегодня впору задать вопрос: когда в публичном пространстве современной России возникает очередная «болевая точка» конфликта, который в политической риторике, в языке средств массовой информации, в обыденной речи именуется «межэтническим», «межнациональным», «этнополитическим» – является ли это следствием объективной сложности социальной структуры, некоей имманентной

конфликтности ее, центробежных сил, необходимо препятствующих интеграции общества – или же это только вопрос интерпретации, говорения субъекта о проблеме в терминах этничности и/или нации?..

На наш взгляд, на протяжении всего существования новой, постсоветской, России, в общественном сознании так и не сложился единый, общеприняемый образ национальной идентичности – идентичности не этнически, этнокультурно или этноконфессионально определяемой ее носителями (или, по крайней мере, не исключительно ею), но формируемой по принципу общности гражданской, объединенной одной политической культурой. По завершении проекта «советский народ» – общности полиэтничной, но нормативно светской и объединенной единообразной политической культурой – российский социум с конца 1980-х – начала 1990-х гг. столкнулся с необходимостью осознания себя в новом качестве. Формально усвоив стандарты демократических процедур, российская политическая жизнь продолжает курсировать между неизжитой (и в то же время не вполне осмысленной) имперской идеей, потенциально общепринятым установлением концепции гражданства «по почве» и разнообразными политическими мифами этноцентризма, подогретыми в последние годы нарастающим клерикализмом. Очевидно, что курс этот подчас носит хаотический характер. Дефицит общезначимых политических идей является одной из объективных причин неослабевающей, а, напротив, нарастающей конфликтности в социуме, постоянной общественной фрустрации.

В частности, в последнее время в российском обществе наблюдается рост негативизма не только в отношении приезжих (преимущественно иностранных рабочих, вне зависимости от их этнической принадлежности воспринимаемых в качестве однородной массы «мигрантов»), но и в отношении соотечественников – выходцев из южных регионов России. Идеи гражданской солидарности сплошь и рядом подменяются соображениями едва ли не племенного порядка, когда так называемые «визуальные маркеры» становятся ключевой составляющей идентичности. В такой ситуации визуально «другой» воспринимается как чуждый, заведомо некомплиментарный большинству населения, отличному в этнокультурном плане.

Рассмотрим соотнесенность интеграционных/дезинтеграционных процессов в обществе и полиэтничной структуры, которая данному обществу свойственна, на примере современной Российской Федерации.

Согласно результатам переписи населения России 2010 года, на территории страны проживают представители около 200 этнических групп¹. Помимо крупнейших из них – русских, татар, украинцев, чеченцев, башкир и т. д., в перечне национальностей, к которым себя относили граждане, множество непривычных, даже экзотических для среднестатистического читателя наименований: цахуры, сойоты, памирцы... Очевидно, что, отвечая на вопрос о национальной принадлежности, люди ориентировались исключительно на свое этническое чувство. Гражданская принадлежность повсеместно подменялась им. Более чем показательно, что графы «россияне» в итоговом перечне не оказалось.

Эти результаты ставят перед нами интересные вопросы относительно идентичности жителей России – этнической, национальной, гражданской. Вообще говоря, самоидентификация, осознание индивидом своей принадлежности к данной национальной общности – важнейший показатель национального самосознания. Существовая в качестве коллективного явления, в виде коллективного представления группы о себе (осознания «самости»), проявляется она и через личность, через представления индивида о своей принадлежности к национальной группе. «Идентичность, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности», констатируют социологи П.Бергер и Т.Лукман в своей фундаментальной работе «Социальное конструирование реальности». По Бергеру и Лукману, «идентичность формируется социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями. Социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. И наоборот, идентичности... реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя или даже ее переформируя»².

Еще знаменитый социолог М.Вебер, размышляя о взаимосвязях этничности, групповой и индивидуальной идентичности, отмечал, что этничность – в терминологии Вебера, «расовая принад-

лежность» – мыслится группой в качестве основания «общности» «лишь в том случае, если она субъективно воспринимается как общий признак». Это, в свою очередь, по Веберу, происходит в том случае, если общностью территории, политических интересов, в целом исторической судьбы «связаны с какой-либо противоположностью Сходных и явно Иных». «Иной по своему внешнему габитусу, чего бы он ни “достиг” и кем бы он ни “был”, презирается просто как таковой или, наоборот, суеверно почитается там, где он долгое время являлся более могущественным. Отторжение при этом является первичной и нормальной реакцией», констатирует Вебер, отмечая, что фактическая степень различий уже является несущественной, если механизм противопоставления запущен. Неочевиден и «спусковой крючок» этого механизма: «первоначальные причины возникновения различий в жизненном укладе забываются, а контрасты продолжают существовать как “конвенции”, говорит Вебер. Если члены общности верят в ее “реальное” существование, то из этого следует вывод: “Этническое единство... является не самой общностью, а лишь фактором, упрощающим возникновение общности. Оно способствует образованию самых различных, правда, как следует из опыта, прежде всего политических общностей». Так же, как и политическая общность выступает фактором формирования и поддержания этнической общности, порой поддерживая эту веру и после ее распада³. Фактически здесь Вебер ведет речь о «воображаемых сущностях», выступает с конструктивистских позиций задолго до укрепления – с легкой руки Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона и их единомышленников – конструктивистской традиции в национализмоведении.

При этом следует учитывать, что сознание собственной этнической и национальной принадлежности большую часть времени может находиться в «свернутом», спящем состоянии, не оказывая существенного и осознанного влияния на повседневное поведение его носителя, в том числе и такое, которое может быть отнесено к «социально значимому» или «политическому». Как отмечает Э.Хобсбаум, «принцип этнической принадлежности, что бы он собой ни представлял, не несет в себе ничего программного, и еще в меньшей степени является политическим понятием. В определенных обстоятельствах ему приходится выполнять политические функции, и тогда он может оказаться связанным с какой-то про-

граммой, включая националистическую... <...> Принцип этнической принадлежности, на чем бы он ни основывался – это легкий и четкий способ выражения истинного чувства групповой идентичности, которая связывает всех “нас” потому что подчеркивает наше отличие от “них”. А что у “нас” на самом деле общего, кроме того, что “мы” – не “они”, – это не так ясно...»⁴.

В последнее время в политической риторике нередко можно встретить рассуждения в терминах не столько нации или национальности, сколько культуры. Это не должно вводить нас в заблуждение, когда мы слышим в очередной раз, что культура такого-то народа, мол, является «некомплиментарной» по отношению в культуре другого народа, а соответственно, и жить-то им вместе на одной или сопредельных территориях не следует... В последнее время понятие «идентичности» в общественном сознании практически отождествилось с «культурой», отмечает, в частности, американский политолог С.Бенхабиб. Культура, в такой интерпретации, мыслится как постоянное создание, изменение и обсуждение воображаемых границ между «нами» и «другими». Более того, констатирует Бенхабиб, и собственно «мы» существует лишь в сравнении с «другим», который – пусть даже воображаемый, что не редкость! – служит своеобразным маркером отличия «самости», «self». Этот фактор сравнения, отметим, является одним из конституирующих моментов в формировании идентичности. Опасность же этой борьбы за признание связана с подспудным или явным отрицанием человеческого достоинства, прав и собственно обладания какой бы то ни было «культурой» того, чья принадлежность к «другому» очевидна. Между тем, пуризм националистических идеологов, стремящихся к очищению «своей» культуры от всего привнесенного, по Бенхабиб, сегодня как никогда лишен смысла, с учетом плотных миграционных потоков – когда «подлинные нации», «чистые» языковые группы и незамутненные этнические идентичности» особенно очевидно являются “воображаемыми сообществами”», обращаясь к знаменитой метафоре Б.Андерсона⁵.

При этом, как отмечает современный российский исследователь В.Ачкасов, для индивида именно этническая группа, к которой он принадлежит, с которой себя соотносит, представляется «тем, что важнее и больше его самого, что во многом определяет пределы и направленность его жизненных стремлений, и что

будет существовать после него»⁶. Это представление об этносе как о чем-то естественном (а для кого-то и сакральном), возможно, обусловлено тем, что этническая принадлежность ощущается большинством людей как нечто предзаданное, определенное языком, на котором ребенок начинает говорить; культурным фоном, которым он окружен с самого начала социализации... Этничность формируется стихийно, далеко не всегда она рационально отрефлексирована. Внимание к ней повышается в периоды общественной фрустрации. Так человеку свойственно «прислушиваться» к ощущениям большого органа, о наличии которого в иное время он бы и не вспомнил лишней раз. «Заболевание» такой подогретой, «температурящей» этничности – в каком-то смысле диагноз общества; симптом того, что существуют системные проблемы, препятствующие общественному консенсусу.

Таким образом, для нас важен следующий момент: в кризисные моменты жизни государства и общества все его члены испытывают повышенную потребность в уверенности и определенности, которую может дать четкая самоидентификация, а также чувство защищенности, которое дает принадлежность к группе. Поэтому так часто именно этническая идентичность выступает эффективным фактором формирования этнических групп и их социальных связей, а также может служить значимым катализатором массового поведения, в том числе политического действия – особенно, повторим, в кризисном обществе. Исследуя российскую действительность, мы должны учитывать, что советская идеология и основанная на ней практика национально-государственного строительства в значительной степени политизировали этничность, тесно связав ее с административными образованиями (о чем ниже будет сказано несколько подробнее). Примордиалистский подход к национальности при формировании границ субъектов в границах РСФСР не в последнюю очередь сработал в пользу сепаратистских тенденций первой половины 1990-х гг. А кризис идентичности, испытываемый российским обществом на протяжении более чем полутора десятка лет вследствие распада СССР, породил у значительной части этого общества острую ностальгию по государственному могуществу и национальной консолидации на фоне явной нехватки идей, способных задать положительную мобилизационную динамику. Провал сомнительного с научной точки зрения, но объ-

яснимого с политических позиций проекта «советский народ» (в литературе мы также можем встретить термин «советский суперэтнос») оказал существенное влияние на общественное сознание тех 85 % полиэтничного населения России, что идентифицируют себя сегодня в качестве русских. На смену советско-имперской идентичности пришли русская этническая и российская гражданская идентичности. В этом смысле любопытно сравнить ситуацию 1990-х гг. с положением дел на сегодняшний день.

По данным, которые приводит социолог Т.Соловей, в целом по России к концу 1990-х гг. с советскими людьми продолжало себя идентифицировать лишь 16 % респондентов, в то время как «гражданином России» себя называли 48,3 %, а «русским» – 38,4 % опрошенных⁷. Согласно выводам социологов И.Клямкина и В.Лапкина, «постсоветские» русские довольно плохо представляли, в каких формах могла бы осуществиться национальная консолидация, то есть собственно формирование нации. Поиск наиболее приемлемой формы осложнялся тем, что старые («имперские», по сути) формы ушли в прошлое, а новые еще не были найдены. В середине 1990-х гг., по мнению исследователей, ощущение русскими ущемленности своих интересов и в целом оценка своего экономического положения как неблагоприятного не стала основой этнизации социально-экономических и политических проблем. В подавляющем большинстве русские не склонны были рассматривать себя жертвами дискриминации со стороны какой-либо этнической группы. Лишь около 14 % респондентов думали о «врагах русского народа»⁸. «Имперский» народ (пусть даже и бывший), трудно было убедить в том, что источником его бед и несчастий могут быть относительно немногочисленные народы⁹. Трудно – но, как оказалось, возможно...

Чрезвычайно показательны в этом смысле результаты социологического опроса, проведенного «Левада-центром» осенью 2013 г. «Как вы относитесь к идее “Россия для русских”?», звучал главный вопрос интервью, задачей которого было не только зафиксировать нынешнее состояние общественного сознания относительно данной темы, но и проследить динамику на протяжении ряда предыдущих лет. «Поддерживаю, ее давно пора осуществить», заявили в 2002 г. 17 % жителей России, в 2006 – 17 %, 15 % были согласны с этим в 2008 г., в 2011 г. утвердительно на этот вопрос ответили

уже 19 %, к 2012 г. показатель снизился до 15 %, а осенью 2013 г. подскочил сразу до 23 %. «Ее было бы неплохо осуществить но в разумных пределах», – полагали в 2002 году 38 % респондентов, в последующие годы этот показатель колебался незначительно, а в 2013 г. согласились с этим утверждением уже 43 % ответивших. Напротив, доля тех, кто отнесся к подобной идее отрицательно, полагая, что это «настоящий фашизм», последовательно падала с 28 % в 2002 г. до 19 % в настоящее время. Сократилось и без того небольшое число тех, кто в принципе не интересуется данной проблематикой (таких всего 9 %). Почти треть (30 %) россиян испытывает сегодня неприязнь к выходцам из южных регионов России, раздражение – 25 %, и, хотя почти 40 % настроены нейтрально, все же градус негативизма очень высок; для сравнения, всего по 3 % россиян заявили об уважении или симпатии по отношению к своим соотечественникам...¹⁰.

«Россия – самая нешовинистическая страна... и в то же время страна национальных эксцессов, национализма», прозорливо заметил в свое время Н.А.Бердяев¹¹. Сегодня эта двойственность, амбивалентность российского коллективного политического сознания куда как очевидна. Национальная идентичность в России на современном этапе балансирует между, условно, «российской» и «этноориентированной». Баланс между двумя этими основаниями идентичности достаточно хрупок. Для иллюстрации этого положения обратимся к результатам исследования, проведенного в 2011 г. нашими коллегами из Института социологии РАН. Согласно выводам аналитического доклада «Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров)», определяя свою идентичность, 95 % опрошенных в стране в той или иной степени воспринимают себя как «граждане России», из них 72 % ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени». Судя по результатам опросов, это самая сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей, подчеркивают социологи. В 2011 г. российская идентичность по своей интенсивности уступала только семейной, которая для россиян на протяжении всех лет остается неизменно доминирующей. По силе связи со страной россияне оказались приближены к жителям, например, Великобритании и ФРГ (то есть, добавим, к европейскому унитарному государству с ярко выражен-

ной региональной составляющей и к классической симметричной федерации). При этом, несмотря на то, что 72 % опрошенных ощущали сильную связь именно в российской идентичности, все же до 60 % указали и на сильную связь по этническому и локальному признаку (в особенности в 2011 г. это казалось представителям нерусских этнических групп).

Можем ли мы говорить о наличии оснований для дезинтеграционных процессов по признаку идентичности, если первоначальные результаты свидетельствуют о достаточно высокой степени укорененности ее гражданской вариации? Тот момент, что вызывает некоторую тревожность: солидаризация с представителями своей группы во многом основана на чувстве обиды: например, 62 % респондентов согласились с утверждением, что «люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет», причем среди этнических русских эта точка зрения более распространена, чем среди представителей других этнокультурных групп – 64 % против 44 % соответственно. Не будем забывать о том, что в России по сравнению с СССР очень существенно изменился этнический состав населения: в Советском Союзе русские составляли 51 %, теперь в России – около 80 %, если ориентироваться на результаты переписи.

В ходе исследования респондентам также был задан вопрос: «То, что в России живут люди разных национальностей, это скорее преимущество для развития страны или скорее проблема?». Это обстоятельство считали преимуществом 16 %; позиция «и то и другое» была самая распространенная и набрала – 41 %, а 28 % полагали, что это «скорее проблема», причем такого мнения придерживаются и русские, и, несколько реже, представители других этнических групп (29 % и 21 % соответственно). То, что государство общий дом для российских народов, и все они должны обладать равными правами, никто не должен иметь никаких преимуществ, остается наиболее распространенным мнением, но оно с каждым годом получает все меньше поддержки, констатируют социологи. Если в 1990-е гг. такой позиции придерживались 64–65 %, то в 2000-е гг. доля ее сторонников сокращалась: с 61 % в 2001 г. до 47 % в 2011 г. выросло, напротив, число тех, кто полагает, что «Россия многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав», выросла вдвое (с 14 %

до 31 %), а вместе с теми, кто считает, что «Россия должна быть государством русских людей» они составили 45 % (25 % в 1995 г.). В целом, говоря о своей привязанности к этнической идентичности, 79 % разделяют мнение, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности», а 82 % отнесли себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности»...¹².

Ситуацию, в которой оказались народы бывшего Советского Союза, часть которых вступила на путь государственного самоопределения под лозунгами и флагами национального возрождения, российский этнолог, заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН Михаил Губогло называет «лабиринтовой» (парадоксальной)¹³. Граждане России, так же, как и их бывшие соотечественники по Союзу, столкнулись с необходимостью искать выход из этой ситуации. Необходимость эта оказалась еще острее ввиду своеобразия административно-политического устройства Российской Федерации – отчасти этим обстоятельством можно объяснить запуск механизма этнической мобилизации в современном российском обществе. Этническая принадлежность оказалась чрезвычайно политизированной, выйдя далеко за пределы культурной, исторической, отчасти конфессиональной составляющей (хотя в последние годы на фоне ползучей клерикализации мы можем наблюдать, наоборот, интенсификацию попыток «привязать» этничность к конфессиональной принадлежности).

Вопрос о специфическом характере российского федерализма – отдельная, широкомасштабная проблема. Мы лишь вкратце коснемся ее в том аспекте, который представляет интерес в свете рассматриваемой нами темы. С формальной точки зрения, Российская Федерация включает в себя по ситуации на 2013 г. 83 субъекта федерации, из них: 46 областей, 21 республика, 9 краев, 2 города федерального значения, 1 автономная область, 4 автономных округа. По своему характеру Российская Федерация серьезно отличается от других федеративных государств мира, таких, как, например, ФРГ или США, где субъекты федерации – земли, штаты и т. д. – в юридическом отношении совершенно равноправны. В России, напротив, регионы имеют разный юридический статус. Современное положение дел наследует системе административно-территориального деления, заложенного еще в раннесоветское время: федерация в России была провозглашена 25 января 1918 г. III Всероссий-

ским съездом Советов в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. (Стоит, правда, отметить, что провозглашение страны федерацией имело место и ранее. Учредительное собрание России в своей короткой резолюции от 6 (18) января 1918 г. закрепило: «Именем народов, государство российское составляющих, Всероссийское Учредительное Собрание постановляет: государство российское провозглашается Российской Демократической федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные»). Придание статуса республик отдельным субъектам федерации базировалось не на территориальном принципе, а именно на этническом: отсюда термин «титульная нация», не преодоленный до сих пор народ, этническая группа, название которой определяло официальное наименование определенной административно-территориальной единицы (ССР, автономной республики, автономной области или автономного округа). Загвоздка заключалась в том, что в этих субъектах федерации представители «коренных народов» не составляли большинства, но при этом происходила так называемая «коренизация» кадров. Сегодня мы также имеем дело и со своеобразным процессом «некоренизации», и с социальными конфликтами, которые чрезвычайно быстро обрастают этническими, националистическими «подробностями. При этом субъектами-носителями идей радикального национализма могут выступать как представители русского, так и нерусского населения; наряду с массой случаев кавказофобии, исламофобии, антикитайских и прочих «анти-» настроений, в ряде регионов на протяжении многих лет фиксируются случаи негативного отношения к русскому населению. Так, например, в аналитическом докладе «О русофобии явной и мнимой», изданным Московским бюро по правам человека в конце 2005 г., отмечается, что проявления дискриминации при кадровых назначениях в национальных республиках в составе России. Практически везде в этих регионах верхний слой назначенцев составляют исключительно представители титульной нации. В Татарстане, например, татары составляют около 50 % населения республики, среди руководителей высшего и среднего звена представителями татарского этноса занято от 75 до 85 % кресел. Во многих республиках полуофициально провозглашалась линия на «коренизацию» руководящих кадров. В Адыгее

не титульное население составляет почти 80 %, а представители титульной нации занимают практически все руководящие посты. Подобные явления берут начало еще в период становления новейшей российской государственности: тот же Татарстан, претендовавший в 1990-е на статус “ассоциированного государства”, стал фактическим воплощением сепаратизма элит. В 1992 г. Татарстан отказался подписывать Федеративный договор, в республике не проводился референдум по Конституции. Ряд республиканских законов не соответствовали федеральным, российский бизнес не имел доступа в Татарстан, при том, что республика имела существенные преференции по налогообложению. Татарстан был объявлен его руководством самообеспеченным, экономически независимым ни от кого государством. В частности, советник экс-президента республики Минтимера Шаймиева по политическим вопросам Рафаэль Хакимов, которого ряд экспертов называет “идеологом отделения тюркского мира от России”, настаивал на тезисе о “незащищенности прав нерусских народов”, пропагандируя идею о правомочности “республиканского суверенитета” и асимметричной федерации. В начале 1990-х гг. серьезно стоял вопрос о суверенитете Татарстана.

Впрочем, Татарстан – не единственный регион, где антирусские настроения сильны или были сильны до недавнего времени. Например, в Якутии при содействии премьер-министра Егора Борисова и депутата республиканского парламента от компании «АЛРОСА» Михаила Эверстова в 2003 г. начала издаваться газета «Якутск вечерний», многие материалы которой содержали в себе радикальную антирусскую и антисемитскую риторику¹⁴. В Башкортостане действуют Башкирский национальный центр «Урал» и Союз башкирской молодежи, выступающие с крайних националистических позиций: например, они протестовали против принятого в 2002 г. решения Верховного Суда Башкортостана об отмене 28 статей Конституции РБ и 16 положений республиканских законов, противоречащих федеральному законодательству. В Мордовии (где количество русских составляет около 60 % от всего населения) также существует определенный сегмент антирусских общественных настроений. Так, например, по данным экспертов МБПЧ председатель республиканского общественного фонда спасения эрзянского языка Г.Мусалев в своих выступлениях обвиняет

российские власти в проведении «шовинистически-фашистской» идеологии и подавлении эрзянской культуры. А руководитель национальной общины «Эрзянь Матор» Е. Четвергов обвиняет русских в геноциде эрзянского народа. В Республике Горный Алтай, где, по официальным данным, алтайцы составляют 30 % населения республики, представители местного законодательного собрания – Курултая – в конце 2005 года требовали, чтобы на пост главы региона мог баллотироваться только этнический алтаец¹⁵. Конечно, такой «верхушечный» национализм местных властей и общественных организаций не может быть признан радикальным, однако именно он задает общий настрой в регионе, а значит, может служить катализатором «низовой» ксенофобии. Со стороны русского населения по отношению к своим соотечественникам с нерусской этнической принадлежностью фактов проявления дискриминации по принципу этнической принадлежности также более чем достаточно. Отчасти мы могли в этом убедиться благодаря результатам социологических опросов, приведенных выше. Да и представить на посту президента России якута или калмыка пока тоже затруднительно. Пришествию российского Барака Обамы в ближайшие годы ждать точно не стоит.

Все это происходит в условиях серьезного дефицита объединяющих смыслов, специфического «идейного голода». С одной стороны, можно заметить, что в современной России на уровне государственной власти ведется поиск национальной идеи, формировании некоего общего социокультурного фона, отчетливо основанного на одном из вариантов существующего в обществе исторического мифа. В данном случае, имперско-советского, с существенной примесью официозного православия. Но этот вариант фактически не работоспособен, так как имеется, наряду с этим, серьезный социальный запрос на локализацию мифа в границах отдельных субъектов Федерации (по инициативе местных адептов националистических теорий). Один из последних сюжетов политической жизни – предложение депутата Госдумы Елены Мизулиной в ходе обсуждения на заседании Межфракционной депутатской группы Государственной Думы в защиту христианских ценностей о возможности внесения в преамбулу Конституции идеи о том, что православие является основой национальной и культурной самобытности России...¹⁶. Не вызывает удивления,

что правительство Чеченской республики незамедлительно высказалось против идеи Мизулиной: «Только безумец может отрицать огромное влияние православия в истории России. Однако это еще не повод для того, чтобы в основном законе страны обойти молчанием роль и значение ислама, который также является неотъемлемой частью исторического наследия народов России и вторым по распространенности в обществе вероисповеданием», – говорится в экспертном заключении департамента по связям с религиозными и общественными организациями администрации главы и правительства Чечни¹⁷. Но ведь есть еще огромный пласт населения, которому чужд любой клерикализм, об этом нельзя забывать – это *de facto*; *de jure* Россия по-прежнему остается светским государством, и едва ли религиозная идея может лечь в основу идеи национальной интеграции (а не дезинтеграции, что как раз более вероятно). Что в итоге? Пока можно говорить о том, что есть некий запас социальной «упругости», благодаря которой миф не усваивается, не впитывается. Насколько хватит этого запаса – вопрос спорный.

Есть смысл поразмышлять о том, насколько существующие в российском обществе противоречия можно было бы преодолеть или хотя бы притушить с помощью модели мультикультурализма. Если попытаться суммировать основные принципы этой схемы организации общественных отношений, то следует выделить несколько моментов: мультикультурализм предполагает «интеграцию без ассимиляции», то есть отказ от ассимиляционной политики, целью которой являлась бы культурная стандартизация, гомогенизация населения; право социальных, этнических, религиозных и других групп на сохранение особенностей своего образа жизни, обычаев и прочих практик, продиктованных культурной спецификой. В каком-то смысле, примат индивида, провозглашенный классическим либерализмом, расширяется в пользу «коллективного индивида» – культурно уникальной группы. Таков, в общих чертах, мультикультурализм в «чистом» виде, в каком он был задуман и воплощен в жизнь в 1960–1970-е гг. сперва в Канаде, а потом и в других странах, в том числе и европейских. По мере своего развития неоднозначность самой стратегии мультикультурализма становилась достаточно очевидной; это, в частности, дало основание профессору Лондонской школы экономики Ч.Кукатасу говорить о существовании на сегодняшний день различных вариантов

реакции общества на культурное многообразие. Исследователь выделяет пять основных типов реакции: изоляционизм, которые сводится к попыткам не допустить возникновения культурного многообразия, лишив посторонних права въезда в страну и проживания в ней – особенно посторонних, отличающихся от основного населения в культурном плане; ассимиляторство, допускающее в страну приезжих, но при этом предполагающее политику их ассимиляции, ограничивая тем самым масштабы влияния посторонних на культуру принимающего общества; «мягкий мультикультурализм» и спокойное отношение к тому, что меньшинства остаются «неинтегрированными»; «жесткий мультикультурализм», при котором основной тактикой становится поощрение и поддержка меньшинств как финансовыми средствами (при необходимости), так и путем предоставления культурным меньшинствам особых прав; и, наконец, апартеид, который не закрывает представителям культурных меньшинств доступ в страну, но предусматривает полный запрет на их ассимиляцию¹⁸.

Такой широкий (и, вероятно, не исчерпывающий) перечень свидетельствует о том, мультикультурализм эволюционирует не только во времени, но и в пространстве: о судьбах мультикультурного проекта сегодня говорят политики во многих странах мира. Не оказался он обойденным и в российской политической риторике. Сошлемся лишь на точку зрения, высказанную президентом России Владимиром Путиным на заседании клуба «Валдай» в сентябре 2013 г.: мультикультурализм, как «во многом привнесенная, искусственно сверху внедряемая модель», по мысли Путина, связывается в западном мире с колониальным прошлым, а значит, с российской историей ничего общего не имеет. В качестве альтернативного сценария Путин предлагает специфический вариант политиккультурного развития, ссылаясь на ту самую «цветущую сложность», о которой в свое время говорил Константин Леонтьев. В русле консервативного тренда, который на протяжении ряда лет является доминирующим в официальной политике России, эти рассуждения выглядят вполне логичными. Но не менее интересен и своеобразный компромиссный поворот: уточнение, согласно которому «идентификация исключительно через этнос, религию в крупнейшем государстве с полиэтническим составом населения, безусловно, невозможна», а единственным условием сохранения

единства, залогом интеграции является «формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями...».

На наш взгляд, целесообразно на фоне той критики мультикультурного проекта, которая сегодня раздается «слева» и «справа» в российской политической риторике, усмотреть естественные основания для укоренения в российском политическом сознании – и в политической практике – мультикультурных механизмов, которые, возможно, стали бы неплохим подспорьем для преодоления существующей на сегодняшний день тенденции к дезинтеграции.

Во-первых, рассуждая о возможности реализации мультикультурных стратегий в современной России, выделим ключевой момент: следует более четко различать самобытность и автономию. Автономизация ведет к формированию замкнутых кластеров, мало склонных к взаимодействию между собой (С.Бенхабиб именуется этот эффект «мозаичным мультикультурализмом»). Люди перестают друг друга понимать (в т. ч. в буквальном смысле, незнания языка), и подобная ситуация не всегда является следствием дефицита ассимиляционных практик, а порой и напротив – курса на тотальную ассимиляцию без учета различий. На это, например, указывает В.Малахов, взяв в качестве примера французскую мультикультурную модель, в рамках которой провозглашается полное правовое равенство мигрантов с «коренными французами», но следствием этого равенства *de jure* становится неспособность преодолеть *de facto* маргинализацию и геттоизацию инокультурных мигрантов на фоне «этнической индифферентности официального политического дискурса»¹⁹. Вряд ли стоит жалеть о таком мультикультурализме. Ошибка состоит и в том, чтобы извне рассматривать культуры как константные целостности, не подлежащие изменению. Но как, в таком случае, возможна взаимная «притирка» культурных различий в рамках политико-правовых институтов и практик?

Более продуктивно было бы трактовать мультикультурализм не как диалог культур (без гарантий того, что стороны смогут не только слушать, но и слышать друг друга), а как культуру диалога социальных, этнических, конфессиональных групп на основании

общей идеи со-гражданства; не отрицать мультикультурализм, аргументируя это якобы наличествующим мировым «кризисом» этой модели общественного устройства, но пересмотреть его на общих основаниях, имея в виду взаимоуважение с принятием общезначимых ценностей, без которых невозможно нормальное общежитие. Сформулируем это так: общество предстает в виде своеобразной дроби, в числителе которой всегда будут культурные, этнические, национальные частности. Но в знаменателе ее – общезначимые ценности демократизма, социальной справедливости, правового и фактического равенства, которые в полной мере способны стать основанием для интеграции общества.

Предполагая, что почва для укоренения мультикультурных стратегий в России гораздо более плодотворная, чем принято думать, отметим два концептуальных сюжета. Во-первых, говоря о специфике политической культуры России, действительно невозможно игнорировать ее прошлое в качестве империи. Российская империя – государство, возникшее на основе русского этнического ядра, но ставшее в результате завоевания многочисленных и разнородных государств и народов полиэтничным, справедливо отмечает современный отечественный историк и философ Д. Фурман²⁰. Более того: на наш взгляд, само имперское прошлое России в каком-то смысле обеспечило ей прививку от национализма как этноцентризма! В сущности, принцип имперства преодолевает принцип этничности, возносится над ним: как по этому поводу отмечает А. Кара-Мурза, в таком условно-модельном государстве, идеальной Империи все жители ее, независимо от этноса, являются ее подданными и в этом смысле равны, а к верховной власти (как это и бывало неоднократно в Римской империи) вполне могут приходиться и «иностранцы»²¹ (в этом смысле, кстати, советское государство со своей политикой «коренизации» управленческих кадров этот момент даже акцентировало: возможность случайного толка стала осознанной политической инициативой). Принцип служения государству, «государеву делу», таким образом, оказывается в империи доминирующим. Представляется, что для России этот опыт стал весьма ценным. Более того, те тревожные признаки растущего этнонационализма, которые мы наблюдаем сегодня (вплоть до возрастающей популярности “Русских маршей”, которые, по статистике, поддерживает до 50 % населения²²), не только не являют-

ся следованием исторической традиции российского государства, но и прямо противоречат ей. Сложно не согласиться с замечанием российского культуролога, этнопсихолога С.Лурье, согласно которому национализм имперского народа, стремление выделить для себя какое-то исключительное место, поставить собственный «национальный интерес» или, того хуже, собственную этничность, выше имперского принципа имеет своим следствием не только неизбежную деструкцию империи, но и распад народа...²³.

Отметим второй момент, который представляется нам немало важным. Несмотря на то, что как идея и практика мультикультурализм возник в Канаде в 1970-х годах, еще раньше весьма схожие ценности логичным образом дополняли принципы интернационализма – одного из самых устойчивых оснований советской общественно-политической модели.

Выше мы уже упомянули о том, что политическая идея России, в том виде, в котором она декларируется современной российской властью, востребовала немалое число советских политических мифов (помимо тех, что перекочевали еще из политической риторики дореволюционной, царской России). Так вот, интернационализм, хорошо зарекомендовавший себя в советском обществе, мог бы, на наш взгляд, вновь вернуться в арсенал политической теории и практики – уже на постсоветском этапе. Складывается впечатление, что термин этот утратил популярность именно из-за того, что прочно ассоциируется с советским прошлым. Мы, со своей стороны, ничего страшного в этом не усматриваем. Более того, отмечает современный российский политолог С.Черняховский, именно его подчас обвиняют в разделе страны в начале 1990-х годов, утверждая, что именно его постулаты, положенные в основу создания СССР, заложили мину его будущего разрушения²⁴. Конечно, если интернационализмом прикрывать попытки поддерживать либо, как минимум, благожелательно относиться к сепаратизму и регионализму разного толка, то так можно скомпрометировать его практически безнадежно. Сегодня концепция интернационализма, конечно, нуждается в некоторой демифологизации, для того, чтобы вновь стать рабочим инструментом. С.Черняховский совершенно справедливо указывает на то, что тезис о «самоопределении вплоть до отделения» совершенно не предполагает заложенной в интернационализме злонамеренности по отношению к целостно-

сти государства. Во многом такое представление сложилось из-за неправильной интерпретации слов В.И.Ленина, который, между тем, говорил не только о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения», но и о том, что это право регулируется вопросом целесообразности этого отделения, и о том, что «при прочих равных мы всегда против федерации, мы за унитарное государство», и, более того, именовал федеративные отношения «мещанским идеалом», пережитком «средневекового партикуляризма»²⁵! Также не идентичны интернационализм и, скажем, космополитизм.

Сделаем предположение: «новый интернационализм» как российский вариант мультикультурализма мог бы стать тем эффективным механизмом, который стоило бы взять на вооружение, лавируя в лабиринтах асимметричной федерации, «мобилизованной этничности» регионов, постимперских обид и отсутствия внятной концепции общественно-политического развития. Освобождение понятия интернационализма от ассоциаций только лишь с «пролетарским интернационализмом» и наполнение его идеями более широкой социальной солидарности, которая не игнорирует фактор культурного разнообразия, но и не политизирует его без необходимости – вот, на наш взгляд, тот идейный каркас, на который можно было бы наращивать «мясо» конкретных политических решений.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой Россия давно и по-прежнему «вписана» в семью европейских государств, и российский политический процесс, при всей своей специфике, является европейским по своему характеру. В этом смысле интересна точка зрения, которую высказывает известный американский политолог Ф.Фукуяма. По его мнению, после несостоявшегося «конца истории», в начале XXI в. старые европейские национальные идентичности не исчезли, и на фоне небеспроблемной, но все же продолжающейся европейской интеграции люди «все еще довольно сильно ощущают, что значит быть британцем, или французом, или голландцем, или итальянцем, даже если признаваться в этих сильных чувствах становится не вполне политкорректным». Особенно при сравнении с Америкой становится очевидно, что национальные идентичности в Европе в большей степени основаны на этнической принадлежности. «Хотя все европейские страны выражают свою приверженность идее политического гражданства наравне с США, эта приверженность не всегда с легкостью пре-

творяется в ощущаемое равенство граждан именно потому, что этническое происхождение все еще имеет серьезное значение», – констатирует Фукуяма²⁶.

Применительно к России, это утверждение, как представляется, также звучит достаточно справедливо: значимость этнической принадлежности, привязанности к земле, к традиции землячества, невозможно сбрасывать со счетов, когда мы анализируем особенности российского коллективного сознания. Очевидно, что модель «плавильного котла», до какой-то степени возможная для государств, которые изначально строились как принимающие сообщества, невозпроизводима в условиях и Европы в целом, и России в частности. При этом нельзя не признать, что Россия в ряду европейских соседей по истории, культуре, стоит несколько особняком. Российское государство за века своего существования вполне освоило и имперский проект, и имеет интересный, даже, можно сказать, поучительный, опыт построения советского социалистического государства, которому также нередко пытаются приписать имперские черты... Сегодня российское государство балансирует между тремя опорными точками: воспроизводства в каком бы то ни было виде «имперской» структуры (с соответствующей концептуальной, идеологической подложкой); такой расстановки акцентов, при которой этнический фактор будет иметь не только культурный, но и выраженный политический характер в пользу «титularных наций»; или же дальнейшего стремления построения гражданской нации – с возможной реконфигурацией федеративного устройства и переосмыслением ценностей интернационализма с учетом современных общественно-политических реалий. Именно этот, последний, путь представляется нам и своевременным, и реалистичным: сочетающим в себе учет политической традиции с вызовами современности; принципы политической целесообразности с принципами политической же морали.

Примечания

- ¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm).
- ² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

- 3 Вебер М. Отношения этнической общности // Журн. социологии и соц. антропологии. 2004. № 2. Т. VII.
- 4 Хобсбаум Э.Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм // Нации и национализм. М., 2002. С. 337.
- 5 Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.
- 6 Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журн. социологии и соц. антропологии. 1999. Т. II. Вып. 1.
- 7 Соловей Т. Русские мифы в современном контексте // Базовые ценности россиян. М., 2003.
- 8 Клямкин И., Лапкин В. Русский вопрос в России // Полис 1995. № 5.
- 9 Клямкин И., Лапкин В. Русский вопрос в России // Полис. 1996. № 1.
- 10 Россияне о миграции и межнациональной напряженности (<http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti>).
- 11 Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. М., 1991.
- 12 Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): Аналит. докл. М., 2011. С. 201–207.
- 13 Губогло М. Язык и этническая мобилизация // Семинар «Этнический фактор в федерализации России», 18 янв. 2000 г. (<http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar3/guboglo.htm>),
- 14 Ротарев И. Якутские корешки // Новая газ. № 8. 27.11.2003.
- 15 Чарный С. О русофобии явной и мнимой // Аналит. докл. Моск. бюро по правам человека.
- 16 Состоялось заседание Межфракционной депутатской группы Государственной Думы в защиту христианских ценностей (<http://www.duma.gov.ru/news/273/479687/>).
- 17 Правительство Чечни против идеи Мизулиной включить православие в Конституцию (<http://www.vedomosti.ru/politics/news/19369981/pravitelstvo-chechni-protiv-idei-mizulinoj-vklyuchit#ixzz2m8U6nocT>).
- 18 Кукалас Ч. Теоретические основы мультикультурализма (<http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/>).
- 19 Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С.Малахова и В.А.Тишкова. М., 2002. С. 48–60.
- 20 Фурман Д. От Российской империи к русскому демократическому государству // Неприкосновенный запас. 2010. № 5(73).
- 21 Кара-Мурза А. Россия в треугольнике «Этнократия – империя – нация» (<http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/inoe/kmrz.htm>).
- 22 «Русские марши» поддерживают более половины интернет-пользователей: опрос ИА REGNUM (<http://www.regnum.ru/news/1730063.html>).
- 23 Лурье С. Империя как судьба (<http://do.gendocs.ru/docs/index-140030.html>).
- 24 Черняховский С. Интернационализм сегодня (<http://left.ru/2006/10/chernyahovsky144.phtml>).
- 25 Ленин В.И. Соч. Т. 20. С. 28, 202.
- 26 Фукуяма Ф. Идентичность и иммиграция (<http://n-europe.eu/content/index.php?p=1290>).

Публичная философия сегодня: между академической философией и идеологиями политических движений

В ходе серии обсуждений темы «Философия в публичном пространстве», состоявшихся в последнее время в Институте философии РАН¹, в центре внимания неизменно оказывались вопросы политического характера. Это конечно не случайно и требует внимательного изучения. Почему, когда говорят, что академическая (профессиональная) философия плохо представлена в публичном пространстве российского общества, с чем в основном все участники дискуссий были согласны, то, прежде всего, имеется в виду политическая тематика, жизненно значимая для самых различных слоев российского общества? Как в реальной ситуации академическая философия может более активно и целенаправленно включаться в публичную жизнь? А, с другой стороны, кому нужна сегодня академическая философия, кто к ней проявляет интерес, что в ней ищет публика и почему академическая философия не имеет возможностей удовлетворить запросы тех, кто хотел бы получить от нее глубокие и исчерпывающие ответы на все, как они полагают, острые и болезненные вопросы сегодняшнего дня?

Публичный интерес к философии проявляется по-разному. Одно из проявлений подобного интереса – прагматистско-вопросительное. Общество вправе знать, зачем нужна академическая (профессиональная) философия, почему на нее нужно тратить деньги налогоплательщика. Но в целом публика всегда испытывала и испытывает постоянное любопытство и интерес к тому, о чем пишут и спорят философы. В недавнем прошлом он в значи-

тельной степени удовлетворялся публичными лекциями известных философов, изданием многочисленных популярных книг и брошюр. Высоко ценились и ценятся те авторы, которые умеют рассказывать о профессиональных занятиях философов доступно и занимательно.

В последнее время в ответ на критику со стороны общества философия заметно расширила формы своей активности в обществе. Философы стали искать и находить новые публичные площадки для открытых дискуссий, устраивать пиар-акции, выступать в больших аудиториях и отвечать на вопросы со стороны не всегда доброжелательной публики.

Общество, кажется, привыкло к сугубо прагматистскому использованию понятия философии. Постмодернистская культура особенно преуспела в создании целого ряда микрофилософий. Появились философии обуви, автомобиля, шопинга, еды и много чего другого. Дорогая обувь ручной работы от Маноло Банник, как свидетельствует реклама, есть философия высокого стиля. В последнее время практически к любой профессии, тем более к повседневным социальным практикам, дизайнеры способны придумать красивую философскую виньетку. Мода на философию стала знаковой приметой времени. Но самая главная особенность последних десятилетий состоит в том, что взаимоотношения между публичной сферой жизни и социально-гуманитарными науками, в том числе и философией, претерпевают фундаментальные изменения.

Новые формы общественной, публичной активности социально-гуманитарных наук: публичная социология, публичная история и публичная политология

В.М.Межуев в своем выступлении при обсуждении проблем философии в публичном пространстве говорил о резком возрастании интереса публики к гуманитарному знанию и привел в качестве примера такое новое явление в общественной мысли как публичная социология. Интересно, что помимо публичной социологии в последние десятилетия появились публичная история, публичная медицина, целый ряд других «публичных» дисциплин, не говоря уже про публичную политику, с появления которой, кажется, и начался этот процесс.

В чем же заключается смысл публичной социологии? Ответ на этот вопрос весьма поучителен для решения поставленной в статье проблемы. Профессор Калифорнийского университета М.Буравой в своей, ставшей широко известной, статье «За публичную социологию», высказался за разделение социологического знания на четыре типа: на академическую, критическую, публичную и прикладную социологию². В самом общем смысле публичная социология появляется, когда социология вступает в диалог с группами общественности.

Традиционная публичная социология существует давно. Например, когда социологи высказывают свое мнение на страницах влиятельных газет и журналов, комментируют вопросы общественной значимости. Многие работы социологов на актуальные темы вызывают оживленные дискуссии, – о характере общества, его болезнях и тенденциях, о разрыве между обещаниями и реальностью. Что касается прикладной социологии, то она служит достижению цели, обозначенной клиентом или заказчиком. Смысл прикладной социологии заключается в решении поставленных перед социологами конкретных задач или легитимации, оправданию в глазах общества уже принятых решений. Современная публичная социология, как пишет автор, носит органический характер. Публичная социология взаимодействует с конкретными организациями рабочего движения, правозащитными организациями, религиозными группами, соседскими или другими местными объединениями с целью вывести их деятельность из замкнутой на себя сферы в публичное пространство, сделать их идеи и деятельность видимой. Нужно научиться и быть готовыми взаимодействовать с ними через открытый диалог, свободное и равное участие, когда нет единой нормативной системы ценностей. Другими словами, вести диалог в рамках социологически поставленной проблемы и при помощи социологии. Более того, социолог может создавать активно действующие группы общественности, направленные на решение той или иной социальной проблемы. Так что «коммуникативное действие» Ю.Хабермаса, подчеркивает М.Буравой, не есть нечто задаваемое обществом изначально. Его порой очень сложно организовать и поддерживать. В этих рассуждениях можно усмотреть прямую связь между растущим многообразием деятельности институтов гражданского общества и развитием публичной социологии.

Профессиональная социология не является врагом публичной или прикладной социологии, а *sine qua non* – непременным условием их существования, она выступает в качестве источника легитимности и экспертизы для публичной и прикладной социологии. М.Буравой пишет, что один из главных вопросов, который ставит критическая социология, звучит следующим образом: «Социология для чего?» Действительно ли нам нужно заботиться о конечных целях общества, или только о способах достижения уже поставленных целей? Это именно то отличие, которое подчеркивает дискуссия Макса Вебера о технической и ценностной рациональности»³.

Один тип знания М.Буравой называет инструментальным знанием, будь то решение задач в профессиональной социологии или решение задачи прикладных социологических исследований. Другой тип – рефлексивное знание, оно связано с диалогом о конечных целях, будь то диалог внутри академического сообщества об основах его исследовательских программ или между академическим сообществом и различными общественными и политическими группами о направлении, в котором движется общество. Рефлексивное знание задает вопросы о ценностных ориентирах общества и смысле профессии социолога. Публичная социология является именно таким знанием.

Важно отметить, что в дискуссиях отечественных социологов по поводу точки зрения М.Буравого, идея четкого отделения публичной социологии от прикладной не получила пока должного внимания и дальнейшего развития⁴. Граница между ними остается размытой и неотрефлексированной.

Вывод, который можно сделать из весьма краткого рассмотрения публичной социологии, состоит в следующем. Социологи изучают созданные людьми самостоятельные организации с тем, чтобы не просто показать обществу цели, задачи, формы и способы их деятельности. Рассматривая особенности включения организаций в социальные процессы, они постоянно сотрудничают с ними, и если удастся, конечно, установить контакт, обозначают для них угрозы и перспективы, создают конкретное динамически меняющееся социологическое знание применительно к сложившейся ситуации и таким образом, становятся публичными социологами. Это знание помогает руководителям, активным

участникам организаций расширять горизонты восприятия окружающей среды, многообразие ценностей и интересов, учит их действовать эффективно и творчески. Научившись мыслить социологически рефлексивно, они не отказываются от своих целей и задач, но могут стать способными при изменении конкретных обстоятельств пересматривать их. Как мы увидим ниже, перед нами возникает некоторая матрица становления публичной формы конкретного социально-гуманитарного знания в ходе взаимодействия субъектов этого знания с общественными организациями в публичном пространстве, Это заключение, однако, требует дополнительных обоснований.

Несколько иная ситуация сложилась вокруг публичной истории. Понимание целей и задач публичной истории трактуется в ином ключе. Обращает на себя внимание программная статья «Прикладная история или публичное измерение прошлого», опубликованная недавно группой немецких ученых. Публичная история – сравнительно новая отрасль знания, которая занята переводом исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, т. е. знания, предназначенного для понимания и дальнейшего употребления широкой аудиторией. Другими словами, публичная история – это курс истории для неспециалистов, которым нужны сведения для выполнения коммерческих или просветительских программ. Например, для оформления выставок, музеев и т. д. Публичная история появилась в начале XX в. в Германии и во второй половине XX в. получила широкое распространение во всем мире. К примеру, созданное в Университете Гейдельберга в 2010 г. направление «Public History» занимается выпуском историков, которые хотели бы работать во внеуниверситетской сфере, например, в издательском деле, СМИ и музеях. В России также созданы в некоторых высших учебных заведениях учебные курсы по «public history». **Проблема четкого разграничения публичной истории и прикладной истории становится все более значимой, и она решается немецкими авторами следующим образом:** «Хотя public history и прикладная история, без сомнения, пересекаются как в своей ориентированности на практику, так и в исследовательском интересе, плодотворной может оказаться попытка разграничить их. ...В отличие от public history, которая в основном занимается изложением исторических тем в публичной

сфере, в случае прикладной истории следует обратить внимание на субъекты и возможности их сотрудничества»⁵. Прикладная история, по мнению авторов, выступает как диалог между обществом и академической наукой, как точка пересечения между ними. Речь идет о специфическом субъектноцентричном подходе к историческому знанию.

В этом случае получается так, что именно прикладная, а не публичная история должна осуществлять функцию связи между общественным интересом к прошлому, академическим воспроизводством исторического знания и политически мотивированным созданием коллективной истории. Авторы считают, что существует необходимость вовлекать в процесс формирования исторического знания самые различные общественные группы с их собственными интересами, компетенциями и перспективами. Более того, и, пожалуй, это самое главное в их позиции, «через работу различных субъектов непрерывно формируется, политизируется, коммерциализируется и медиализируется история»⁶. Это означает, что академическая наука должна в большей степени ориентироваться на настоящие потребности общества и приобщать к истории активных субъектов гражданского общества. Новизна ситуации несомненна, и она в некоторой степени опасна для академической науки. «В этом случае ученые не должны в качестве экспертов высказываться над историями других. Следовательно, они должны не рассказывать, “как было на самом деле” (Леопольд фон Ранке), а скорее предлагать научную экспертизу, делать ее применимой для неспециалистов»⁷.

Другими словами, конкретные практики, как политические, так и коммерческие, не только формируют задачи, которые подлежат решению в рамках академической науки, но и выражают свое нежелание находиться под академической наукой.

Ситуация в исторической сфере знания изложена в другой терминологии, но дело здесь не столько в терминологии. Сложившаяся ситуация заметна отлична от предыдущей. Настойчивые желания организаций гражданского общества влиять на формирование исторического знания приобретает зримой оттенок конфронтации между академической наукой и претензиями этих организаций, что нередко становится темой публичных дискуссий и ожесточенных споров. Должны ли профессиональные историки обучать ак-

тивистов исторических организаций или нет? Даже при написании истории коммерческой компании, родного края, области или села нужны ли профессиональные знания или достаточно честности и аккуратности в работе с документами и артефактами? Не слишком ли далеко идут претензии самодеятельных активистов? Вряд ли стоит поддерживать идею закрытости профессионального знания историков. Но необходимо видеть различие между требованиями коррекции этого знания, идущими от публичных самодеятельных организаций, и необходимостью тех изменений в знании, масштаб которых задается характером происходящих сдвигов в самосознании общества, т. е. в его культуре, научной сфере, философии.

Интересная ситуация сложилась в сфере политического знания. Общепринято разделение на фундаментальную, теоретическую и прикладную политологию, но обращает на себя внимание отсутствие выделения на этом фоне публичной политологии как специфического типа знания, хотя в общественной и политической жизни, несомненно, можно найти то, что можно было бы отнести к сфере проявления публичной политологии.

Теоретическая политология изучает политическую сферу жизни общества во всем её многообразии, создает целостную систему знания, которое дает описание, объяснение и понимание процессов политического развития, разрабатывает с этой целью понятийный аппарат, методологию и методы политологического исследования. Что касается, прикладной политологии, то она, прежде всего, занята поиском решений конкретных вопросов, встающих перед отдельными субъектами политических процессов в определенных временных рамках. Прикладная политология анализирует конкретные политические процессы и события, формулирует свои предложения и рекомендации тем или иным субъектам для принятия ими политических решений. Другими словами, прикладная политология всегда проблемно ориентирована на заказчика в широком смысле этого слова, и в ней можно выявить некоторые конкретные формы деятельности, похожие на формы публичной политологии.

Известно, что в России развитие и укрепление государства и власти далеко не всегда сопровождалось расширением публичного пространства политики. Вместо проведения широкой публичной политики власть в России постоянно стремится к тому,

чтобы представлять наиболее важные вопросы общественной жизни не как политические, а как вопросы государственно-административного характера. Это имело место в имперские и советские времена, и сегодня наблюдается тот же самый тренд. К примеру, Госдума, вопреки мнению оппозиционных партий очень часто выступает в роли «приводного ремня» президентско-правительственной вертикали власти. Постоянное стремление власти свести публичную политику к ментальному и информационному инструменту действующей власти, дополнив ее дозированным участием системных оппозиционных политиков, т. е. политиков, допущенных играть роль оппозиции, выглядит для неё заманчиво простым делом. Элементы публичной политики становятся надежным прикрытием для непрозрачности самой власти. С одной стороны, власть постоянно формирует наиболее резонансные и выигрышные для нее дела. В то время как многие её действия намеренно ведут к вытеснению из общественного сознания тех решений, которые непопулярны или оказались провальными. Как правило, это ей удается. Но в целом такое поведение позволяет власти доказывать, что она умеет решать конкретные дела лучше своих политических соперников. На посту мэра Москвы должен быть крепкий хозяйственник – в этом видела смысл недавно состоявшихся выборов мэра федеральная власть. Недаром победивший на выборах кандидат был самовыдвиженцем, который делал упор на свои способности и умение решать хозяйственные проблемы, стоящие перед Москвой. И никакой «высокой» политики.

Несмотря на стремление власти минимизировать политическую жизнь, в обществе постоянно происходит сложное политическое брожение, возникают и распадаются разные политические и политизированные движения вплоть до тех, которые выступают за смену власти и, более того, за свержение власти. Парламентская оппозиция довольствуется навязанными ей жесткими рамками публичного выражения своей позиции. Несистемная оппозиция, как и положено, пребывает на задворках политического процесса. Такая ситуация отнюдь не способствует отделению публичной политологии от прикладной политологии. Рассмотрим подробнее теоретическую сторону вопроса о том, в каком виде возможна публичная политология.

Несколько слов о работе У.Липмана «Публичная философия»

Вопреки очевидной потребности в публичной политологии, оказалось, что ее роль с успехом может выполнять (и реально выполняет), с нашей точки зрения, публичная философия. Этот несколько неожиданный вывод мы постараемся доказать. Интерес вызывает, в этой связи, давняя работа американского политического и морального мыслителя У.Липмана «Публичная философия», написанная им полвека назад в середине 50-х г. XX столетия. Особенных открытий мы в ней не найдем, но есть ряд важных положений, на которые следует обратить внимание, когда мы анализируем сегодняшнюю политическую ситуацию в стране и пытаемся найти подходы к ее решению. Прежде всего, что он имеет в виду под публичной философией, и какими функциями он ее наделяет? В западных странах в последние столетия было широко распространено такое социальное явление, которое называет У. Липман публичной философией, и ее наличие не вызывает у него никаких сомнений. Европейские просветители XVII–XVIII вв. были сторонниками определенной публичной философии – учения о естественном законе, согласно которому «есть некий закон, и он выше властителя и суверенного народа, ...выше всего сообщества смертных»⁸. Человеческий разум способен произвести на свет универсально значимое знание, единое для всех понятие закона и порядка (cosmos). Публичная философия включает в себя конкретный набор ценностей, безусловно определяющих суть западной цивилизации, начиная с римской империи. Эта философия является оплотом институтов западного общества, и они, «я полагаю, – пишет У.Липман, – не работают в сообществах, которые не придерживаются этой философии»⁹.

На основе публичной философии, были сформулированы основные принципы, регулирующие все сферы жизни западного общества, идет ли речь о всеобщих выборах, верховенстве большинства, свободе слова, лояльности, собственности и т. д. Эти принципы выступают вместе с тем естественными законами рационального устройства человеческого общества и, если люди мыслят рационально, то они сочтут их самоочевидными. Но почему речь идет о публичной философии?

У.Липман разделяет сложившееся в европейском сознании представление о том, что публика есть важнейшая категория либерально-демократического западного государства. Публичная жизнь граждан – это открытое и свободное взаимодействие между гражданами и взаимное признание ими важности диалога. Публичные обсуждения, ведущие к достижению результата, тогда обретают смысл, когда имеется некоторое объединяющее и правоустанавливающее начало для всех граждан. Такое начало было условием и формой организации публичной жизни в античном полисе. По мнению Х.Арендт, идеальным публичным пространством является античная греческая агора или римский форум, другими словами, городская площадь, где собираются свободные граждане полиса, на котором они обсуждают проблемы жизни города, ведут философские дискуссии, ищут согласия. Между прочим, жителей полиса посвящали в граждан на торжественной публичной церемонии. Публичные дискуссии становятся нормой и имеют позитивные результаты только в рамках принятой системы ценностей, т. е. при наличии объединяющего начала. У.Липман полагает, что граждане перестают заниматься политикой и уходят в частную жизнь, когда объединительное начало подвергается эрозии, ставится ими под сомнение. Он всерьез озабочен падением публичного интереса к политике. Раньше все охотно занимались политикой в Америке, а теперь нет. Но это американский и к тому же довольно односторонний взгляд на то, что происходило тогда в самой Америке. В 20-е и последующие годы прошлого столетия в Европе все складывалось по-иному, ее сотрясали социальные конфликты и революции, все виды тогдашней классовой борьбы. О наличии некоего объединяющего философско-идеологического начала вряд ли приходится здесь говорить.

У.Липман в этом контексте как раз и пишет о разрушительной деятельности революционеров. Контрреволюционные движения враждебны государству и как таковые подлежат уничтожению. Сдерживать их или ставить вне закона – это вопрос целесообразности практического разума.

У.Липман отмечает, что нужно восстановить это объединяющее начало, те принципы, на которых строится западная цивилизация. Политический дискурс имеет в западном обществе место и обретает смысл, когда есть общее основание, выражающее спец-

ифику западной цивилизации, когда есть консенсус по вопросам устройства государства. Право пользоваться этими институтами государства принадлежит тем, кто согласен с необходимостью их существования. Тогда можно обсуждать вопросы политической культуры, приветствовать умеренность и осуждать крайности.

Таким образом, основной смысл публичной философии по У.Липману состоит в том, что она играет роль, с нашей точки зрения, своеобразной идеологии, которая рассчитана, в первую очередь, на публику как на активных граждан. Более того, публичная философия в деле сохранения жизнеспособности общества играет, по мнению У.Липмана, роль нити, связующей воедино его отдельные части, довольно жестко определяет границы существования и практической реализации либерально-демократических свобод. Если эти идеологические рамки признаются активной частью граждан, то возникает публичная политическая жизнь в том смысле, что возникает разного рода политические объединения и движения. С точки зрения этой идеологии становится излишним всякое сомнение в безусловности объединяющего согласия. С помощью самых различных, в том числе и репрессивных мер, все различные массовые и политические движения, в том числе и европейские социал-демократические движения, принуждаются к соблюдению идеологических рамок. Это принуждение оказывается процессом, которым жестко управляет власть, а сама категория принуждения приобретает некий онтологический смысл. Европейская социал-демократия была принуждена вписаться в жесткие рамки политического дискурса, и У.Липман конечно позитивно относится к этому явлению. Вся западная политическая практика XX в. говорит о том, что рамки идеологии, очерченной У.Липманом, оказались слишком тесными, поэтому появлялись и появляются новые политические движения, которые постоянно ставят их под сомнение.

У.Липман уверен, что можно восстановить и сохранить целостность традиций цивилизованной жизни западного общества. Ход последующего развития европейского общества показал, что эта целостность удерживается с немалыми трудностями. Но здесь есть одна проблема, которая осталась у него не поставленной.

Публичная философия в эпоху античности и даже классического капитализма раскрывает свое содержание далеко не в полной мере. Она еще не отделилась и по предмету, и по субъекту от про-

фессиональной философии. В жизни античного полиса это особенно наглядно видно. Сегодня естественно возникает вопрос. Если есть публичная философия, тогда кто же выступает ее субъектом? Ведь она не сама по себе складывается, но она и не тождественна профессиональной философии. У.Липман заявляет, что публичная философия постоянно нуждается в оживлении и обновлении. Так кто должен этим заниматься: философ-профессионал или публичный философ? Вопрос не в том, может ли это делать с успехом один человек, предметы занятий тут достаточно разные, к примеру, наличие публичного социолога в разобранный выше примере не вызывает сомнений. Вполне вероятно, что современный рост массовых политических движений делает просто абсолютно необходимой такую профессию как публичный философ. Можно сказать, что решением подобного рода задач ранее занимались профессиональные идеологи. Но сегодня понятие идеологии и, прежде всего, общенациональной идеологии приобретает новые смыслы. Идеология начинает все более пониматься и в России, и на Западе как многоплановое идейное образование, которое реально обеспечивает единство, интегративный характер современного государства. Для современной России это особенно актуально. И видимо вместо идеологического функционера на ведущие роли в обществе постепенно выдвигается новая фигура – публичный философ.

К вопросу о специфике академической (профессиональной) философии

Сказанного выше достаточно, мы полагаем, чтобы поставить вопрос о том, что публичная философия как явление объективное существует независимо от того, как оно до сих пор обозначалось. А.А.Гусейнов в статье «О назначении философии» подчеркивает наличие проблемы перевода профессиональной философии на естественный, общедоступный язык. «Признавая законность требований читательской публики, желающей видеть философские тексты общедоступными, и высоко ценя стремление философов приблизить свой язык к естественному, следует отметить, что между ними всегда остается зазор, который нельзя преодолеть без

специальных усилий. Что представляет собой “переходник”, позволяющий переводить тексты с одного языка на другой и может ли это делать один и тот же человек – особый вопрос»¹⁰.

Введение понятия публичная философия позволяет дать более ясное понимание сути этого «переходника» между профессиональной философией и различными политическими группами, которые обращаются к текстам профессиональной философии в поисках ответов на волнующие их вопросы. Но сначала о назначении философии. Присутствие профессиональной философии в своем содержательном смысле как текстов в культуре общества абсолютно необходимо и жизненно важно для существования общества. Самая важная черта профессиональной философии – это плюрализм философских систем, несводимость их в прошлом, настоящем и, видимо, в будущем к единой системе. «Идея принципиальной множественности философии имеет фундаментальное значение и задает новую основу для понимания, как самой философии, так и всего процесса ее исторического развития»¹¹.

Особая потребность в новых философских системах появляется в условиях длительного общественного кризиса, распада существующих социальных и моральных устоев жизни, нарастающих в обществе противоречий между реальностями жизни и настоятельными стремлениями общества найти новые цели и направления развития, новые жизненные смыслы. Философия стремится создать идеальный духовный универсум, представляющий собой определенный этико-политический проект совершенного устройства общества и совершенного человека. Создание такой особого рода философской утопии есть способ существования самой философии в истории общества и культуры. Каждая из таких создаваемых философских систем носит авторский характер, и ее автор твердо уверен в том, что он смог выразить некоторую абсолютную истину, которая до сих пор оставалась невыявленной. Без такой уверенности ни один выдающийся философ не смог бы заниматься десятилетиями созиданием своей системы. Основой такого рода философского утопического проекта выступает метафизика, обращение к первоосновам, к всеобщему. Каждая отдельная философская система, будучи сложнейшим теоретическим образованием, представляет собой некоторую двуединую целостность. Название

последнего XXIII Всемирного философского конгресса (Афины, август 2013) точно отразило эту ее особенность: «Философия как исследование и как образ жизни».

В.А.Подорога в докладе на заседании Ученого Совета Института философии РАН заметил, что возвращение философии к самой себе, к метафизике оснований «как ни странно, смыкается с политикой, но такой политикой, которая понимается не как коллективистская идеологическая акция, ...а как индивидуальное дело, возвращение к метафизике через свободу выбора, который интерпретируется как политический выбор»¹². Этот выбор является политическим по той причине, что политика есть условие и способ существования любого социума. Выступая в дискуссии по докладу В.А.Подороги, А.А.Гусейнов подчеркнул, что «философия, оставаясь философией и в качестве философии, самим своим способом мысли должна быть политикой. Мы не можем отдавать политику парламентским демагогам и циничным политтехнологам»¹³. В философской системе обращение к метафизике не самоцель, оно служит, в конечном счете, обоснованию этико-политического проекта.

Сегодня в российском обществе сложилась такая ситуация, когда создание по-настоящему публичной философии становится императивной необходимостью. В обществе отсутствует общенациональное согласие по поводу того, в каком направлении должно идти дальнейшее развитие российского государства, какой представляется судьба российской цивилизации, каковы важнейшие ценности, определяющие смысл жизни российского человека. Речь идет об определении неких философско-идеологических границ, в пределах которых деятельность различных политических сил носила бы легитимный и одновременно конструктивный характер. Напрямую выполнить эту задачу не под силу академической философии. С публичной деятельностью большого числа политически активных движений и групп академическую философию должен соединить «переходник» – философия публичная.

Достаточно указать на конкретные и непримиримые идейные позиции сегодняшних политических сил в стране, каждая из которых опирается на сконструированное ею отношение к государству и власти (мировоззрение), чтобы убедиться в императивной необходимости достижения с помощью публичной философии общенационального согласия.

Основные точки зрения на основы российского государства

Можно выделить шесть основных точек зрения на российское государство, имеющих место в общественном сознании страны. Грани конечно размыты и относительны, но вполне очевидны. Каждая из точек зрения представлена большим количеством научных книг, вывешенных нередко в полном объеме в Интернете, материалов в СМИ, они звучат на митингах и демонстрациях, присутствуют в плакатах, листовках и лозунгах.

Первая из выделенных точек зрения, – это либерально-западническая точка зрения или радикальный либерализм. И.Клямкин, вице-президент фонда «Либеральная миссия», неоднократно говорил о том, что Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, сменив цивилизационный код. «Стратегическая ориентация на Запад, если она произойдет, неизбежно приведет к смене цивилизационной парадигмы»¹⁴. Применительно к государству это означает согласно Е.Гайдару, что «Россия сегодня имеет уникальный шанс ... стать республикой «западного» типа»¹⁵.

Весьма показательна в этом отношении позиция неизменно радикальной Л.Шевцовой. На одном из круглых столов, проведенных Фондом (Тема «Российская государственность сегодня»), она говорила следующее: «...Нужна кропотливая и напряженная работа по переформатированию атрибутов и признаков государственной машины. ...Мы нуждаемся именно в смене матрицы, а не в ремонте нашего государственного здания»¹⁶. В работе «Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом?». Л.Шевцова утверждает: «Уже до того, как в Россию пошла западная помощь (!?), Россия начала воссоздавать систему персоналистской власти. ...Державничество строится на отталкивании России от Запада. ...Если речь идет о сближении с Западом, то России придется видимо, пойти по пути “подчиненного” либерально-демократического развития как страны Центральной и Восточной Европы»¹⁷.

Политические цели теории и практики радикального либерализма хорошо известны. Требования парламентской демократической республики, настоящей, а не показной многопартийности, предельно четкого разделения функций ветвей власти, ликвидации

поста президента, поставленного согласно Конституции РФ выше всех ветвей власти, немедленного установления реального верховенства прав человека, создания дееспособного правового государства, решительного отделения власти от собственности («какой же это капитализм в России, когда собственность сращена с властью, восклицает Л.Шевцова¹⁸), стали общим местом при любом обсуждении сторонниками радикального либерализма роли государства в российской жизни.

Партийный эквивалент этой теоретической позиции – партия Союз правых сил, которая выступила на выборах в Госдуму в 2007 г. за достройку капитализма. Партия получила примерно один процент голосов. После ряда организационных неудач радикальные либералы летом 2012 г. в связи с упрощением процедуры регистрации создали партию «Гражданская платформа» во главе с М.Прохоровым, а так же партию народной свободы Парнас.

Что касается отношения к Федерации, то оно, на первый взгляд, не находится в центре внимания радикальных либералов. Кажется, не так уж важно, будет ли проектируемая ими новая Россия унитарной парламентской республикой или останется Федеративной республикой. Но это только на первый взгляд. Не так давно А.Кудрин и его «Комитет гражданских инициатив» предложили оригинальный вариант реформы законодательства о выборах и принципах государственного устройства в целом. Суть предложения заключается в том, чтобы предоставить субъектам РФ право вводить в них парламентскую форму правления вместо «президентской» формы. В случае реализации этого проекта вполне вероятно превращение Российской Федерации из президентской республики в парламентскую республику, а последней из Федерации в Конфедерацию, если не де-юре, то де-факто. По крайней мере, ни в одной развитой стране не встречается сочетание этих двух форм организации вертикали государственной власти.

Если одни сторонники радикального либерализма обсуждают возможности преобразования российского государства «сверху», то другие для достижения радикальных перемен делают основную ставку на активность масс «снизу», на деятельность организаций гражданского общества. Широкое распространение в них получили взгляды организаторов демонстраций на Болотной площади, которые в своем манифесте в январе 2013 г. потребова-

ли, в частности, создания прочных конституционных гарантий от нового рецидива единовластия («самодержавия и престолонаследия»); решительно выступили против персоналистского авторитаризма. Говоря о специфичности политического противостояния радикальных либералов Президенту, С.Е.Кургинян отмечает, что «легитимность», к которой либералы всё время апеллируют, в нынешних условиях просто невозможна. Ибо нет консенсусных ценностей»¹⁹. Иными словами, только при условии наличия национального согласия в обществе легитимность обретает свои прочные онтологические основания, укорененность в социальном бытии государства.

Вторая точка зрения – русский этнический национализм. Это явление сложное, многосоставное, имеющее большую историю. В нем выделяются два направления – радикальный и умеренный национализмы. Странники умеренного национализма ставят вопрос о придании русским особого правового статуса в современной РФ, включая создание Русского государства на территории РФ. (Здесь на этом поле много работает ЛДПР). Эта точка зрения становится радикальным национализмом, когда России противопоставляется Русское государство, Русь. Можно говорить о своеобразном европеизме радикального русского этнического национализма.

С точки зрения одного из его теоретиков – П.Хомякова – основное противостояние в современной русской жизни лежит не между правыми и левыми, нынешней оппозицией и режимом, «патриотами» и западниками, а между теми, кто хочет сохранить Россию и теми, кто хочет возродить Русь. Не надо бояться, что возродившаяся Русь будет не похожа на привычную Россию. Это государство антинародное и антирусское. А Русь была частью Европы. Она могла бы пойти вперед к национальному государству, а пошла назад к империи.

Поэтому настоящий русский националист совершенно спокойно отнесется к развенчанию мифов о создателях России – Ярославе, Александре Невском, их подручном Батые и их спонсоре, православной церкви. Более того, развенчание этих мифов позволит настоящему русскому националисту многое понять и прояснить. Например, прояснить тот непонятый пока многими вывод о том, что невозможно быть русским националистом и православным одновременно. Русский националист может быть только поклонни-

ком родной веры, веры в своих русских Богов. Иго, установленное в 1237 году, пережило века. Оно не свергнуто до сих пор. И все мы имеем несчастье жить под этим игом»²⁰.

Предельно радикальных взглядов придерживается А.Широпаев, художник-реставратор, публицист, автор книги «Тюрьма народа. Русский взгляд на Россию».(2001). Его позиция ярко передана в поэтических строках «Сгинь, Россия, во чреве Змия! Мы тебе отомстим за Русь»²¹. Статья «Иная русскость» вывешена в Интернете. Основная идея её состоит в том, что «иная русскость» – это не имперская русскость, а русскость, оппозиционная московскому унификааторскому централизму. Собственно русское государство (т. е. европейское) погубило вместе с новгородской свободой. После падения Новгорода начинается эра безраздельного господства Московии-России-Совдепии, имеющей не русскую, а евразийскую природу²².

Идеи русского этнического национализма в той или иной мере развиваются в работах Г.Д.Гачева, Ю.Н.Афанасьева, В.Д.Соловей²³, известного английского историка Дж.Хоскинга, автора ряда значительных работ по истории России. Кстати, его деятельность нередко выходит далеко за рамки кабинетного ученого. Он неоднократно заявлял, в том числе на встречах и пресс-конференциях в Москве, что он русский националист. Дж. Хоскинг активно пропагандирует и распространяет русский национализм, на мой взгляд, в его радикальном варианте.

Среди работ Дж. Хоскинга следует выделить в первую очередь книгу «Россия: народ и империя (1552–1917)». (Русский перевод. Смоленск: Русич, 2000. – 512 с.). В предисловии к ней он пишет: «Любой русский человек признает, что эти два слова (Русь и Россия) различны по тональности и ассоциациям. Русь – смиренная, простая, святая и, определенно, женского рода: часто говорят “матушка Русь”, и поэт Александр Блок называл Русь “женою”. Россия – величественная, космополитичная, светская и – с позволения грамматики – мужского рода. ... Тема этой книги – как Россия воспрепятствовала расцвету Руси, или – если хотите – как строительство империи помешало формированию нации»²⁴.

Русский этнический национализм представляет собой удобную идейную площадку для разжигания сепаратистских настроений в различных регионах страны. Нередко те авторы, которые

выдают себя за регионалов, оказываются на деле сепаратистами. Своей активностью выделяется, к примеру, карельский регионал В.Штепа, главный редактор интернет-журнала «Иначе»²⁵, автор целого ряда книг и публицистических работ. В частности, он развивает философию регионализма как новую политическую философию. Согласно его точке зрения, сепаратизм – это стремление региона с помощью любых средств к отделению от единого государства, в то время как регионализм – это движение за культурную идентичность и социальное самоуправление, когда прежние иерархические пирамиды национальных государств сменяются взаимосвязанной сетью регионов-кластеров. Однако на практике его призывы к регионализму оборачиваются требованием демонтажа централизованного государства.

В статье «Многополярная Русь» В.Штепа пишет о «нео-новгородском» проекте, который фактически предлагает возвращение России ее прежнего облика. «Это самоуправляемые области и республики (а может быть, где-то возникнут и княжеские монархии по типу Монако или Лихтенштейна – почему нет?), устанавливающие между собой прямые взаимосвязи – политические, экономические, информационные, культурные. Это живое многообразие – взамен надоевших столичных идеологических дихотомий: “левых-правых”, “патриотов-либералов” и т. п. ...В этой сети найдется место и Московии – а возможно, учитывая популярные ныне там “третьеримские” настроения, она станет первой монархией на российском пространстве – но только в границах Ивана Калиты. И, конечно, без всякого контроля над северными и сибирскими ресурсами – с чего бы это?»²⁶.

Среди различных сепаратистских движений, имеющих место на Урале, Дальнем Востоке, Приполярном Севере, заметно выделяется своей активностью сибирский регион. К примеру, М.Кулехов, координатор Областной Альтернативы Сибири считает себя именно «сибирским националистом». В статье «Россия и Сибирь: союз или развод?» он прямо пишет: «Мы не хотим распада Российской Федерации. Но мы его и не боимся»²⁷. 2 ноября 2012 г. в «Независимой газете» появилась большая статья о сегодняшней Сибири трех известных авторов – В.Иноземцева, В.Рыжкова, И.Пономарева. «Новая сибирская идентичность по своим основам европейская, а по направленности – глобальная и

космополитическая. Не изменившись сегодня, не потребовав от остальной части страны больших прав, Сибирь утратит возможность изменить Россию, не способную преодолеть колониального отношения (со стороны Центра) к самой достойной из своих составных частей»²⁸. Сибирь по-прежнему колония, утверждает в статье. Авторы в мягкой форме, но фактически поддерживают идеи сибирского сепаратизма. Любопытно, к примеру, заметить, что Американский Институт Кеннана в России провел в Новосибирске при содействии местной администрации в 2010 году международную конференцию «Сибирь – Америка: вызовы инновационного развития, перспективы экономического и гуманитарного сотрудничества». Одно только название конференции вызывает много вопросов.

На левом фланге, прежде всего, нужно выделить точку зрения коммунистов на будущее российского государства. В партийной программе КПРФ говорится об убежденности компартии в том, что спасение Отечества – только в возрождении советского строя и следовании по пути социализма. Когда КПРФ придет к власти законным путем, говорится в программе, то на референдум будет вынесен вопрос о восстановлении в полном объеме советской системы государственной власти.

В многочисленных общественных и партийных движениях, направленных на возрождение российской монархии, как правило, обсуждаются вопросы разработки и реализации программы перехода страны к имперскому, православно-монархическому строю и образу жизни. Подчеркивается, что пришло время ответить на вызовы времени, восстановить заново идею империи. В этом ряду находится и русское имперское движение (РИД) – русская православная национально-патриотическая и монархическая организация. По некоторым важным принципам ее идейные позиции серьезно отличаются от русского этнического национализма. Их программная цель – реставрация российской самодержавной монархии как формы государственного устройства именно как Русской империи.

Отдельно следует сказать о взглядах А.Проханова и его сторонников, а также о недавно созданном при его активном участии Изборском клубе. А.Проханов говорит о том, что континент единой русской истории расколот на отдельные части. Русское историческое время переломано как хребет. Из него выбиты связую-

щие позвонки. «Лишь “общее дело” материальное и духовное – лишь оно одно “свинтит” сегодняшнюю разрозненную Россию в развивающееся государство. Имперская позиция А.Проханова сильно расходится с традиционными представлениями об империи. Если попытаться пойти дальше пророческого стиля, свойственного А.Проханову, вглубь тех смыслов, которыми наполнены его высказывания, то в целом у него вполне современное понимание империи. Под империей надо понимать необязательно существование связки метрополия – колонии, необязательно существование императора, централиста. “Под ней нужно понимать симфонию, гармоническое соединение пространств, народов, культур, верований – когда достигается то, что отдельно взятый народ достичь не может. Имперская общность порождает грандиозные школы, произведения искусств, лидеров. Цивилизация движется империями»²⁹.

А.Проханов выдвигает идею создания так называемой, пятой российской империи, в которой состоится историческое примирение белых и красных. Пятая империя будет опираться на исторический опыт и достижения предыдущих этапов развития российского государства. Пятая империя в принципе будет нести в себе элементы полицентричности. Наряду с вертикалью власти она будет опираться в своем функционировании и на сетевые принципы организации экономической жизни и управленческой деятельности. А.Проханов делает особый упор на исключительную значимость современного когнитариата, инженерной технократии в возрождении России, особенно оборонно-промышленного комплекса. Изборский клуб подготовил обширный доклад, посвященный стратегии «Большого рывка», в котором дается общее понимание идеологии Большого рывка и того мобилизационного проекта, который будет положен в основу стратегии Большого рывка³⁰.

Единственная идеология, которая поддерживает нынешнюю конституционно-правовую форму государства, является российский консерватизм или либеральный консерватизм. Но эта идеология правящей партии «Единая Россия» носит откровенно прагматистский характер, она пытается охватить и левый, и правый, и государственно-патриотический фланги идеологического спектра. Общий вектор идеологии выражается в поддержке стабильного

поступательного развития государства, в призывах к сохранению и удержанию всего положительного, что имеется в современной форме государства, в его достижениях. Но четких, содержательных критериев отличия положительного от негативного, плохого от хорошего она не содержит. По существу речь идет о сохранении статус-кво, выгодного для чиновников во власти³¹.

Указанные точки зрения или абсолютно не совместимы, или совмещаются только по некоторым аспектам. Одним словом, мы имеем дело с самым настоящим идеологическим, политическим и психологическим тупиком, из которого нет прямого выхода. Каждая политическая сила убеждена в том, что её позиция единственно правильная, и она обещает решение всех назревших и перезревших в стране проблем. Об этом свидетельствуют вся практика их политической борьбы – от политических текстов до лозунгов и баннеров. Что делать? Можно, конечно, поступить так – собрать представителей всех названных и неназванных политических движений и партий. Собрать, закрыть их в одном помещении и не выпускать, пока не появится белый дым, как это было недавно при выборах нового папы римского. Это означало бы, что достигнуто согласие большинства собравшихся по основным принципам устройства российского государства. Но кто будет играть роль караульного и как долго придется ждать?

Можно сказать, что достижение общенационального согласия между политическими силами является важной задачей профессиональной философии. Но ее выполнение окажется на деле созданием ещё одной уже самой современной философской системы, тем более, что её нельзя немедленно создать по заказу, даже по срочному, а тем более поручить верховной власти выполнение заказа одному или группе опытных профессиональных философов. Такая задача может быть поставлена перед профессиональным сообществом философов или, точнее говоря, она давно осознается как фундаментальная задача всем профессиональным сообществом или его значительной частью. Именно по той причине, что имеет место огромный идейно-духовный кризис в стране и в мире. И фактически такие попытки уже предпринимаются. Но вся история философии свидетельствует, что появление новых философских систем не решает практических задач, стоящих перед обществом. В лучшем случае они обосновывают, каждая

по-своему, необходимость смены вектора, направленности исторического процесса. А для решения практических задач и нужно создавать некий паллиатив в виде публичной философии как общей идеологии практической деятельности. Если в современном Китае идет процесс создания долговременной идеологии в ходе синтеза марксизма с конфуцианством, то в России достаточной популярностью пользуется сегодня идея синтеза марксизма с православием. Интересный процесс наблюдается и в рамках официальной идеологии, которая пытается возродить в новую историческую эпоху когда-то совершенный в прошлом импероподобный синтез либеральных и консервативных идей. Философия как духовный центр становится в обществе неким объединительным началом, которое стягивает вокруг себя все идущие в обществе дискуссии. И она способна в принципе, если не выработать такое знание, то, по крайней мере, предложить дискурс, который сможет помочь преодолению кризисной ситуации, позволит решать проблемы кризиса в пределах, как государственных границ, так и на мировом уровне. Напомню, публичная философия как идеология У.Липмана однозначно связана с базовыми характеристиками западной цивилизацией. Видимо и применительно к российскому обществу можно ставить вопрос о том, что публичная философия по своему содержанию тоже должна быть как-то тесно связана с цивилизационной характеристикой российского общества, если конечно, мы признаем существование российской (русской) цивилизации как особой цивилизации.

Философия в публичном пространстве как публичная философия

«Вторжение» профессиональных философов в сферу публичных дискуссий предполагает, что такой философ способен к выполнению весьма сложной работы по соединению академических поисков и достижений с поиском оптимального вектора развития страны через постоянный дискурс с различными политическими силами. Проведение такого рода публичных дискуссий отнюдь не простая задача, установление коммуникативных связей в нынешнем российском обществе встречает огромные трудности. В этом

смысле можно говорить о необходимости диагностирования и лечения в сфере общественной коммуникации той общественной патологии, которую Ю.Хабермас понимал как форму «систематически нарушаемой коммуникации». Для лечения отечественных патологий важен именно диагноз, указание причин разрушения коммуникаций в публичной сфере политики и за её пределами.

В стране есть немало блестящих, талантливых философов. Публичный философ – это такой профессионально подготовленный философ, который отважится вступить в постоянный публичный дискурс и будет искать компромисса в ходе обсуждения весьма острых политических проблем. Но при работе с «публикой» нужны не просто доводы логического характера. Как свидетельствует исторический опыт, на неё могут произвести сильное впечатление, могут поразить их воображение лишь те, кого называют властителями дум. Таких властителей дум нет или почти нет сегодня как среди философов, так и среди писателей, художественной интеллигенции. На эту особенность современной интеллектуальной жизни в Германии обратил, в частности, внимание Н.С.Плотников³². Причин здесь несколько. Это наличие огромной информационной лавины, которая обрушивается ежедневно и ежечасно на головы миллионов людей, когда кумиры создаются исключительно посредством СМИ, и они как быстро надуваются, так и «сдуваются», исчезают и уходят в небытие. Другая причина – определенная политика власти, особенно по отношению к СМИ, куда не допускаются деятели, способные действительно стать властителями душ. И, наконец, общая атмосфера культуры постмодернистской эпохи, когда в ней отрицается всякая потребность в объединяющей людей идентичности, когда всячески воспевается и возводится в культ идея различия. Если к микроскопическим различиям нужно относиться как к величайшим ценностям, то достижение национального согласия, которое во все времена вынуждало чем-то поступиться всем политическим силам, различным социальным группам рассматривается как недопустимое проявление репрессивного отношения к людям, к их свободе самовыражения.

Хотя со времен античности, с момента зарождения философии факт постоянного контакта профессиональных философов с публикой всегда имел место, и античные философы в те времена

сами нередко занимались переводом философских суждений на естественный повседневный язык. Но все же здесь, скорее всего, должна идти речь о доминировании практической философии, во все последующие времена «пытавшейся объяснить и дать рекомендации к решению конкретных жизненных вопросов»³³. Эта традиция, названная «сверхдетерминацией политики философией»³⁴, активно способствует превращению политического, политической сферы жизни в неполитическое по своей природе явление. Публичная философия имеет свою особую природу, которая сегодня раскрывает применительно к российской ситуации свою глубинную сущность.

Действительно, в разрыве между профессиональной философией и многочисленным политическими практиками формируется поле применения особого рода публичной философии, «заточенной» как говорят сегодня, на постоянное ведение дискурса между всеми участвующими в ней политическими субъектами. Дискурс может и не складываться, поскольку возникает проблема: как быть с теми, кто не желает идти ни на какие-то публичные обсуждения и тем более компромиссы.

Сложность выявления границ и перспектив публичной философии в современной России состоит в том, что политическая система в стране строилась по иным лекалам, чем в Европе. Вплоть до последнего времени общество было фактически поглощено государством, властно-управленческими структурами, публичное пространство возникало и развивалось главным образом за пределами политической сферы. И сегодня властная политика вновь идет скорее не по пути диалога, а по пути перевода решений реальных политических проблем на административные рельсы. И по этой причине постоянно пересматриваются законы, регулирующие публичную политическую сферу, границы дозволенного, легального в сфере политического взаимодействия и борьбы.

Публичная философия может выступить сегодня в конкретной ситуации как особого рода сложное в своей сути идеологическое построение, которое содержит в себе характеристику основных черт российской цивилизации. Скорее всего, цивилизационное начало является в разработке объединительной идеологии первичной по отношению к конкретным формам государства. И это дает основания говорить о возможности достижения на-

ционального согласия в стране. По выражению В.М.Межуева, необходимо стремиться не стать частью европейской цивилизации, а совместно строить общечеловеческую цивилизацию, способную объединить человечество в планетарном масштабе³⁵. Но я добавлю, что нужно знать свою специфику, чтобы принимать участие в этом строительстве, а отечественная мысль никак не может «договориться» о том, каковы эти цивилизационные основы российского общества.

Остановимся на этом вопросе подробнее. Мы не раз об этом говорили, что российская цивилизация и российское государство если не тождественные, то во многом близкие понятия. Что представляет собой российское государство в философском теоретическом плане? Что это за тип государства? В отечественной литературе последних лет много говорится о том, что сегодня Россия есть полуразрушенная империя или недостроенное национальное государство вместе с несформировавшейся в нем гражданской нацией. Так в каком же направлении должна пойти реальная трансформация и куда фактически идет российское государство?

Поиск ответа на вопрос, какое устройство государства могло бы быть оптимальным, следует начинать с анализа места и роли России в современном глобальном мире. Нам сегодня крайне не хватает по этому вопросу глубокого и объективного знания. Мы слишком озабочены внутренними проблемами и некоторые точки зрения, перечисленные выше, по существу игнорируют это обстоятельство. Сегодня недостаточно говорить о будущей форме государства только с позиций решения внутренних проблем.

С наступлением мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. завершился первый большой период в развитии процессов глобализации. Эпоха буржуазных национальных государств, вообще-то говоря, по существу закончилась, кто им не стал, тот им уже не станет. Кто не успел, тот опоздал. Сегодня на мировой арене возникли и существуют такие государства или надгосударственные образования, которые можно назвать импероподобными. Пришла эпоха борьбы на мировой арене импероподобных государств-цивилизаций. В качестве примера, можно привести Китай, Иран, Евросоюз и особенно США как импероподобное государство (квазиимперию), целью которого выступает установление нового мирового порядка.

Если Россия намерена сохранить себя как суверенное государство, то импероподобное его устройство в наибольшей степени может способствовать решению накопившихся острейших проблем. Форма должна соответствовать содержанию, а содержание обладать адекватной формой. Слово империя вызывает у многих либерально настроенных исследователей сугубо негативное отношение. Однако одно дело эмоции, другое дело теория, когда крайне важно выявить современное научное понимание понятия или концепта империя.

С метафизической точки зрения, а, следовательно, и с точки зрения логики исторического процесса, несомненно, следует признать наличие матрицы российской государственности, которая оформляется в основных чертах к концу XVI в., в период царствования Ивана Грозного. Впоследствии она развивается на протяжении ряда столетий и реализует себя в своих «импринтах», т. е. в виде конкретно-исторических форм. Помимо Московского царства, в Петербургской империи, в Советском Союзе (или Красной империи) и до известной степени в нынешней Российской Федерации.

Укрощение российским государством евразийского хаоса и вместе с тем становление зависимого и отсталого типа общественного развития по капиталистическому пути привело с необходимостью к утверждению в жизни страны незападной по содержанию и по направленности эволюции модели российской государственности. Действующая модель государства развивается, трансформируется, но неизменно сохраняет в каждой конкретно-исторической форме набор некоторых основных ее системообразующих характеристик.

Первый фундаментальный принцип имперской государственности – принцип многообразия, который означает отсутствие жесткой административно-политической, правовой, национальной, культурной или конфессиональной унификации на территории империи. Этот принцип многообразия дополняется своей естественной противоположностью – принципом единоличной верховной власти, наличием вертикали верховной власти, централизованного управления до определенного уровня, где он соединяется с принципом многообразия в построении государства. Если идти сверху вниз, то в управлении империей нарастает многооб-

разие, если идти снизу вверх, то идет ограничение многообразия. Нет одного без другого. Имеет место двуединство принципа иерархии и принципа автономии в отношениях Центра и регионов. В современном звучании он также может выражаться как через сочетание единства вертикали власти и сетевого способа управления экономикой региона.

Естественно, в имперском устройстве любого государства, в том числе и российского, есть немало черт, которым вряд ли можно дать в целом положительную оценку. У российской модели есть, например, такая совсем малопривлекательная черта как самовластье. Не просто самодержавие, с ним более-менее все понятно, а именно самовластье (вспомним А.С.Пушкина: «и на обломках самовластья напишут наши имена»). Оно исторически возникло во времена Московского царства, пережило различные эпохи и столетия, и сегодня никуда не исчезло³⁶. Необходимость этого качества у власти в дореволюционные времена постоянно подпитывалась особенностями российской истории, в первую очередь, периодической потребностью в масштабных реформах с целью преодоления ее зависимого и отсталого типа развития по капиталистическому пути. А еще и потому, что в этой черте запрятана глубоко русская особенность власти – неожиданный и быстрый переход от реакционного, консервативного поведения верховной власти к революционному способу преобразования общества. Самовластье радикально отличает российский тип империи от империй Европы и Азии. Его нужно не просто ругать, но уметь «работать» с ним на политическом пространстве, искать пути и способы его ограничения, а при необходимости, особенно в острые периоды кризиса, особенно системного кризиса – использовать его в позитивных целях.

Третий фундаментальный принцип – принцип служения, который раскрывает высший смысл в отношениях человека к имперскому устройству государства. Это старый имперский принцип – неважно, какой ты крови, этнической принадлежности и вероисповедания, важно, как ты служишь империи, Отечеству.

Отсюда вытекает и четвертый фундаментальный принцип имперского устройства государства. Империя всегда выступает как носитель духовного, объединительного начала. Империя (империям есть власть, могущество) изначально связана с властью идеи,

выступает как носитель универсальной идеи. Империя возникает и существует, когда есть такая идея. А если ее нет или она пропадает, то империя распадается и уходит с исторической арены, а впоследствии возможно это делает и сама цивилизация. Собрать под свое крыло, под защиту другие народы и тем самым стать Удерживающим центром мира – вот назначение имперской идеи. В этом смысле империя не связывает себя определенной пространственной границей. Степень универсальности идеи определяет в идеале границы империи. Она несет с собой определенное понимание мира и проповедует, утверждает, что на земле империи живет огромный многоэтничный народ, уверенный в своем великом будущем и показывающий своей созидательной трудовой деятельностью, организацией жизни, решением нравственных, социальных и культурных проблем пример для других стран и цивилизаций мира.

Если по каким-то причинам империя в эпоху модерна не смогла трансформироваться в инструментальное государство западного типа (империя по происхождению добуржуазный тип государственного устройства), то независимо от любви или нелюбви к имперскому началу важно признать неизбежность его сохранения в качестве матрицы. И далее сделать из этого соответствующие выводы конкретно-политического, а не идеологического характера. При условии, если российское государство собирается выжить и быть самостоятельным игроком на глобальном поле. Только это имперское начало нужно правильно понять, какие конкретные формы оно может принять в современную эпоху.

Почему история не смогла радикально изменить матрицу российской государственности? Ответ, прежде всего, лежит в экономической сфере жизни. Импероподобная форма государства и тесно связанная с властью, отчасти сращенная с ней сдаточно-раздаточная или распределительная экономика (с включением сегментов экономики рыночного типа), и сегодня выступает важнейшим условием жизнеспособности незападного социального организма. Только государство как верховная централизованная власть может сегодня образовать и удерживать огромное нерыночное по природе экономическое пространство России. Разделить власть и собственность смогла только одна цивилизация – западная, но радикальные либералы пытаются получить такой же результат на чуждой для этого отечественной почве (которая

носит системный антикапиталистический характер), а по прошествии двадцати лет удивляются, искренне или нет, почему так неутешительны итоги.

Нельзя, однако, представлять, что матрица государственности действует только как импринт, т. е. как простой отпечаток шаблона. В этом случае и начинаются все трудности установления преемственности конкретно-исторических форм российского государства. К примеру, петербургская империя, демонстрирует все три классические черты империи, но отчетливо выраженная имперская идея за двести лет в ней так и не сложилась³⁷. Но если у империи нет идеи, нет духовного стержня или утрачивает его, то она, в конечном итоге, гибнет. Исторический тупик Российской империи начала XX в. **оказался неизбежным следствием всего пореформенного хода развития страны**³⁸.

Ранее было отмечено, что Российская Федерация, несмотря на решительный разрыв с советской системой, зафиксированный в Конституции 1993 г., оказалось, с одной стороны, воспроизводит многие черты матрицы имперского устройства государства, а с другой, пытается решительно порвать с ней. Эта ситуация концептуальной неопределенности породила много проблем.

Как известно, чуждая форма разрушает оформляемое ею содержание. РФ отвергла имперский (советский) принцип автономии и жестоко за него поплатилась явной угрозой распада в 90-е гг. прошлого столетия. Фактически и сегодня Чечня, Татарстан, Башкортостан, Тува, ряд других национальных образований де факто обладают широкой автономией в отличие от русских регионов. А это и есть проявление одного из имперских принципов устройства государства – не должно быть обязательного единообразия в организации жизни различных этносов, но обязательно должно быть сохранение до определенного уровня жесткой вертикали власти.

Из всего сказанного кажется очевидным, что импероподобное устройство российского государства в наибольшей степени может адекватно ответить на вызовы и угрозы как внешнего, так и внутреннего характера. Но политический вектор государства будет определяться теми духовно-ценностными ориентирами, которые будет разделять и поддерживать верховная власть. И вот здесь также нужны усилия философов с тем, чтобы публично сопоста-

вить основные тренды реформирования российского государства так, как они излагаются основными политическими движениями страны. Но суть проблемы заключается не просто о том, как реформировать политическую систему, а в том, на реализацию каких стратегических целей будет работать такая реформа.

Основные тренды реформирования российского государства

Либеральный тренд – это сильный тренд на дальнейшую трансформацию государства в западную модель парламентского типа. В этой модели как минимум заложена линия на сознательное подчинение более сильным государствам Запада во имя дальнейшей демократизации политической системы, а как максимум – реальная угроза распада. Руководители ведущих стран Европейского Союза неоднократно заявляли о своей готовности принять Российскую Федерацию в его состав, но не целиком, а по частям.

Второй мощный тренд, который присутствует в политической жизни страны, – это тренд на дальнейшее развитие молодого отечественного капитализма в рамках пока не имеющей внятного содержания идеологии российского или либерального консерватизма. С одной стороны, верховная власть пытается укреплять вертикаль власти, а с другой, поощряет развитие крупного и олигархического бизнеса с тем, чтобы он мог при активной поддержке сильного государства успешно конкурировать с мощными транснациональными корпорациями, отвоевывая себе посильную долю в процессе распределения мировой капиталистической прибыли. Пока это плохо получается у России, как молодого капиталистического хищника, мировые акулы капитализма умеют хорошо защищать свои позиции и прибыли. В экономическом плане либерально-монетаристский эксперимент в России терпит практически полное фиаско (дефолт, кризис 2008–2009, Кипр, сегодняшняя стагнация экономики), но радикальные либералы, возглавляющие экономический блок в правительстве, продолжают настаивать на продолжении курса. А некоторые из них мечтают о создании корпорации – государства, т. е. рыночно-экономического, не социального, а в тенденции асоциального государства, в котором выше

всего ценится бизнес-эффективность государства на мировой арене, а подавляющая часть людей превращается в бесправную и беспощадно эксплуатируемую биомассу.

Вряд ли можно говорить о сильном проявлении тренда на достижение КПРФ, а тем более малочисленными левыми движениями высшей государственной власти. Примерно с тех же позиций можно оценить и вероятность восстановления православной империи. Реальные возможности у этих трендов могут появиться только при складывании экстремальных условий в стране, аналогичных ситуации 1917 г. Напомним, что в то время между западными странами шла кровопролитная война, а в стране после отказа царя от престола в военное время (что равносильно прямой измене) властная имперская вертикаль стала быстро рассыпаться. К осени 1917 г. наступила фактическое безвластие в стране. Как говорилось тогда, власть валялась на улице (так было и осенью 1991 г.). И весь вопрос был в том, кто ее подберет.

Пока партии и другие общественно-политические движения соревнуются в том, чтобы доказать, чей проект конституционно-правовой трансформации государства лучше, вряд ли может быть какая-либо устойчивая политическая и социальная консолидация российского общества. В этой связи следует обратить особое внимание на постепенно набирающий силу тренд в деятельности государственной власти, связанный с реализацией проекта «социальное государство». В принципе это левый тренд, но достаточно своеобразный. «Консерватизм в условиях кризиса, – по мысли А.И. Фурсова, – может обернуться динамичной левой стратегией»³⁹. Это явление начинают называть в литературе «левым консерватизмом»⁴⁰. Левый электорат голосовал на президентских выборах за Путина⁴¹, за первое лицо в полном соответствии с массовыми настроениями, господствующими в импероподобном (имперском) государстве, когда единственным человеком, кому больше всего доверяют миллионы людей в стране в нестабильной, критической ситуации, является первое лицо, олицетворяющее верховную государственную власть. Тренд на социальное государство среди других трендов следует признать наиболее предпочтительным. Созидание подлинно социального государства имеет, в сущности, социалистический тренд и, прежде всего, по причине приоритета реализации социальных целей и задач государства над экономиче-

ской эффективностью. Развитие экономики должно быть направлено, прежде всего, на решение социальных проблем, в первую очередь демографических проблем, социальной и медицинской защиты граждан, резкого повышения уровня и качества жизни.

Последовательное продвижение по этому направлению может произойти только в результате смены политического курса. Поэтому о смене курса постоянно говорят многие политики и ученые. Президентские инициативы, которые были сформулированы в предвыборных статьях В.В.Путина в 2011–2012 гг., могли бы стать основой большого стратегического проекта создания социального государства, но пока их реализация фактически блокируется либерально мыслящими чиновниками, господствующими в правительстве.

Серьезный недостаток авторитарной модели государственной власти в России всегда состоял в отсутствии устойчивой обратной связи. В этих условиях определенные надежды можно возлагать на сложившуюся в российском квази-парламенте многопартийную систему. У оппозиционных партий есть возможности для критики принимаемых решений. Но с другой стороны, авторитарное (импероподобное) устройство государства противится глубокому партийно-политическому размежеванию в обществе. Сама по себе верховная власть по своей природе носит непартийный или, точнее говоря, надпартийный характер. И в этом отношении прав В.Третьяков, который предлагает для успешной работы парламента «прямое сословно-профессиональное представительство, которое станет реальным народным представительством»⁴².

Известно, что рост материального потребления, так называемое потребительство, может иметь неограниченный характер, если он ничем не сдерживается. Это очень опасная ситуация, которая сегодня сложилась и которая способна привести к неотвратимой деградации всей цивилизации. Из этого тупика общество может выйти при условии, если его духовные потребности будут определять смысл и масштабы материальных потребностей. Именно этим качеством отличалась российская (русская) цивилизация. Сегодня много говорится об утрате духовных начал в обществе.

С духовным возрождением в стране пока не очень получается. Главное сегодня – решительно поменять подходы к его решению. Скорее всего, духовность должна носить, как и верховная власть,

такой объединительный и надпартийный по своему содержанию характер, который окажется способным объединить людей вокруг практического решения Общего Дела.

Где проявилась и проявляется историческое творчество русского, российского человека предметно и выразительно, так это, прежде всего, в покорении, в освоении пространства (имеющего четыре измерения: земное, водное, воздушное и космическое). Это та русская, российская стихия, на освоение которой всегда было направлена изобретательность, творчество и энергия русского человека на протяжении столетий. Причем отношение к этой стихии, в общем, естественно лишено жестких идеологических и партийных перегородок. Символ российской жизни – Дорога. От дороги до края света, которую искали землепроходцы и мореплаватели, до дороги в Космос. Это стремление к освоению пространства имеет мощные исторические и метафизические корни – от крестьянских утопий о «счастливых землях», до русского космизма. Российская (русская) цивилизация и сегодня остается «цивилизацией пространства».

Самая актуальная проблема страны, от которой в решающей степени зависит её выживание и дальнейшее существование, сегодня состоит в том, что нужно качественное изменение связности российского пространства, то есть, нужна коммуникационная революция, которая имеет два главных измерения. Первое из них – это новое, революционное преобразование средств связи, т. е. всей системы современных информационных технологий, иначе говоря, освоение пятого «виртуального» пространства в дополнение к названным четырем традиционным видам пространства. И второе измерение – создание высокоскоростной транспортной магистрали от Балтийского моря до Тихого океана, более того, создание инновационной экономики, составляющей с транспортной магистралью одно целое, что потребует сетевых принципов организации экономики регионов, приведет к появлению на бескрайних просторах страны полицентричного мира. Вся эта огромная творческая, созидательная работа, новый гигантский рывок в освоении евразийского пространства потребует от общества огромного напряжения, мобилизации всех его интеллектуальных, творческих, нравственных сил. Главное, чтобы политическая воля государственной власти сформировала такой

мощный импульс, который развернул бы все общество на форсированную реализацию этой огромной по своим масштабам коммуникационной и пространственной революции в организации всей общественной жизни в стране. Вопрос об идейной и социальной основе неизбежной духовной революции в России рано или поздно будет решен, но такого рода революция подскажет обществу наиболее оптимальную форму государственного устройства. А до тех пор, пока идейный разброд в вопросе о природе, целях и ценностях российского государства будет продолжаться, ставить вопрос о радикальной политической реформе, радикальном изменении конституционно-правового строя в стране преждевременно.

Вместо заключения

Постановка вопроса о существовании публичной философии имеет ещё и другую сторону, которая связана с преподаванием философии в учебных заведениях. Имеется в виду преподавание философии не для будущих специалистов – профессиональных философов, об этом нужно вести отдельный разговор, а для лиц, получающих первое высшее образование. Философия выступает для них как существенная часть общего гуманитарного образования, на которую постоянно покушаются чиновники разных уровней.

Стремление создать для учебного процесса некоторую единую систему философского знания является вполне понятным и оправданным. Единая система знаний необходима потому, что при чтении лекций, семинарских занятий и т. д. тем более в рамках огромного института или университета необходимо не просто оценивать знания, но и иметь возможность сопоставлять знания слушателей, обсуждать вопросы преподавания, выпускать методические пособия – работа, которая сегодня оставлена практически без внимания. Можно привести огромное количество примеров, когда преподаватели самовластно, т. е. самовольно и произвольно изменяют содержание не только отдельной темы, но и курса в целом. Часто возражают здесь в том смысле, что главное – это вызвать интерес к предмету, а что остается от предметного содержания отдельной

темы зависит от того, как обстоятельства сложатся. Это возражение очевидно несостоятельно, хотя порой диктуется сиюминутными обстоятельствами.

Во всех развитых странах мира постоянно выходят всё новые и новые учебники по всем отраслям философского знания. Систематическое изучение философии студентами – будущими специалистами самого разного профиля является неотъемлемой частью их гуманитарного образования, но дело не только в этом.

Главное требование к философии, которое предъявляет к ней студенты (слушатели разных форм обучения), состоит в том, что они хотят получать конкретные ответы на волнующие их вопросы. Применительно к философии на вопросы о том, как жить в современную эпоху, к каким целям стремиться, куда идет человечество, и есть ли надежда на достижение достойной жизни и в чем эта достойная жизнь может выражаться. И вдруг им, ещё не постигшим философские азы, предлагают разные, а то и прямо противоположные философские ответы на животрепещущие вопросы, предлагают выбрать тот из ответов, который им больше нравится, отвечает их ожиданиям и представлениям. Подобная постановка образовательного процесса противоречит самим целям образования и приводит к печальным последствиям как с точки зрения престижа философии, (Все что она может дать слушателям – это предложить набор ответов и сказать – выбирай), так и состояния ценностных ориентиров слушателя (хаос и мешанина вместо понятной для них картины жизни).

Эту философию для неспециалистов можно назвать особой формой публичной философии. Ее назначение также состоит в том, что она обязана давать слушателям понятные ответы на реальные вопросы, которые стоят перед ними. Поэтому создание учебного курса как достаточно целостной системы философского знания есть помимо всего прочего и особое искусство. Оно заключается в том, как и что выбрать из огромного объема знания, накопленного академической, профессиональной философией, какую философскую школу, направление или их некоторую совокупность предпочесть с тем, чтобы учебный курс как система был созвучен эпохе, явился бы для студента нефилософских специальностей и постижением, и выражением её смысла, ведущих тенденций развития российского общества и современного мира в целом.

Публичная философия и академическая философия, это как бы две стороны одной медали. Академическая философия – предмет занятий профессионального сообщества. Развитие и эффективность публичной философии в определяющей степени зависит от того, что может предложить сегодня академическая, профессиональная философия. Без ее новых выдающихся достижений, расширения границ человеческой свободы, обретения человеком все более сложных смысложизненных ценностей, человечество рано или поздно обречено на вырождение.

Примечания

- ¹ См.: статьи, опубликованные в журнале Института философии РАН: Филос. журн. 2012. № 2(11): *Межуев В.М.* Кому и зачем нужна сегодня философия? С. 5–16, *Федорова М.М.* Философия и политика. С. 17–26, *Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст. С. 27–44.
- ² *Буравой М.* За публичную социологию // *Общественная роль социологии /* Под ред. П.Романова и Е.Ярской-Смирновой. М., 2008. С. 8.
- ³ Там же. С. 21.
- ⁴ Один из участников дискуссии А.Алексеев подчеркнул, что «постановка вопроса о публичной социологии представляется весьма актуальной и своевременной для российской социальной науки» (Там же. С. 60).
- ⁵ *Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю.* Прикладная история или публичное измерение прошлого // *Неприкосновенный запас.* 2012. № 3(83). С. 234.
- ⁶ Там же. С. 242.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Липман У.* Публичная философия. М., 2004. С. 90.
- ⁹ Там же. С. 93.
- ¹⁰ *Гусейнов А.А.* О назначении философии // *Философия и история философии: К 90-летию акад. Т.И.Ойзермана.* М., 2005. С. 94.
- ¹¹ Там же. С. 96.
- ¹² *Подорога В.А.* О чем спрашивают, когда спрашивают «Что такое философия» // *Филос. журн.* 2009. № 1(2). С. 10.
- ¹³ *Гусейнов А.А.* [Выступление в дискуссии] // *Филос. журн.* 2009. № 1(2). С. 17. www.politstudies.ru/universum/esse/5k11/htm.
- ¹⁴ *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995. С. 199.
- ¹⁵ www.liberal.ru/sitan.asp?Num=483.
- ¹⁷ *Шевцова Л.* Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М., 2011. С. 36, 135, 126.
- ¹⁸ Там же. С. 144.
- ¹⁹ *Кургинян С.Е.* Политическая война. М., 2013. С. 32.

- 20 <http://via-midgard.info/blogs/13055-rossiya-protiv-rusi-istoricheskoe-rassledovanie.html>.
- 21 <http://lj.rossia.org/users/shiropaev/12140.html>.
- 22 <http://centurion-center.narod.ru/nazdem.html>.
- 23 *Гачев Г.Д.* Америка в сравнении с Россией и Славянством. М., 1997; *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. М., 2001; *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М., 2005.
- 24 <http://www.nationalism.org/library/science/nationalism/hosking/hosking-people-empire.htm>.
- 25 <http://www.inache.net/>.
- 26 <http://www.apn.ru/publications/article9857.htm>.
- 27 <http://www.apn.ru/publications/article18447.htm>.
- 28 «Континент Сибирь» // Независ. газ. 2.11.2012.
- 29 <http://zema.su/blog/aleksandr-prokhanov-pyataya-imperiya-put-rossii>.
- 30 Изборский клуб. 2013. № 1. С. 46–53.
- 31 *Шевченко В.Н.* Российское государство: современные дискуссии в науке и за ее пределами // Филос. науки. 2013. № 7. С. 5–22.
- 32 «Сама фигура глобально мыслящего интеллектуала сходит на нет, она становится все более приземленной. Сегодня публичный интеллектуал – это скорее именно профессионал, обсуждающий в публичном пространстве какие-то конкретные проблемы, но не готовый или не намеренный транслировать в это пространство некое мировоззрение» (*Плотников Н.С.* Реконфигурация публичного пространства // Рус. журн. 27.10.2011 (http://www.perspektivy.info/misl/cenn/rekonfiguracija_publichnogo_prostranstva_2011-11-25.htm)).
- 33 *Алексеева Т.А.* Некоторые соображения о предметной области политологических дисциплин // Философия политики и права: Сб. научн. работ. Вып. 2 / Под общ. ред. Е.Н.Мошелкова. М., 2011. С. 123.
- 34 *Федорова М.М.* Цит. соч. С. 20.
- 35 См.: *Межуев В.М.* История, цивилизация, культура. Опыт философского истолкования. СПб., 2011. С. 385.
- 36 См. подробнее: *Шевченко В.Н.* Вектор развития российской цивилизации и политические стратегии власти // Политические стратегии российского государства как философская проблема. М., 2011. С. 21 и далее.
- 37 См.: *Спиридонова В.И.* Московское царство как прообраз политических стратегий российского государства // Там же. С. 109 и далее.
- 38 См.: *Шевченко В.Н.* В.И.Ленин: исторический тупик Российской империи и будущее России // Русский марксизм: Г.В.Плеханов, В.И.Ульянов (Ленин) / Под. ред. А.В.Бузгалина и Б.И.Пружинина. М., 2013.
- 39 *Фурсов А.И.* Вперед к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М., 2014. С. 318.
- 40 См. подробнее: *Щипков А.В.* Левый консерватизм // Перелом: Сб. ст. о справедливости традиции. М., 2013. См. также нашу рецензию на этот сборник: Электрон. журн. «Однако». 1 июля 2013 (www.odnako.org/blogs/show_26578).
- 41 См.: *Зубаревич Н.* Четыре России // Ведомости.ru. 30.12.2011; *Шевченко В.Н.* Левое измерение современного российского общества // Альтернативы. 2013. № 1.
- 42 *Третьяков В.Т.* Конец партийности и сословная демократия // Сб. ст. о справедливости традиции. С. 132.

В.Г. Буров

Социально-экономические и идейные основы современного государства: китайский опыт

Проблема государства является одной из центральных в современной политической науке. И это неслучайно, поскольку государство не просто олицетворяет власть, от его правильного функционирования зависят судьбы живущих в нем людей. Вот почему в кругах научной общественности не прекращаются дискуссии о функциях государства, пределах его власти, роли конституции в политическом устройстве общества.

Социально-экономические проблемы китайского общества

Очень часто западные, а иногда и российские политики и средства массовой информации подвергают критике существующий в Китае строй за авторитаризм, отсутствие в стране демократии.

Политический режим в Китае, действительно, авторитарный. Но его существование объясняется не субъективной прихотью китайских лидеров, а объективными факторами. К настоящему времени в стране накопилось большое количество проблем. Здесь, прежде всего, следует назвать значительные диспропорции в развитии западных, северо-западных, северо-восточных регионов, с одной стороны, и восточных, южных, с другой, и одновременно существующий по-прежнему разрыв в уровне развития городов и деревень. Продолжает сохраняться имущественная дифференциация среди населения, с одной стороны, растет число долларовых миллиарде-

ров и миллионеров, а с другой стороны, в обществе есть много бедных людей. Очень серьезной проблемой является загрязнение окружающей среды, здесь Китай занимает одно из первых мест в мире, что оказывает отрицательное влияние на здоровье жителей страны¹. Также важной по степени влияния на развитие общества стала в последние годы проблема коррупции. В Отчетном докладе ЦК КПК XVIII съезду партии было сделано беспрецедентное заявление: «Неадекватное разрешение этой проблемы (коррупции. – В.Б.) может нанести смертельный вред партии и даже погубить ее и страну»². Новый лидер Китая Си Цзиньпин в своих выступлениях постоянно обращается к теме коррупции³. Наконец, следует упомянуть и о деятельности сепаратистов в Тибете и Синьцзяне. В последнее время уйгурские сепаратисты перешли к прямым террористическим актам, причем, если раньше они совершали вооруженные нападения на представителей власти только в «родном» для них Синьцзян-уйгурском автономном районе, то теперь они перенесли свою деятельность в центральные районы страны. В конце октября 2013 г. уйгурские сепаратисты совершили террористический акт в центре столицы Пекине – на площади Тяньаньмэнь, а через несколько дней, уже в ноябре в главном городе провинции Шаньси – Тайюане.

Кроме названных нами крупных социально-экономических проблем существуют и другие, не менее важные. Например, проблема «нунгун» – крестьян – рабочих. Это специфическая китайская проблема. Осуществляемое в Китае в течение десятилетий масштабное строительство промышленных предприятий, транспортных артерий, портов, жилых и административных зданий, в основном, ведется рабочими, являвшимися в прошлом крестьянами. Поэтому они получили в китайской терминологии наименование «крестьяне-рабочие». Большинство из них живут в городах уже много лет, однако не имеют постоянного жилья, не получают нормального медицинского обслуживания, их дети испытывают ограничения при поступлении в средние школы. Самое главное – крестьяне-рабочие не имеют прописки (хукоу). Хотя китайские власти уже несколько лет декларируют необходимость решения данной проблемы, она все еще далека от реализации. Остро стоит в стране и проблема пахотных земель. Изъятие их под промышленное и городское строительство вызывает недовольство крестьян, что выражается в массовых протестах с их стороны.

Еще одна серьезная проблема – снижение уровня нравственности среди различных возрастных групп населения Китая, в том числе молодежи. Широкое распространение рыночных отношений практически во всех сферах общественной жизни приводит к увлечению материальными интересами, рождает стремление во что бы то ни стало заработать деньги («чжуанцянью»). Нравственные идеалы бескорыстного служения государственным интересам, безусловного исполнения общественного долга отбрасываются, появляются карьеризм, рвачество, лицемерие, цинизм и т. п.

Все вышеуказанные проблемы осознаются руководством Компартии и государством. Отсюда – постоянные политико-идеологические кампании, призывы к повышению уровня воспитательной работы, возрождению лучших традиций революционной борьбы, учебы у героев, демонстрировавших образцы самопожертвования⁴. Тот факт, что такого рода мероприятия постоянно возобновляются, свидетельствуют о том, что их результативность не очень высока. И действительно, о какой социальной справедливости может идти речь, если простые китайские граждане живут достаточно скромно в сравнении с уровнем доходов пусть и незначительной прослойки китайской экономической элиты, капиталистической по своей сути?

Вот почему в китайском обществе время от времени появляется ностальгия по тому периоду истории Китайской Народной Республики, когда в обществе еще не было социального расслоения, т. е. не было рыночной экономики. Отсюда проистекает идеализация деятельности Мао Цзэдуна, а все ужасы «культурной революции» выносятся за скобки. В официальной пропаганде эту тему стараются не вспоминать, тем более «педалировать», а просто упоминают о ней. Подобное отношение к прошлому вполне объяснимо. Китайское руководство не хочет, чтобы население страны, рядовые граждане вспоминали трагические страницы в истории Компартии и тем самым ставили под сомнение ее руководящую роль в государстве.

Поэтому в последние годы в Китае широко пропагандируется идея о необходимости гармонизации отношений между людьми во всех сферах социальной жизни – прежде всего в трудовых коллективах, в общественных местах, быту и т. д. Обращение к авторитету классиков марксизма, руководителей КПК прошлого периода уже

не работает. Китайцы по своей природе люди прагматичные, они всегда мыслят категориями настоящего, а не будущего. Их интересует не идеальное общество, которое им обещают, а социальная справедливость в сегодняшней жизни. В отличие от православных русских, китайцы в своей массе не верят в загробную жизнь, они хотят иметь достойную, по их понятиям, жизнь в своем нынешнем реальном существовании.

Руководители КПК хорошо представляют себе существующие в стране проблемы. Дело в том, что в отличие от нынешних руководителей России, все они прошли большую школу практической работы на местном уровне; они и сейчас регулярно посещают различные провинциальные и уездные города. Однако одно дело – знать проблемы, другое дело – решать их. В Китае проживает почти в 10 раз больше жителей, чем в России. Китайские руководители осознают, что к решению существующих проблем следует подходить взвешенно, осторожно. Очевидно, что дальнейшее углубление рыночных реформ, осуществление «социалистической рыночной экономики» является в настоящее время и будет являться в будущем столбовой дорогой развития китайского общества. Но перед членами нынешнего китайского руководства встают принципиальные вызовы. Как сделать так, чтобы рыночная экономика не нанесла ущерба экономическим интересам рядовых граждан, не привела к еще большему социальному расслоению? Как совместить политические интересы различные социальных слоев – рабочих, крестьян, интеллигенции и бурно растущей буржуазии, как соединить их усилия в осуществлении модернизации общества? Как не допустить усиления политической власти буржуазии с учетом её все возрастающей экономической роли, что будет означать, в конечном счете, крах китайской версии социализма?

Очевидно, что от осуществления политики реформ и открытости выиграли практически все слои китайского общества – но не в равной степени. В большей степени – новая китайская буржуазия, что вполне объяснимо, а также интеллигенция. В частности, происходит постоянное повышение должностных окладов научным сотрудникам и преподавателям вузов, последнее повышение произошло в 2013 г., члены всех Академий, т. е. академики уже несколько лет получают денежное вознаграждение за звание. Китайские ученые, в отличие от российских, имеют возможности

читать в оригинале научные журналы по своим отраслям научного знания, которые выходят в различных странах мира. Например, в библиотеке Китайской Академии общественных наук есть все издающиеся в мире журналы по философии. Китайским научным учреждениям не грозят никакие реорганизации, а их сотрудникам – увольнения. В результате такого отношения руководства Китая к отечественной науке, она быстро сокращает свое отставание от мирового научного уровня.

В настоящее время заработная плата китайских профессоров колеблется в пределах от одной до трех тысяч американских долларов, учитывая другой уровень цен в Китае на основные продукты питания и предметы первой необходимости, чем в России, их жизненный уровень значительно превышает материальный уровень жизни российской профессуры. В России очень часто говорят о необходимости заимствования передового зарубежного опыта, но почему-то под ним, как правило, имеется в виду только опыт западных стран, а между тем, есть чему поучиться и у Китая!

Меньше всех от экономических реформ выиграли крестьяне и рабочие. Хотя их материальный уровень повысился в сравнении с периодом до 1978 г., однако это коснулось различных слоев этих классов китайского общества в неодинаковой степени. Особенно трудно пришлось работникам государственных предприятий, многие из которых оказались убыточными.

Идейно-политическая ситуация в современном китайском обществе

Идейно-политическая ситуация в Китае в настоящее время существенным образом отличается от той, которая существовала до начала «политики реформ и открытости». Прежде всего, не существует жесткого идеологического диктата, ученые вправе высказывать любые точки зрения относительно существа и методов экономической политики; что касается политической реформы и политической идеологии, то здесь существует одно, но очень важное ограничение – нельзя ставить под сомнение «четыре основных принципа»:

- руководящая роль Компартии;
- руководящая роль марксизма в идеологии;
- строительство социализма как цель модернизации;
- политический строй демократической диктатуры народа.

Фактически незыблемым, т. е. не подвергаемым критике является лишь первый принцип – о руководящей роли Компартии в обществе. Что касается остальных трех принципов, то, как показывают публикации в китайской научной печати, здесь возможен довольно значительный разброс мнений.

Очень часто мнения, в чем то и даже значительно расходящиеся с официальной точкой зрения, авторы статей, появляющихся в научной, партийной печати, высказывают через критику, прямую или завуалированную, исторического опыта Советского Союза и даже взглядов классиков марксизма, в частности, Ленина и Сталина.

Наибольшей свободой в своих творческих исканиях пользуются те деятели искусства (кино, театра, литературы, живописи), которые в своих произведениях не затрагивают актуальные вопросы политико-идеологической ситуации в современном Китае. Это не мешает им создавать подлинные художественные шедевры. Достаточно назвать имена писателя Мо Яня, лауреата Нобелевской премии по литературе за 2012 год, который пишет романы в стиле модерн; кинорежиссера с мировым именем Чжан Имоу, который снимает фильм преимущественно о дореволюционном Китае.

Тем не менее, поскольку существуют проблемы, неизбежно должны появляться люди, которые реагируют на них. Это представители интеллигенции, которые высказывают свои мнения в Интернете. Главный мотив их высказываний – социальная справедливость, коррупция, однопартийная диктатура, отсутствие демократии и т. д.

Проводимая в современном Китае экономическая и социальная политика не соответствует марксистской ортодоксии. Идеологией компартии является *китаизированный марксизм*, который предполагает учет культурно-исторических особенностей Китая, общие закономерности марксистского учения, хотя они и упоминаются, но о следовании им фактически речи нет. В отличие, скажем, от КПРФ, руководители которой постоянно позиционируют себя как интернационалистская партия, руководство и идеологи КПК, как правило, обсуждают проблемы китаизированного марксизма,

приспособления его к национальным особенностям Китая. Если председатель ЦК КПК Г.А.Зюганов в своих докладах постоянно цитирует В.И.Ленина и И.В.Сталина, то руководители КПК в своих выступлениях, даже в Отчетных докладах съездам партии, **никогда** не ссылаются на классиков марксизма или Мао Цзэдуна. Если кого и упоминают, и то вскользь, Дэн Сяопина. На наш взгляд, это объясняется тем, что китайские руководители совершенно справедливо полагают, что бессмысленно, а поэтому нецелесообразно искать в трудах классиков ответы на вызовы современной эпохи. Обычно в партийных документах, в том числе и в решениях пленумов ЦК, обязательно содержатся фразы относительно необходимости руководствоваться марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важной идеей тройного представительства (имеется в виду Цзян Цзэминь), научной концепцией развития (имеется в виду Ху Цзиньтао), но не более того. Еще в начале нулевых годов тогдашний руководитель КНР Цзян Цзэминь выдвинул лозунг “юйши цзюцзин” – «действовать в соответствии со временем».

В последние годы руководство Китая все больше берет курс на использование в идейно-политической жизни общества традиционных ценностей, что, естественно, предполагает обращение к этико-политической доктрине конфуцианства. В ней содержатся те положения, которых не могло быть в марксистском учении, ибо оно было ориентировано на классовую борьбу, на революционное завоевание власти⁵. Обращение к ортодоксальной версии марксизма было оправдано, как пишут китайские идеологи, тогда КПК была партией, ведущей борьбу за власть, и добавим, когда она, будучи правящей партией, осуществляла социалистические преобразования в городе и деревне. После выдвижения теории Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой ортодоксальная версия социализма становится более неиспользуемой.

Китайское руководство понимает тесную взаимосвязь экономического базиса с политической надстройкой, поэтому в выступлениях партийных руководителей, решениях партийных органов постоянно присутствуют слова о необходимости политической реформы. Об этом, в частности, говорится и в документах последнего, XVIII съезда компартии, состоявшегося в ноябре 2012 г. Нельзя не признать, что за время, прошедшее после на-

чала «политики реформ и открытости», т. е. после 1978 г. политический режим в Китае претерпел существенные изменения. Это выразилось в следующем:

- стало практикой регулярное проведение съездов Компартии, пленумов ее Центрального Комитета;

- произошло в определенной степени восстановление внутрипартийной демократии; члены партии получили возможность открыто высказывать свои мнения по конкретным вопросам, касающимся деятельности партии и органов государственной власти;

- значительно возросла роль средств массовой информации, жители страны стали значительно лучше информированы о событиях внутри и вне страны⁶;

- возросла роль демократических партий в политической жизни страны. Несмотря на малочисленность их состава, представители этих партий привлекаются на службу в государственный аппарат, чего не было раньше;

- регулярно проводятся сессии парламента страны – Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и организации единого фронта – Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), на которых обсуждаются вопросы общегосударственного характера, в том числе заслушивается Отчет правительства, утверждается его состав, принимаются законы и т. д.;

- аналогичная практика существует и на местах, где также есть свои собрания народных представителей и политические консультативные советы;

- введение системы прямых и тайных выборов глав местных органов власти (деревень, волостей);

- разрешена деятельность общественных организаций по интересам неполитического характера;

- осуществляется практика консультативной демократии на местах.

Китайские ученые о причинах распада Советского Союза

Вопрос о пределах политической демократизации – это один из самых обсуждаемых вопросов в кругах китайской политической элиты. У нее перед глазами печальный опыт последних лет

существования Советского Союза. По общему мнению китайских политических деятелей и ученых, главная причина распада Советского государства лежит не в объективных факторах, а в ошибочной политике руководства КПСС и, прежде всего, Горбачева.

В 2012 г. был опубликован одобренный Министерством образования КНР учебник для вузов «История международного коммунистического движения». Авторы учебника признают необходимость реформ в Советском Союзе в середине 80-х годов прошлого столетия. Они объясняют это тем, что «в течение десятилетий политический и экономический строй Советского Союза, модель его социального управления, были застывшими и неподвижными, в них было много пороков, и хотя было несколько попыток осуществить реформы, результаты были минимальными»⁷. Неудивительно поэтому, что с избранием на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева связывались большие ожидания. Однако эти ожидания не оправдались: «Подняв знамя всесторонней перестройки, он затем в течение шести лет выдвинул большое количество различных лозунгов: начал со стратегии “ускорения в экономике”, однако, потерпев здесь неудачу повернул в сторону политических реформ, выдвинув лозунги “гласности и плюрализма”, “демократизации и многопартийности”, он стал пропагандировать “гуманный, демократический социализм”, во внешней политике выдвинул идею “нового мышления” и стал вести по отношению к западному миру политику соглашательства и уступок. В результате возникли – в идеологии хаос, в обществе – смятение и национальные конфликты, Коммунистическая партия Советского Союза утратила свою власть, а единое федеративное государство распалось»⁸.

Авторы учебника видят причины поражения перестройки в том, что у Горбачева не было продуманной стратегии экономических реформ, что, в частности, проявилось в невнимании к развитию легкой промышленности, а это было крайне важно для Советского Союза в тот период, а также нереалистичность предлагаемых мер по оздоровлению советской экономики. Однако вместо того, чтобы исправить экономическую политику, Горбачев всю вину за ее провалы возложил на «консервативные силы» в партии и начал неподготовленные политические реформы. В условиях пропагандируемой «гласности», тогдашний руководитель советской идеологии А.Яковлев, «при молчаливом согласии и попуститель-

стве Горбачева», сознательно направил острие критики некоторых влиятельных общественных сил на «темные стороны КПСС и Советского Союза»⁹.

Вдохновленные лозунгом «политической демократизации и плюрализма» в различных местах Советского Союза стали возникать неформальные общественные организации, число которых в 1990 г. достигло 90 тысяч «большинство из них, пишут авторы учебника, были политическими организациями, антикоммунистическими и антисоциалистическими по своим целям».

Подробно излагая все перипетии экономической и политической ситуации в Советском Союзе в период нахождения у власти Горбачева, авторы учебника нелицеприятно отзывается о мерах, принимавшихся советским руководством для преодоления кризисных явлений. Так, например, говоря о позиции Горбачевым по отношению к «наступлению национальных и местных раскольнических сил», они характеризуют ее как «чрезчур мягкую и слишком нерешительную, как проявление страха, он только и делал, что приспособливался и шел на уступки». Несомненно, что подобная оценка политики Горбачева в национальном вопросе резко контрастировала с позицией КПК, руководство которой никогда не шло ни на какие компромиссы и уступки с сепаратистами (в Тибете и Синьцзяне), а в случае необходимости применяло против них вооруженную силу¹⁰. Интересна и оценка авторами учебника действий ГКЧП. По тональности высказываний, их симпатии на его стороне: «Из-за того, что у членов ГКЧП отсутствовала крепкая политическая воля, а также потому, что они не предприняли эффективных вооруженных действий, это событие, в конечном счете, закончилось поражением»¹¹.

Какие же уроки следует, по мнению автора учебника, извлечь из распада Советского Союза. Прежде всего, необходимо сохранять руководящую роль марксизма. Горбачев, по их мнению, вначале говорил о реформировании всего «социального здания – от экономического базиса до надстройки, а затем заявил, что необходимо “взорвать” это здание»¹². Но говоря о марксизме, авторы учебника имеют в виду не неизменяемые его догмы, а марксистское учение, постоянно обогащающееся и развивающееся в процессе практики.

Далее, по их мнению, необходимо сохранять в политической системе социалистического общества руководящее место компартии, боеспособность ее первичных организаций (в последние годы существования КПСС они перестали играть какую-либо роль в жизни общества).

Кроме того, необходимо сохранить руководство партии над средствами массовой информации и общественным мнением, ибо в противном случае произойдет подрыв идейно-политических основ социалистического строя. Авторы учебника приводят такие факты из периода гласности в Советском Союзе: «Октябрьскую революцию стали называть насилием и злодеянием», советский социалистический строй стал называться «тоталитаризмом», история КПСС – «историей злодеев», а социалистический строй – вообще, источником десяти тысяч злодеяний и мерзостей.

По мнению авторов учебника, причины распада Советского Союза и исчезновения КПСС связаны не только с ошибочной политикой Горбачева. Они объясняются целым рядом причин: во-первых, *в несовершенстве самой советской модели социализма*. В момент своего зарождения и первоначального развития она отвечала требованиям исторического момента. Однако, начиная с 50-х гг. прошлого века, советский экономический и политический строй постепенно перестал соответствовать потребностям исторического развития страны – фактически существовала лишь одна государственная форма собственности и одновременно высокоцентрализованная система планового управления в народном хозяйстве, упор делался только на развитие тяжелой промышленности¹³. Данный недостаток, по мнению авторов учебника, свидетельствует о догматическом подходе к марксизму, нетворческом отношении к модели социалистического строительства.

Во-вторых, *«после того, как в социалистической демократии и правовом строительстве наступил застой, внутри партии стало меньше демократии и правящая партия стала постепенно отрываться от масс»*¹⁴. Это произошло в силу ошибочного распространения Сталиным на весь период деятельности партии ограничений демократии, характерные лишь для определенного периода; он противопоставил внутривнутрипартийную демократию и её единство, сделал односторонний упор на единстве и железной дисциплине в партии, не только игнорировал внутривнутрипартийную

демократию, более того, разрушил ее. В этих условиях была растоптана правовая система социализма, заведено большое количество дел, сфабрикованных на основании надуманных и ложных обвинений, причинен вред многим кадровым работникам и простым людям, был также нанесен удар авторитету партии и государства. Подобные факты были использованы антикоммунистами и антисоциалистами внутри и вне Советского Союза для нападок на компартию и социализм¹⁵.

Следует отметить, что указав на ошибки Сталина, авторы учебника далее обращают внимание на то, что последующие руководители КПСС, хотя вроде бы и подвергали культ личности Сталина критике, тем не менее, насаждали свой культ личности (имеется в виду Хрущев и Брежнев. – В.Б.): «они фактически узурпировали большую власть, которая не подвергалась никакому контролю и ограничениям, в стране процветал бюрократизм, власть все более отрывалась от народа».

В-третьих, в течение продолжительного периода времени не обращалось внимания на всестороннее развитие экономики и удовлетворение материально-культурных потребностей народа.

Если в первое десятилетие существования Советского Союза, по причине внутренних и особенно внешних факторов, упор на развитие тяжелой промышленности был вполне объясним, то в 70–80 гг. прошлого столетия подобная стратегия экономического развития перестала соответствовать долгосрочным интересам Советского Союза, ибо она существенно замедлила экономический рост страны и соответственно снижала жизненный уровень населения, усиливала недовольство среди него, увеличивало политическую нестабильность в обществе.

В-четвертых, не было правильного понимания национальных проблем, отсутствовала ясная определенная национальная политика.

Авторы учебника считают, что политика Ленина в национальном вопросе была взвешенной, поэтому до Второй мировой войны «национальный вопрос решался сравнительно хорошо». Однако после 1945 г. в этой сфере было совершено много серьезных ошибок. Упоминается в этой связи одна из них – переселение под предлогом национальной безопасности ряда народов с мест их постоянного проживания.

В-пятых, нарушение принципов социализма во внешней политике. Здесь авторы учебника вспоминают конфликт 1948 г. между Советским Союзом и Югославией; вооруженное подавление «пражской весны» в 1968 г.; «причинение вреда руководителям нескольких партий и государств Восточной Европы». Что касается внешней политики Горбачева, то в учебнике она характеризуется как серия уступок США и странам Запада – под предлогом озабоченности интересами всего человечества.

Наконец, в-шестых, ослабляется идейно-теоретическое воспитание членов партии и масс, в обществе утверждается индифферентное отношение к идеалам и убеждениям.

По мнению авторов учебника, с формальной точки зрения марксистско-ленинское воспитание членов партии, вроде бы существовало, поскольку «была создана совершенная система идейно-политического воспитания, для этого использовались различные методы, в большом количестве издавались учебники, существовали партийные школы различного уровня, идейно-политической работой были охвачены все высшие учебные заведения. Однако в силу того, что в течение длительного периода времени существовал закостеневший подход к марксизму-ленинизму, в преподавании был сильный догматизм, процветало начетничество, не обращалось внимания на инновации в идейно-теоретической работе партии, в кругах теоретиков царил мертвящая обстановка, отсутствовали свежие идеи и творческий дух, идеи, волновавшие людей, подвергались ограничениям, в результате теоретическое воспитание, чем дальше, тем больше утрачивало свою заостренность, теряло свою убедительность»¹⁶. Внешне масштабы идейно-воспитательной работы были грандиозными, однако на практике ее содержание было «однообразным, пустым, содержание пропаганды и воспитания явно контрастировало с практической жизнью». В идейно-воспитательной работе КПСС отсутствовало понимание «пульса эпохи», тех изменений, которые происходили в обществе, социальной психологии людей. Поэтому не только члены партии, но и партийные работники не проявляли интереса к политическому курсу партии, идеалы коммунизма оказались в забвении, снизилась способность отличать правду ото лжи. В результате во время сильного шторма большинство членов партии и простые граждане не знали что делать, утратили ориентир движения вперед¹⁷.

Мы намеренно подробно изложили точку зрения авторов учебника «История международного коммунистического движения». Во-первых, здесь дан критический анализ деятельности руководителей советского государства и Коммунистической партии, вскрыты причины распада Советского Союза. Во-вторых, в учебнике изложена официальная позиция китайской политической и интеллектуальной элиты на историю КПСС и СССР. Следует иметь в виду, что сразу после распада Советского Союза эта тема стала одной из главных в научно-исследовательской работе партийных и научных учреждений, она обсуждалась на различных партийных и научных форумах, на уровне высшего партийного и государственного руководства. Перед китайскими обществоведами была поставлена задача не просто проанализировать причины поражения КПСС, а извлечь из ее трагической истории необходимые уроки для деятельности самой Компартии Китая с единственной целью – не допустить повторения в Китае событий, аналогичных тому, что произошло в Советском Союзе. За прошедшие после 1991 г. двадцать с лишним лет появилось большое количество публикаций, в том числе монографического характера разного теоретического уровня об истории СССР и КПСС, о причинах краха социалистического строя в Советском Союзе. Данный учебник представляет собой официальную китайскую версию, поскольку он предназначен для студентов высших учебных заведений. Зная систему апробации подобных материалов в Китае, очевидно, что данный учебник прошел рецензирование в Отделе пропаганды ЦК КПК.

Обращает на себя внимание одно очень важное обстоятельство. Через те разделы учебника, где говорится о причинах изменений социально-экономического характера Советского Союза и об уроках, которые следует из этого извлечь, рефреном проходит мысль о догматическом подходе к марксистской теории руководителей КПСС, их оторванности от практики жизни, реалий современной эпохи.

Теория Дэн Сяопина

Одиннадцатая, последняя глава учебника посвящена изложению теории Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой, ее формированию и развитию. В этой главе подчеркивается

новаторский подход руководства КПК к марксистской теории, что выразилось в создании «китаизированного марксизма», ибо, только «освободив сознание, твердо придерживаясь реалистического подхода, во всем исходя из практики, соединяя теорию с практикой, можно успешно осуществлять строительство социализма»¹⁸.

В китайской пропаганде подчеркивается, что теория Дэн Сяопина представляет собой «глубокий прорыв» марксистской теории, ибо она определила основное содержание строительства социализма в Китае *на его начальном этапе*, который может занять длительный период времени. Как пишут авторы учебника, Дэн Сяопин выдвинул следующие положения:

- освобождение производительных сил, развитие производительных сил, ликвидация эксплуатации, преодоление имущественного расслоения с тем, чтобы в конечном счете прийти к всеобщей зажиточности;

- взяв за основу экономику, твердо придерживаться четырех основных принципов, твердо придерживаться курса реформ и открытости;

- развитие – непреложная истина, концентрация сил на развитии общественных производительных сил, наука и техника – первая производительная сила;

- при социализме необходимо использование рыночной экономики, ибо план и рынок всего лишь экономические методы;

- без демократии нет социализма и, следовательно, нет социалистической модернизации, поэтому необходимо развивать социалистическую демократию, укреплять социалистическую правовую систему;

- социализм с китайской спецификой предполагает одновременное осуществление и материальной, и духовной цивилизации;

- мир и развитие являются двумя главными проблемами современного мира, необходимо проводить мирную внешнюю политику, направленную на независимость и самостоятельность, твердо придерживаться курса борьбы против гегемонизма, сохранения мира во всем мире;

- использование научной концепции «одно государство – две системы» для решения проблем Тайваня, Сянгана (Гонконга) и Аомыня (Макао);

– объединять все силы, которые можно объединить, укреплять и расширять в новых исторических условиях единый патриотический фронт;

– осуществлять строительство сильной, модернизированной, регулярной революционной армии;

– нынешняя центральная проблема Китая – это проблема партии, поэтому необходимо укреплять руководство страной со стороны партии и улучшать это руководство.

Все вышеуказанные положения на XIV съезде КПК в 1992 г. были объединены воедино под общим названием «Теория Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой», а на XV съезде партии в 1997 г. эта теория была включена в ее устав.

Достоинство теории Дэн Сяопина заключается в том, что содержащиеся в ней положения в очень простой и доступной форме указывают путь к решению сложных социальных, экономических, политических, культурных проблем. Возьмем, например, положение «развитие – непреложная истина»¹⁹. Смысл его заключается в том, что страна должна постоянно находиться в развитии, а не топтаться на месте. Или положение о взаимосвязи материальной и духовной цивилизаций, в данном случае речь идет о том, что нельзя увлекаться только вопросами развития материального производства, необходимо постоянно держать в поле зрения вопросы культурного уровня членов общества, образования, науки, нравственного здоровья нации. Наконец, очень простым на вид представляется положение о развитии производственных сил, но в нем содержится указание на необходимость осуществления экономической модернизации страны.

Важным составным элементом теории Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой является допущение в экономике рыночных отношений, признание частной собственности равноправной формой собственности, наряду с государственной и кооперативной.

По словам видного российского китаевода, директора Института Дальнего Востока Российской академии наук, академика М.Л.Титаренко, концепция социализма с китайской спецификой в чем-то сходна с идеей НЭП'а в Советском Союзе, но ее «практика идет значительно дальше и глубже политики НЭПа. Ибо теория социализма с китайской спецификой рассматривает капиталисти-

ческие элементы не как временных попутчиков, а как равноправных участников строительства социализма. Все формы собственности, в том числе и различные формы частной собственности, уравниены в правах с государственной, общественной. Частный собственник, капиталист рассматривается не как классовый враг, который рано или поздно подлежит уничтожению, а как равноправный партнер. Общенациональные интересы возрождения Китая, возрождение китайской нации – это то, что объединяет все слои китайского общества, идея возрождения – это общенациональная идея»²⁰.

Новаторский подход к проблемам социальной теории и политической практики, начатый Дэн Сяопином, был продолжен третьим поколением китайских руководителей во главе с Цзян Цзэмином. В феврале 2000 г. он выдвинул идею «тройного представительства» (или «трех представительств»), которая стала составной частью официальной идеологии КПК и получила название «важной идеи» – важной потому, что она касается всех областей деятельности компартии, затрагивает интересы всего китайского народа. В соответствии с этой идеей компартия Китая должна постоянно представлять, во-первых, требования развития передовых производительных сил, во-вторых, перспективное направление передовой китайской культуры, в-третьих – коренные интересы самых широких слоев китайского народа. Идеологической основой политики четвертого поколения китайских руководителей во главе с Ху Цзиньтао, пришедшего к власти в 2002 г., стала «научная концепция развития». Понятие «развитие» означает непрерывное движение по пути реформ, дальнейшее преобразование всех сторон общественной жизни и её субъекта – человека. Новизна, можно сказать, инновационный характер «научной концепции развития» заключается в том, что в ней делается упор на всестороннем развитии общества, а не только экономики. Успехи китайского социализма объясняются тем, что Компартия Китая в своей теоретической и практической деятельности решительно отказалась от догм ортодоксального марксизма, предложила собственные оригинальные методы решения проблем, стоящих перед страной.

О китайской мечте

На XVIII съезде КПК, состоявшемся в ноябре прошлого 2012 г., власть в партии перешла к пятому поколению китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином. В марте этого года он был избран председателем КНР. Уже 29 ноября прошлого года во время посещения выставки «Путь возрождения» он выдвинул новое теоретическое положение – положение о «китайской мечте». Смысл его состоит в следующем: китайская мечта заключается в процветании государства, возрождении нации и счастья народа. В своих последующих выступлениях на различных совещаниях, встречах с представителями различных социальных и возрастных слоев населения, средств массовой информации Си Цзиньпин неоднократно обращался к теме «китайской мечты». Следует иметь в виду, что со времени развязанной Англией опиумной войны 1840 г., в которой Китай потерпел поражение, он, по образному выражению Мао Цзэдуна, превратился в «полуколониальное, полуфеодальное государство». Фактически Китай лишился права принимать самостоятельные решения во внутренней и внешней политике, утратил суверенитет над частью своей территории. Империалистические державы, и прежде всего Япония, рассматривали Китай как зависимое государство. Это ярко проявилось во время Парижской мирной конференции 1919 г., на которой страны Антанты цинично отвергли справедливые требования китайской делегации.

Сегодня в Китае считают, что именно с опиумной войны 1840 г. начался длительный путь осуществления китайской мечты. В реализацию китайской мечты вложили свой вклад многие выдающиеся представители китайской общественной мысли XIX–XX вв. Достаточно назвать идеолога реформаторского движения Кан Ювэя (1858–1927) и первого президента Китайской Республики (1911 г.), революционного демократа Сунь Ятсена (1866–1925). Кан Ювэй известен своей книгой «Датуншу», в которой он предложил описание идеального общества и путь его построения. В своей программе он опирался на высказывания Конфуция о «золотом веке». Сунь Ятсену принадлежит заслуга разработки программы социально-экономических преобразований Китая. Она включала в себя детальный план развития производительных сил, осуществления которого поставило бы Китай в число наиболее развитых и могу-

шественных государств с высоким уровнем жизни. Вместе с тем, Сунь Ятсен выдвигает задачи изменения социальных и экономических условий страны, которые позволили бы добиться быстрого роста производительных сил, «добиться счастья для Китая».

Прошло более 170 лет со времени опиумной войны. И вот теперь, как считают в Китае, наступило время реального осуществления китайской мечты. Как говорит Си Цзиньпин, «сегодня мы приблизились к цели великого возрождения китайской нации больше, чем когда бы то ни было в нашей истории, к тому же, сегодня мы в наибольшей степени обладаем уверенностью и способностью достичь данной цели, чем в любой другой период нашей истории». Си Цзиньпин опирается в своих словах на достижения страны в области экономики. В 2002 г. на XVI съезде КПК было поставлена задача учетверения к 2020 г. показателя ВВП по сравнению с 2000 г., который тогда составлял 10 трлн. юаней (или примерно 1,28 трлн. долларов), а подушевой показатель – 7858 юаней (или примерно 1000 долларов). В соответствии с планами, утвержденными на XVI съезде, ВВП в 2020 г. предполагалось довести до 44–46 трлн. юаней, а его подушевой показатель до 30000–31500 юаней в год. Однако уже в 2011 г. ВВП Китая достиг 47,2 трлн. юаней или примерно (7,3 трлн. долл.), а подушевой показатель – 35083 юаня (или 5430 долларов), т. е. выше социально-экономических задач на 2020 г., утвержденных на XVI съезде КПК! Именно поэтому на XVIII съезде КПК были пересмотрены основные показатели развития экономики страны до 2020 г. Теперь по новым расчетам ВВП в 2020 г. должен составить примерно 80 трлн. юаней (примерно 12,5 трлн. долларов), а подушевой доход – составить примерно 60000 юаней на человека (или примерно 9300 долларов)²¹. По золотовалютным запасам (более 3 трлн. долларов) Китай уже вышел на второе место в мире. Осуществление социально-экономических планов развития к 2020 г. будет означать завершение строительства «среднезажиточного общества», в китайской терминологии общества «сяокан» («малого благоденствия»), 2020 г. выбран неслучайно, ибо в июле 2021 г. исполняется 100-летняя годовщина образования Коммунистической партии Китая.

Реализация китайской мечты не заканчивается 2020 годом. При посещении выставки «Путь возрождения» Си Цзиньпин говорил и о более отдаленной перспективе. По его словам, к столетней

годовщине образования КНР, т. е. к 2049 г. в Китае предполагается построить «богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничное социалистическое современное государство». И только в этом случае будет осуществлена китайская мечта по великому возрождению китайской нации.

Очевидно, что любой человек не может жить без идеалов и устремлений, независимо от того, в каком государстве он живет, к какой нации он принадлежит, у него есть мечта о своем будущем, своем месте в жизни. Это относится и к нации, в том числе, китайской. По словам Си Цзиньпина: «...возрождение китайской нации есть самая великая мечта китайской нации в период нового времени, в этой мечте воплощены давнишние желания многих поколений китайцев. Перспективы и судьбы каждого человека тесно переплетены с перспективами и судьбами государства и нации. **Если государству хорошо, нации хорошо, то и всем будет хорошо**» (подчеркнуто мной. – В.Б.).

В своем первом выступлении после избрания генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпин затронул вопрос и о том, какова мечта у широких масс: «Наш народ обожает жизнь, хочет более качественного образования, более стабильной работы, более удовлетворительных доходов, более надежного социального обеспечения, более высокого уровня здравоохранения и медобслуживания, более комфортных жилищных условий, более здоровой окружающей среды, желая, чтобы наши дети росли в более хороших условиях, имели более привлекательную работу и жизнь их становилась все лучше и лучше».

Будучи профессиональным китаистом, регулярно посещая Китай в течение десятилетий, я своими глазами убеждаюсь в том, как в течение последних тридцати с лишним лет, т. е. в период осуществления политики реформ и открытости изменилась к лучшему жизнь многих миллионов китайцев, значительно вырос их материальный и культурный уровень, улучшились жилищные условия, доходы населения за это время выросли более, чем в 30 раз. Рестораны и кафе в китайских городах переполнены. В последние годы многочисленные группы китайских туристов можно встретить не только в России, странах Юго-Восточной Азии, но и в Европе – Германии, Франции, Англии и т. д. Конечно, в китайском обществе существуют серьезные

экономические и политические проблемы, о которых мы уже говорили выше. Да и их не может не быть в такой большой по территории стране, с громадным по численности населением – 1 млрд. 300 с лишним млн. человек. Только вдумайтесь в эту цифру! Но китайское руководство их видит, откровенно обсуждает и пытается решать.

Выдвинутое Си Цзиньпином теоретическое положение о «китайской мечте» стало предметом оживленного обсуждения в научных изданиях, средствах массовой информации – печатных и электронных. Вот уже в течение полутора лет появляются статьи и книги, посвященные данному положению. Ее авторами выступают представители различных слоев китайского общества – от ветеранов партии до рабочих, от преподавателей вузов до крестьян, от пенсионеров до выпускников вузов, от научных работников до военнослужащих. Большое количество статей принадлежит лицам из китайской диаспоры, живущим ныне в различных странах мира. Естественно, что мечты у них разные. Так, один китаец, живущий ныне в Бельгии, «страстно желает, чтобы как можно быстрее Тайвань вернулся в объятия Родины».

В публикуемых материалах содержится много информативного материала об экономическом и политическом положении в различных регионах страны, судьбах простых китайцев. Меня, как научного работника, заинтересовала публикация в газете «Жэньминьжибао» от 26 марта этого года. Ее автор, принимавший участие в создании специального экономического района Чжухай, напомнил об одном высказывании Дэн Сяопина во время его знаменитой поездки на юг Китая в начале 1992 г. Тогда он произнес очень простую, но важную фразу – «Наука и техника являются первой производительной силой». Одновременно Дэн Сяопин одобрил решение о выделении лучшим научно-техническим работникам специальной экономической зоны несколько миллионов юаней в качестве премии. Среди награжденных был и автор статьи, который замечает: «Допустим, не было бы положения о развитии науки и техники как первой производительной силы, не было бы научного управления рыночной экономикой, и тогда любые мечты о науке и технике, о создании новых предприятий, пожалуй, остались бы лишь отдаленными мечтаниями или, как минимум, процесс их осуществления стал бы крайне трудным».

В этой связи нельзя не заметить, что в Китае развитию науки и техники уделяется громадное внимание, на научные исследования выделяются большие финансовые средства. Уже в самом начале реформ, была восстановлена деятельность общегосударственных академий наук – прежде всего Китайской Академии Наук, она теперь объединяет 115 институтов, Китайской Академии медицинских наук – 18 институтов, Китайской Академии сельскохозяйственных наук – 31 институт, наконец, Китайской Академии Общественных Наук, объединяющей 37 институтов гуманитарного профиля. Академии общественных наук есть в каждой провинции и городах центрального подчинения. Они выступают в роли мозговых центров партийных и государственных органов в Центре и на местах.

В китайских публикациях говорится, что для реализации «китайской мечты» необходимо идти по «китайскому пути», который имеет глубокие исторические корни, «выстрадан» всей многовековой историей Китая. Кроме того, реализация китайской мечты должна опираться на «китайский дух», который, во-первых, воплощается в национальном духе, сердцевиной которого является патриотизм, и, во-вторых, в духе эпохи, сердцевиной которой являются реформа и инновации. Патриотизм как духовная сила сплачивает воедино всю китайскую нацию, а реформа и инновации как духовная сила заставляют нас в период осуществления политики реформ и открытости действовать в соответствии с требованиями времени, подчеркивает Си Цзиньпин. Наконец, реализация китайской мечты требует объединения всех наций Китая, ибо «китайская мечта есть мечта всей нации и одновременно мечта каждого китайца». Сделанный им акцент на национальных традициях китайского народа отнюдь не означает, что предлагается путь изоляции Китая от всего мирового сообщества. Об этом свидетельствует само название программы развития Китая на перспективу – «политика реформ и открытости», под которой имеется в виду открытость внешнему миру. Одновременно подчеркивается, что реализация китайской мечты не является проявлением великоханьского шовинизма, напротив, она является вкладом в мировую цивилизацию. Как заявил 10 августа 2013 г. президент Китайской академии общественных наук Ван Вэйгуан: «Путь возрождения китайской нации – это путь мирного развития Китая, он ни в коем

случае не направлен против какого-либо государства, каких-либо национальных интересов, а несет счастье народам мира. Великое возрождение китайской нации не есть осуществление политики закрытых дверей, отстаивание консервативных позиций, а есть позиция открытости, заимствование из разных цивилизаций всех мудрых вещей, благоприятных для возрождения китайской нации, оно несет счастье не только ей, но и всему человечеству. Китайская мечта стимулирует мечту о прогрессе всего человечества».

Большое значение в реализации «китайской мечты» естественно играет производительный труд людей, поэтому на встрече с рабочими-передовиками производства Си Цзиньпин говорил, что путь в будущее прокладывает труд, он является главной силой, стимулирующей прогресс человеческого общества. Счастье не может придти с неба, а мечта сама собой стать реальностью. Труд является источником богатства и источником счастья. Необходимо поэтому ценить труд, уважать знания, уважать таланты людей.

Важная роль в реализации китайской мечты принадлежит нынешнему поколению китайской молодежи, ибо именно ей придется решать задачи построения к 2049 г. богатого, могучего, демократического, цивилизованного, гармоничного, социалистического современного государства. Поэтому в годовщину патриотического движения 4-го мая 1919 г. Си Цзиньпин специально встретился с представителями молодежи.

Молодежь, сказал он в своем выступлении, богата молодым задором и мечтаниями. В период новой истории Китая прекрасные мечтания молодежи нашей страны были всегда тесно связаны с процессом развития страны. История и современность говорят нам, что если у молодого поколения есть идеалы и оно умеет брать на себя ответственность, то у государства есть перспективы, а у нации появляется надежда. Китайская мечта, продолжал Си Цзиньпин, существовала в прошлом, существует сегодня, она имеет и будущее. Китайская мечта есть у государства, нации и у каждого китайца. Китайская мечта – это не только наша мечта, она тем более мечта молодого поколения, поэтому мы должны уважать молодежь, заботиться о ней и доверять ей. У молодежи непременно должны быть представления об идеалах, поскольку они дают ориентацию в жизни, отсутствие идеалов ведет к «духовной пустоте». Молодые люди должны развивать свои способности, постоянно

учиться, «быть открытыми модернизации, миру, будущему». Молодежь должна смело заниматься творчеством и инновациями, ибо инновации есть душа прогресса нации, «смело освобождать сознание, действовать в соответствии со временем».

Вместе с тем, Си Цзиньпин подчеркнул необходимость воспитания у молодых людей высоких моральных качеств, ибо нация, лишенная духовных сил, трудно стать независимой и сильной, а борьба за осуществление китайской мечты о великом возрождении китайской нации является главной темой китайского молодежного движения. «Если молодежь процветает, то процветает и государство, если молодежь сильная, то и государство сильное», – сказал в заключение Си Цзиньпин.

В сущности, «китайская мечта», о которой сегодня говорят в Китае, это общенациональная идея, которая должна объединить всех китайцев, независимо от их возраста, профессии и пола.

В марте 2013 г. редакцией теоретического органа ЦК КПК – журнала «Хунци» было выпущено специальное пособие для партийных работников, посвященное китайской мечте. В нем девять разделов: великое возрождение как китайская мечта; китайская мечта как мечта народа; для осуществления китайской мечты необходимо идти по китайскому пути; для осуществления китайской мечты необходимо всемерно развивать китайский дух; для осуществления китайской мечты необходимо собрать все силы Китая; для осуществления китайской мечты необходимо постоянно укреплять основу материальной культуры; для осуществления китайской мечты необходимо всегда придерживаться руководства Коммунистической партии Китая; для осуществления китайской мечты необходимо иметь непоколебимые идеалы и убеждения; необходимо работать на поддержание китайской мечты. В данном пособии собрано более восьмидесяти статей, опубликованных в различных китайских изданиях. В большинстве своем они носят чисто пропагандистский характер, разъясняя высказывания Си Цзиньпина.

Однако некоторые интерпретации «китайской мечты», на наш взгляд, являются оригинальными. В частности, обращает на себя внимание статья профессора Китайского Народного Университета Ван Ивэя «Три содержания китайской мечты». Он рассматривает её в контексте известной формулы Линкольна – of the

people, by the people and for the people. В свое время, пишет Ван Ивэй, эта формула вдохновляла китайских революционных демократов во главе с Сунь Ятсеном. Говоря о первой части формулы, он указывает на выдающийся вклад Китая в мировую цивилизацию в течение многих столетий, но затем в XIX в. наступили мрачные страницы в китайской истории. Однако в настоящее время, пишет профессор Ван Ивэй, Китай, отбросив отрицательное политическое наследие Запада, демонстрирует миру выбор модели развития, соответствующей национальным особенностям, которая отвечает чаяниям большинства развивающихся государств. Речь идет не только о товарах с маркой «сделано в Китае», но и о методах управления и пути развития, которые предлагает Китай; другими словами, заявляет китайский профессор, мир нуждается в китайской мечте, ибо она является объективным требованием современной эпохи.

Что касается той части формулы, где говорится «принадлежит Китаю», то здесь ход рассуждений автора следующий. Мы, китайцы не собираемся «создавать мечты» для других стран, тем более мечту для США. Поскольку от американской модели очень большой вред, мы не собираемся её копировать. «Мечта, которую мы собираемся осуществлять, представляет собой единство трех элементов – специфической мечты, азиатской мечты и универсальной мечты». Профессор Ван Ивэй дает весьма сложную интерпретацию каждой мечты: китайская мечта, применительно к Китаю, означает «распространение социализма с китайской спецификой на мечтания мирового социализма»; китайская мечта применительно к Азии означает недопущение в Азии хаоса в пространственно-временном континууме в силу агрессии людей с Запада; китайская мечта в универсальном смысле означает соединение в Китае современного цивилизационного государства и демонстрация миру всеобщего характера китайских традиционных ценностей и китайской модели. Проф. Ван Ивэй утверждает, что Китай не создает у себя американскую мечту, но в то же время и не отбрасывает ее, так же как не отбрасывает европейскую, индийскую мечту и т. д. По его мнению, достижения Китая стимулируют другие страны на осуществление своих собственных мечтаний. Китайская мечта может вполне сочетаться с мечтами, существующими в мире. По мысли проф. Ван Ивэя, Китай должен смело стремиться к тому,

чтобы «создать мечту, которой раньше никогда не существовало и тем самым превзойти достижения Запада, а также Китая в прошлой его истории»²².

В другой статье сборника подчеркивается, что «китайская мечта» неразрывно связана с осуществлением социализма с китайской спецификой, который является всеобщим идеалом Китая. По мнению автора, у каждого человека есть своя мечта, точно также свои мечтания есть у каждого социального слоя и коллектива, они не всегда совпадают и даже могут противоречить. Но благодаря «китайской мечте», разнообразные мечтания неодинаковых социальных слоев, неодинаковых коллективов, различных людей «объединяются в одно общее требование, общее желание, когда в неодинаковом находят и сохраняют общее, в общем уважают и сохраняют различия, можно будет собрать вместе силы одного миллиарда трехсот миллионов людей и между ними будет единомыслие как у братьев. При наличии общего понимания, какие трудности невозможно будет преодолеть, какие идеалы невозможно будет осуществить?»²³.

Далее автор утверждает, что мечта – это новая мечта, которой раньше не существовало в человеческом обществе, поскольку она зовет вперед, а не назад, вдохновляет, а не угрожает. Далее следует очень важное утверждение – социализм с китайской спецификой в качестве субъекта рассматривает народ, он определяет «китайскую мечту» как мечту индивида и одновременно как мечту государства. В сравнении с «американской мечтой», которая «делает упор на борьбе отдельного человека» китайская мечта основывается на патриотизме и коллективизме, если государству хорошо, нации хорошо, то и всем людям хорошо»²⁴.

Новый этап в осуществлении «политики реформ и открытости»

9–12 ноября 2013 г. состоялся 3-й Пленум ЦК КПК восемнадцатого созыва, на котором принято Постановление «О некоторых крупных вопросах всестороннего углубления реформ». Пленум состоялся в канун 35-й годовщины исторического 3-го Пленума одиннадцатого созыва (декабрь 1978 г.), который положил начало

«политике реформ и открытости». Однако он сосредоточил свое внимание не на подведении итогов прошедших лет, главный акцент был сделан на решении актуальных проблем социально-экономического развития Китая. В принятом постановлении Пленума 60 пунктов, судя по их содержанию, перед нами рассчитанная на длительный период, по крайней мере, на 10 лет **целостная программа дальнейшей модернизации китайского общества**. Главное место в Постановлении занимают проблемы экономики, причем постоянно подчеркивается «решающая роль рынка» в размещении материальных ресурсов и одновременно подвергается критике чрезмерное вмешательство правительства в этот процесс. В нем указывается на то, что необходимо следовать правилам рынка, ценам рынка и конкуренции на рынке, что же касается функций правительства, то она должна заключаться, главным образом, в сохранении макроэкономической стабильности, обеспечении справедливой конкуренции, усилении контроля над рынком, обеспечении порядка на рынке и, в случае необходимости, компенсации потерь, связанных с рынком.

В четвертом пункте Постановления повторяются методологические принципы «политики реформ и открытости», которым Компартия следовала прежде и должна следовать в будущем – «не возвращаться к старому пути закрытости и косности, а идти путем социализма с китайской спецификой, что означает постоянно освобождать сознание, придерживаться реалистического подхода, действовать в соответствии со временем, стремиться к истине, во всем исходить из практики, обобщать имеющиеся в стране позитивные методы решения вопросов, использовать полезный зарубежный опыт, смело продвигать инновации, как в теории, так и на практике»²⁵.

Указывая на то, что общественная собственность является главной формой собственности, Постановление вместе с тем подчеркивает, что *необщественная собственность*, наряду с общественной, является важной составной частью «социалистической рыночной экономики». Равноправное отношение к двум формам собственности конкретизируется применительно к праву собственности: «государство защищает экономическое право собственности и законные интересы различных форм собственности, обеспечивает равноправное, на основе законов, использование различными формами собственности производственных факторов,

их открытое, справедливое и честное участие в конкуренции на рынке, их юридическую защиту, контролирует экономику различных форм собственности в соответствии с законами»²⁶. За этими, казалось бы простыми формулировками, скрывается идея о ликвидации монополии в экономике государственных предприятий. В Постановлении одновременно говорится, что деятельность госпредприятий должна соответствовать законам рынка. Предполагается также всячески поддерживать предприятия общественной формы собственности, устранив всевозможные «неразумные распоряжения, скрытые преграды» для их деятельности.

В специальном разделе говорится о необходимости создания системы современного рынка – «прозрачного, справедливого и открытого», где каждому его участнику предоставляются равные возможности деятельности на нем. Предполагается, формирование цен (в том числе на воду, нефть, природный газ, электроэнергия, почта) в основном передать рынку, причем правительство не должно будет вмешиваться в этот процесс.

В Постановлении подчеркивается необходимость изменений функций центрального правительства, выдвигается требование как можно больше ограничить его вмешательство в микроэкономике, поскольку как говорится в тексте, рыночные механизмы сами в состоянии ее эффективно регулировать. Задача центрального правительства состоит в выработке стратегии, программы, общей политики и т. д., и их осуществлении, контроле за деятельностью рынка, т. е. оно должно заниматься макроэкономикой и общегосударственными делами – обороной, внешней политикой, безопасностью государства и т. д.

Значительные нововведения предлагаются в деревне. После 1978 г. вся земля была передана крестьянам на условиях семейного подряда – сначала на 20 лет, потом эта система была продлена до 50 лет, теперь говорится о том, что она не будет меняться в течение длительного времени. Раньше свой земельный пай крестьянин мог сдавать в аренду, субаренду, теперь же он может выставлять его на «открытый рынок», т. е. коммерциализировать. Правда, речь не идет о пахотных землях, а о тех, которые изымаются под строительство; в отличие от практики прошлых лет, когда у крестьянина землю фактически реквизируют за бесценок, теперь он вправе требовать за нее рыночную цену.

В Постановлении также говорится о необходимости продолжения начавшегося в стране процесса урбанизации. Для этого предлагается разрешить крестьянам, в случае наличия у них возможностей (материальных, рабочих мест в городе), становиться горожанами. При этом упор будет сделан на развитие поселков и небольших городов, что касается средних и больших городов, то здесь предлагается осторожный подход к приему новых горожан, в то же время население мегаполисов должно быть строго ограничено. Разительный контраст с политикой российского руководства, которая привела к обезлюдиванию многих сельских районов и небольших городских поселений и одновременно к «разбуханию» мегаполисов и крупных городов!

Хотя в Постановлении главное внимание, как мы уже отмечали, уделено проблемам экономики, в нем есть также разделы, касающиеся политической реформы. В них говорится о необходимости повышения роли собраний народных представителей разных уровней. Особо указывается на значение такого важного, специфичного элемента китайской политической системы как органы «консультативной демократии» – единый фронт, демократические партии, народные консультативные советы. Все они в последние годы действительно приобретают в стране все большее значение. В связи с вопросом о демократической системе, много говорится об «управлении на основе законов», «создании системы юридических советников, подготовки кадров профессиональных, компетентных юристов». Обращается внимание на необходимость соблюдения прав человека; «государство уважает и обеспечивает права человека», говорится в постановлении, указывается на необходимость соблюдения юридических норм при решении уголовных дел, связанных с экономическими преступлениями.

Специальный раздел посвящен «укреплению системы ограничений и контроля над властью», главным здесь является требование контроля над органами власти со стороны народа с тем, чтобы она выполняла свои функции «при свете солнца». Особо указывается на необходимость соблюдения руководящими кадрами определенных обязательных правил поведения на работе и быту; в частности, они не должны превышать установленных норм при меблировке своих кабинетов и квартир, приобретении служебных машин, организации приемов, количество секретарей и охранников должно быть разумным и т. д.»²⁷.

Наряду с определенными послаблениями в культурно-идеологической области (теперь разрешено издание книг за рубежом), усилен контроль за Интернетом, поскольку в нем появляются материалы, противоречащие официальной точке зрения. В этой связи подчеркивается необходимость усиления идейно-воспитательной работы, особенно среди молодежи, «необходимо создать эффективно действующий механизм, поощряющий любовь к учебе, к труду, любовь к Родине, у студентов должно быть развито чувство ответственности, инновационный дух, способность к практическим действиям, они должны обладать чувством прекрасного и гуманитарными знаниями»²⁸.

Очень важное значение для понимания причин появления данного Постановления, его содержания имеет вступительное слово Си Цзиньпина на Пленуме ЦК КПК. В нем он напомнил о том, что в 1992 г. на XIV съезде партии было принято решение о формировании в стране системы «социалистической рыночной экономики», в которой в условиях макроэкономического регулирования и макроконтроля **рынок играет основную роль в размещении материальных ресурсов**²⁹ (подчеркнуто мной. – В.Б.). Как отметил Си Цзиньпин, это было крупным теоретическим прорывом в марксизме. С данным утверждением нельзя не согласиться, ибо в истории КПСС не было подобных теоретических новаций. Продолжая далее свое выступление, Си Цзиньпин признал, что в стране пока заложены только «первоначальные основы социалистической рыночной экономики», что существует много проблем, среди которых он назвал отсутствие регламентации деятельности рынка, в результате широко распространено явление, когда с помощью незаконных методов пытаются извлечь экономические выгоды; отсутствуют в деятельности рынка единые правила; на рынке нет подлинной конкуренции, в больших масштабах в отраслях и на местах наблюдается протекционизм. Несмотря на то, что в решениях последующих после XIV съезда КПК – XV, XVI, XVII – **вносились** определенные изменения относительно рынка, усиливающие его роль, (как например, «в большей степени...») (формулировка XVI съезда), «с точки зрения системы еще лучше...» (формулировка XVII съезда). Ситуация не менялась. Даже на XVIII съезде было сохранено положение об основной роли рынка, правда, с добавлением «в большей степени и более широко развивать...». Те-

перь в решениях Пленума сделано важное, принципиальное изменение, вместо положения «основная роль рынка» появилось новое **«решающая роль рынка»**. Отвечая на вопрос о том, рынок или правительство играет решающую роль в размещении трудовых ресурсов, Си Цзиньпин рассуждает следующим образом – теория и практика говорят нам, что размещение материальных ресурсов посредством рынка является самым эффективным средством. Это всеобщий закон рыночной экономики, поэтому ненужно чрезмерное вмешательство и контроль со стороны правительства.

Но одновременно Си Цзиньпин говорит о том, что **«решающая роль не означает всей роли»**. Существующая в Китае социалистическая рыночная экономика означает, что в экономике нельзя обойтись без правительства, но меняются его функции, оно уже не занимается мелочной опекой хозяйственных субъектов, его функции – это научное макроэкономическое регулирование и эффективное управление, заключающееся в обеспечении нормального функционирования рыночных механизмов, обеспечение справедливой конкуренции и т. д.

В своем выступлении Си Цзиньпин также говорил о необходимости равного отношения ко всем формам собственности, о том, что нужно развивать смешанную экономику. Повторив все то о государственных предприятиях, что содержится в партийных документах – о их важной роли в модернизации государства и обеспечении общих интересов народа, Си Цзиньпин вместе с тем не мог не признать, что, хотя они и смогли войти в систему рыночной экономики, в их деятельности существуют «проблемы и пороки», что безусловно требует их дальнейшего реформирования. Вместе с тем, Генеральный секретарь ЦК КПК вновь подчеркнул, что экономика общественных форм собственности является такой же составной частью социалистической рыночной экономики, как и экономика общественных форм собственности, поэтому нельзя «посягать на её имущественные права». Должно быть одинаковое отношение властей ко всем промышленным предприятиям, хозяйственным субъектам независимо от их форм собственности, они должны иметь равные права и разные возможности для экономической деятельности.

В социальной сфере предлагается либерализация демографической политики. Если раньше, в случае рождения второго ребенка, его родители должны были уплачивать значительный штраф,

а члены партии и государственные служащие наказывались, то теперь в некоторых случаях семья может иметь двух детей (если в семейной паре муж или жена – единственные дети у своих родителей). Подобное послабление объясняется двумя факторами – сокращением численности трудоспособного населения и появлением большого количества лиц старших возрастов.

В выступлении Си Цзиньпина был остро поставлен вопрос об усовершенствовании системы контроля над Интернетом, поскольку этот вопрос напрямую связан с государственной безопасностью и стабильностью в обществе. Дело в том, что, как мы уже отмечали выше, в информационных сетях появляются материалы, направленные против политики КПК. Поэтому требуется ввести деятельность Интернета в правовое русло, направлять общественное мнение в нужном для государства и партии направлении.

Си Цзиньпин специально остановился также на вопросе о совершенствовании системы управления природными ресурсами и богатствами и контроля над ними и о необходимости создания в связи с этим единого государственного органа. Говорил он об этом очень образно: «Мы должны знать, что горы, вода, лес, земля, озера представляют собой единый комплекс для жизни. Жизненные артерии человека находятся в поле (пашне. – *В.Б.*) – жизненные артерии поля – в воде; жизненные артерии воды – в горе; жизненные артерии горы – в земле; жизненные артерии (т. е. кровеносные сосуды. – *В.Б.*) земли – в деревьях. Для создания системы управления и восстановления окружающей среды необходимо следовать законам природы. Когда те, кто сажает деревья, отвечают только за посадку деревьев, а те, кто ведаёт водой, отвечают только за воду, а те, кто занимаются сохранением полей, только этим и занимаются, результат будет такой – углядишь одно – упустишь другое и, в конечном счете, будет нанесен системный ущерб экологии»³⁰.

В заключение своего выступления Си Цзиньпин говорил о том, что политика реформ и открытости подошла к своему переломному моменту, поэтому и был сделан стратегический выбор в пользу всестороннего углубления реформ. Следует отметить, что Постановление готовилось в течение нескольких месяцев, руководство Компартии аккумулировало мнения не только партийных работников в центре и на местах, но проводило также консультации с руководством демократических партий, торгово-промышленными

кругами, беспартийными деятелями и, что очень важно, советовалось с членами третьего и четвертого поколений китайского руководства. Можно без преувеличения сказать, что Постановление Пленума отражает мнения абсолютного большинства партийной и интеллектуальной элиты. По мнению многих китайских ученых, те мероприятия, которые предложены на Пленуме, фактически являются не просто развитием политики реформ и открытости, провозглашенной 35 лет назад, это фактически равный ей по масштабу содержания, экономической и социальной направленности новый курс. Сейчас ему трудно дать название, но смысл этого курса состоит в том, чтобы разрешить нарастающий конфликт между сформировавшейся в условиях рынка экономической системой и не меняющемся в течение многих лет политическим режимом. Этот конфликт мог привести к социальному кризису. Хотя в Постановлении Пленума не содержится указаний на широкомасштабные политические реформы, тем не менее, многие новации в судебной системе, изменения функций административных органов власти, в том числе Центрального правительства, принципиально новая политика в деревне и вообще по отношению к крестьянам, повышение требований к кадровому составу партийных и государственных органов, постоянное обращение к идеям справедливости и равенства, – все это позволяют говорить о том, что Китайская Компартия находит правильные, адекватные методы решения назревших проблем.

Большинство иностранных средств массовой информации за пределами Китая не могло не признать масштабность задач, поставленных решениями Пленума ЦК КПК, такого же мнения придерживаются и российские эксперты. В то же время следует подчеркнуть, что решения Пленума ЦК китайской компартии в российских средствах массовой информации фактически не комментировались. И это неслучайно, поскольку решения, принятые на нем, представляют разительный контраст с мероприятиями социально-экономического характера, осуществляемые российским правительством. 19 ноября 2013 г. на первом канале Центрального телевидения в своей программе «Однако» свое мнение о нем высказал обозреватель Михаил Леонтьев. Он попытался поставить под сомнение возможность реального осуществления задач, намеченных Пленумом. Вначале Леонтьев продемонстрировал видео-

ряд с выступлением Горбачева, где тот с пафосом говорил о будущих грандиозных планах Компартии Советского Союза. Затем, сказав несколько слов о том, что они не были осуществлены, он предсказал точно такую же судьбу и решениям последнего Пленума ЦК КПС, фактически «русский патриот» оказался в одной компании с внутренними и внешними врагами нашего стратегического партнера.

Важные изменения произошли сравнительно недавно и в идейно-политической жизни китайского общества. 26 декабря 2013 г. в Пекине состоялось «собеседование», посвященное 120-й годовщине со дня рождения Мао Цзэдуна, на котором с докладом выступил Си Цзиньпин. В нем он подробно проанализировал всю политическую и теоретическую деятельность Мао Цзэдуна, причем главное внимание было уделено его вкладу в победу китайской революции.

По словам Си Цзиньпина, перед китайскими революционерами, взявшими на вооружение пришедший из Советской России марксизм-ленинизм, стояла очень трудная, не встречавшаяся в развитых странах Запада, задача. Это было связано с конкретными условиями Китая, где абсолютное большинство населения составляло крестьянство, доминировало мелкокрестьянское хозяйство. Первоначально молодая Коммунистическая партия Китая использовала опыт Октябрьской революции, который состоял в организации вооруженных восстаний в городах, однако на этом пути она постоянно терпела неудачи.

Заслуга Мао Цзэдуна заключалась в понимании того, что нельзя догматически подходить к марксистско-ленинскому учению, а следует учитывать китайские реалии. Главный его вывод состоял в том, что необходимо **китаизировать марксизм**. Как заявил Си Цзиньпин, «товарищ Мао Цзэдун творчески разрешил целый ряд крупных вопросов соединения основных принципов марксизма-ленинизма с практикой Китая, глубоко проанализировал его социальный облик и классовую структуру, в результате тщательных размышлений выяснил характер объекта, задачи и движущие силы китайской революции; выдвинув двухэтапную стратегию перехода от новодемократической революции к социализму, определил линию новодемократической революции и **открыл путь окончательной победы революции в масштабе всей страны через окружение города деревней**»³¹ (выделено мною. – В.Б.). Одно-

временно товарищ Мао Цзэдун, продолжал далее Си Цзиньпин, творчески разрешил и другие вопросы – о создании марксистской политической партии, о строительстве под ее руководством народных вооруженных сил, наконец, о формировании широкого национального фронта.

В своем докладе Си Цзиньпин также отметил, что после создания нового Китая «коллектив руководителей первого поколения Компартии во главе с Мао Цзэдуном» творчески завершил переход от новодемократической революции к социалистической революции. Мао Цзэдун, «учитывая уроки опыта Советского Союза», нашел правильный путь строительства социализма в нашей стране и определил его стратегию». Поэтому, по словам Си Цзиньпина, «научной руководящей идеологией» китайских коммунистов в период завоевания власти и после образования КНР являются «идеи Мао Цзэдуна», которые обогатили и развили марксизм-ленинизм»³². Сославшись на слова Дэн Сяопина о том, что «нельзя отказываться от такого знамени, как идеи Мао Цзэдуна, ибо отказ от них практически означает отказ от славной истории нашей партии», Си Цзиньпин далее подчеркнул, что «никогда нельзя подвергнуть колебанию принцип – высоко нести знамя идей Мао Цзэдуна»³³.

Естественно, что Си Цзиньпин не мог обойти вопроса об ошибках, совершенных Мао Цзэдуном. Он следующим образом объяснил их причины: «В развитии любого государства, любой нации наблюдаются взлеты и падения, более того, оно полно зигзагов...; но как говорит пословица – «поражение есть мать успеха». Сам Мао Цзэдун часто говорил, «что перспективы у нас светлые, а путь к ним будет извилистым. Это историческая логика развития любого справедливого дела. Наше дело потому и обладает величием, что мы непрерывно добивались успехов, преодолевая невиданные в истории трудности»³⁴.

Си Цзиньпин далее сказал о том, что «нельзя отрицать того, что в своих размышлениях о методах строительства социализма Мао Цзэдун прошел извилистый путь «и что в последние годы своей жизни, особенно в период «культурной революции» он совершил серьезные ошибки». В этой связи Си Цзиньпин опять сослался на слова Дэн Сяопина, который говорил, что «заслуги Мао Цзэдуна находятся на первом месте, а его ошибки – на втором», и что они объясняются тем, что «он нарушил свои собственные пра-

вильные принципы, но это ошибки, совершенные великим революционером, великим марксистом»³⁵. Со своей стороны Си Цзиньпин объяснил ошибки Мао Цзэдуна тем, что китайская Компартия была первопроходцем строительства социализма в конкретных социально-исторических условиях Китая, у нее не было какого-либо исторического прецедента, «это подобно восхождению кого-либо на ранее непокоренную никем горную вершину, за которым следуют другие альпинисты»³⁶.

Си Цзиньпин справедливо говорил о том, что ошибки Мао Цзэдуна, помимо субъективных факторов и его персональной ответственности, объясняются также сложными внутренними и внешними социально-историческими причинами, что «требует их всестороннего, исторического и диалектического анализа»: «Для оценки исторических деятелей необходимо, чтобы анализ учитывал эпоху, в которой они действовали, а также исторические условия общества, нельзя отрываться от всестороннего изучения исторических условий и исторического процесса, от научного овладения закономерностями истории, нельзя игнорировать связь необходимости и случайности в истории. Одновременно нельзя успехи, достигнутые в благоприятных исторических условиях приписывать одному человеку, и в то же время вину за поражения, вызванные неблагоприятными историческими обстоятельствами, также возлагать на одного человека. Нельзя оценивать предшественников и предъявлять к ним требования, исходя из временных условий, уровня развития и уровня знаний сегодняшнего дня, нельзя требовать от предшественников тех достижений, которых могли добиться лишь их преемники»³⁷.

И далее Си Цзиньпин делает очень важный вывод: «революционные вожди – не боги. Независимо от того, что они имеют очень высокий теоретический уровень, богатый опыт борьбы, выдающиеся способности как руководители, это не означает, что их знания и действия не могут быть ограничены условиями эпохи, поэтому, несмотря на их величие, нельзя поклоняться им как богам и не говорить об их упущениях и ошибках и не исправлять их; но также нельзя из-за того, что у них были упущения и ошибки полностью отрицать их роль, умалять заслуги этих исторических деятелей, впадать в болото нигилизма. Не забывать прошлого, ибо это учитель будущего. Самым надежным мерилем отношения марк-

систской партии к своим ошибкам заключается в том, насколько ответственно она относится к своим обязанностям по отношению к народу. Наша партия всегда занимала серьезную позицию по отношению к собственным упущениям и ошибкам: во-первых, она смело их признавала, во-вторых, по-настоящему их анализировала и, в-третьих, настойчиво их исправляла. Поэтому эти упущения и ошибки являются драгоценным историческим материалом наряду с достижениями партии»³⁸.

Признание Си Цзиньпином заслуг Мао Цзэдуна в создании Коммунистической партии Китая и образовании Китайской Народной Республики не является простой данью уважения к нему, это методологическое указание о том, как необходимо оценивать его роль в истории Китая. В кругах китайской интеллигенции есть люди, которые негативно относятся к Мао Цзэдуну, учитывая его ответственность не только за инициированную им «культурную революцию», но и за политико-идеологические кампании 50-60-х г., например, борьбу с так наз. правыми элементами, когда пострадали тысячи членов партии и беспартийных.

На мой взгляд, доклад Си Цзиньпина призван поставить точку в дискуссиях, происходящих в китайском общественном сознании, или, во всяком случае, дать им правильное направление. Си Цзиньпин, как и ранее Дэн Сяопин (пострадавший, кстати, в период «культурной революции»), рассуждает следующим образом – негативная оценка деятельности Мао Цзэдуна означает негативную оценку всей истории КПК после 1949 г., т. е. после образования КНР. А это чревато серьезными последствиями для идейно-политической стабильности в современном китайском обществе.

Вместо заключения

В недавно вышедшей книге «Власть и закон. Политика и Конституция России в XX–XXI веках» ее автор В.Шейнис, известный политик размышляет об исторических судьбах России на рубеже XX–XXI вв. Нельзя не согласиться с автором в том, что часто конкретная политическая система общества, конкретная форма государства во многом зависят от текущей политической и идеологической конъюнктуры. В качестве отрицательно-

го примера он ссылается как на исторический опыт Советского Союза, так и постсоветской России. Самое удивительное состоит в том, что российскую государственность критикует человек, принимавший активное участие в разработке Конституции 1993 г. Какими бы мотивами он не руководствовался, тем не менее, остается фактом, что В.Шейнис причастен в появлении того авторитарного режима, который существует сегодня. Вопреки общеизвестным историческим фактам он заявляет, что ползучая реставрация авторитаризма обозначалась уже на закате «эпохи Ельцина». Между тем, в самой Конституции 1993 г. содержалось юридическое оформление авторитаризма, достаточно сослаться лишь на то, что она выводила силовые министерства из-под контроля парламента, поскольку их руководители назначались и до сих пор назначаются Президентом Российской Федерации. Именно личный режим Ельцина, утвердившийся в результате принятия российской Конституции, привел к двум чеченским войнам. Не стоит забывать и того, что сама Конституция была фактически навязана российскому обществу после вооруженного подавления сопротивления законно избранного путем демократических выборов Парламента – Верховного Совета РФ.

В своей книге В.Шейнис подвергает критике идею *сильного* российского государства: «В наши дни отторжение от лидеров, возглавивших выход из коммунизма, сменилось прославлением пришедшего им на смену государства, будто бы “поднявшего страну с колен”. Этим заняты политики, журналисты и мастера культуры. Государство, говорят нам – величайшая ценность из всех, созданных русским народом, его надо беречь и укреплять. Заботу о безопасности государства его апологеты, атакуя конституционный принцип, ставят наравне или даже на несколько порядков выше соблюдения и защиты прав человека. Понятие “государственник” стало в широком словоупотреблении высокой оценкой и комплиментом в адрес того или иного деятеля»³⁹.

В.Шейнис счел необходимым «проехать» даже по А.Солженицыну, который, по его мнению, от яростного антикоммунизма пришел к порицанию тех, кто демонтировал большевистский строй, и к одобрению – во славу сильного государства! – не просто режима, который представляет реинкарнацию авторитаризма, но и «национального лидера», не упускающего случая обозна-

чить свое расположение к Лубянке. Можно по-разному относиться к А.Солженицыну, но в своей поддержке идеи сильного государства на рубеже XX–XXI вв. он был прав.

В современном мире существует, как известно, более двухсот государств со своей историей, различными политическими и культурными традициями, естественно, что и государственное устройство в них не может быть одинаковым. Если говорить о России, в ней, по определению, не может не быть сильного государства, т. е. должны быть и сильный президент, и сильный парламент, контролирующий его деятельность, должна быть развитая система политических партий, имеющих равные права участия в электоральном процессе, равные возможности доступа к средствам массовой информации, прежде всего, к каналам телевидения, ответственная не только перед президентом, но и перед парламентом, судебная система, при которой любое должностное лицо независимо от его статуса обязательно наказывается в соответствии с законом. Но в Конституции Российской Федерации, в составлении которой самое непосредственное участие принимал В.Шейнис, не прописана должным образом система сдержек и противовесов, которые могли бы обеспечить демократическое, но сильное государство.

Шейнис оправдывает рыночные реформы, проводившиеся при Ельцине, ссылаясь на то, что выход из государственного социализма вообще не может быть безболезненным. При этом он ссылается на польского политика конца 80-х годов А.Михника: «Смена строя, пусть даже на более совершенный, требует определенной цены, причем цены высокой, и заплатить ее должно будет общество. Рассказывая о польском опыте и ссылаясь на Дарендорфа А.Михник утверждает: Экономические реформы всегда ведут через долину слез... Чтобы стало лучше, сначала должно быть хуже. Все дело, однако, в том – насколько и сколь долго хуже»⁴⁰. Но может ли А.Михник журналист выступать в роли авторитета в области экономических реформ, я лично очень сомневаюсь. К тому же кроме Европы есть еще Азия, где три страны – Китай, Вьетнам и Лаос успешно перешли от государственного социализма к социализму рыночному, причем без каких-либо жизненных потерь для населения этих стран с самого начала реформирования общества.

Примечания

- 1 Смог стал постоянной константой многих китайских мегаполисов. Яркий тому пример – ситуация с загрязненностью воздуха в Пекине весной 2013 г. В результате растет число заболеваний – онкологических, туберкулез.
- 2 Ху Цзиньтао. Отчетный доклад XVIII съезду КПК. Пекин, 2012. С. 50 (на кит. яз.).
- 3 Уже после XVIII съезда КПК из нового состава ЦК партии за коррупционные дела был исключен один из его членов.
- 4 Например, регулярно повторяется призыв «учиться у Лэй Фэна», солдата НОАК, еще в 1960 г. пожертвовавшего жизнью ради спасения общественного добра.
- 5 Подробнее о дискуссиях в Китае относительно взаимоотношения марксизма и конфуцианства см. Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов вектор развития российского общества. М., 2013. С. 205–217.
- 6 Одной из самых популярных изданий среди простых граждан является газета «Справочные известия» («Цанькао сяоси»), в которой публикуются перепечатки материалов зарубежных изданий о событиях в мире и Китае.
- 7 История международного коммунистического движения. Пекин, 2012. С. 345 (на кит. яз.).
- 8 Там же. С. 344–345.
- 9 Там же. С. 347.
- 10 Поэтому в Китае дают положительную оценку действиям В.В.Путина по подавлению чеченских сепаратистов.
- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 358.
- 13 В связи с рассуждениями китайских авторов нельзя не вспомнить критику Хрущева в адрес Маленкова. Когда в 1955 г. последнего снимали с поста Председателя Совета Министров ему ставили в упрек его предложение развивать не только тяжелую, но и легкую промышленность.
- 14 История международного коммунистического движения. Пекин, 2012. С. 365 (на кит. яз.).
- 15 Там же.
- 16 Там же. С. 369.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 387.
- 19 В 90-х гг. прошлого столетия данное положение Дэн Сяопина можно было встретить на рекламных щитах на улицах китайских городов.
- 20 См.: Титаренко М.Л. О феномене китайского социализма // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 21–22.
- 21 Островский А.В. XVIII съезд КПК: как обеспечить построение общества «сяокан» («малого благоденствия») в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 26–27.
- 22 Китайская мечта: Учеб. для членов партии и кадровых работников. Пекин, 2013. С. 013–014.
- 23 Там же. С. 73.
- 24 Там же.

- 25 См. Постановление 3-го Пленума XVIII созыва. Текст агентства Синьхуэ
15 ноября 2013 г. С. 3 (на кит. яз.)
- 26 Там же.
- 27 По словам моих китайских коллег, после прихода к власти Си Цзиньпина мно-
гие дорогие китайские рестораны стали терпеть убытки, поскольку теперь
под угрозой наказания их перестали посещать партийные и государственные
кадровые работники.
- 28 Там же. С. 22.
- 29 Си Циньпин. Разъяснение Постановления ЦК КПК о некоторых крупных во-
просах всестороннего углубления реформы // Жэньминь жибао. 16.11.2013.
С. 5 (на кит. яз.).
- 30 Там же. С. 13.
- 31 Материалы агентства Синьхуэ. 27 дек. 2013 г. (на кит. яз.). С 2.
- 32 Там же. С. 4–5.
- 33 Там же. С. 5.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Там же. С. 6.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 Цит. по: Независимая газета. 11.07.2013. Приложение НГ–ЕХ LIBRIS. С. 4.
- 40 Там же.

Содержание

Предисловие	3
<i>В.И.Спиридонова</i>	
Новые измерения глобализма и проблема консолидации российского общества	11
<i>Р.И.Соколова</i>	
Зачем России нужна идеология?	57
<i>В.С.Семенов</i>	
Идеология государства как выражение объективных требований саморазвития общества и народа	112
<i>В.Л.Шарова</i>	
Роль этнического фактора в развитии государственности современной России	121
<i>В.Н.Шевченко</i>	
Публичная философия сегодня: между академической философией и идеологиями политических движений	142
<i>В.Г.Буров</i>	
Социально-экономические и идейные основы современного государства: китайский опыт	180

Научное издание

Социально-исторические и идейные основы современного российского государства

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректурa авторов

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 20.02.14.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 11,73. Тираж 500 экз. Заказ № 03.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>